**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 36. Сентябрь 2020 г.**

Современная Россия и мир: альтернативы развития (Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти)

Сборник научных статей

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

ISSN 2309-5431

ББК 66.3(2)я431+63.3(0)6-64я431
Д 541

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор ***Ю.Г. Чернышов*** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент ***О.А. Аршинцева***, кандидат исторических наук, доцент ***А.М. Бетмакаев***, ***С.Н. Исакова*** (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент ***В.Н. Козулин***, кандидат исторических наук, доцент ***О.Ю. Курныкин***.

Д 541 **Дневник Алтайской школы политических исследований № 36. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти)**: сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 214 с.

Сборник содержит научные статьи исследователей из четырех российских городов (Барнаул, Москва, Нижний Новгород, Улан-Удэ), а также из двух зарубежных стран (Республика Армения, Республика Казахстан). Исследователи рассматривают особенности интерпретаций событий XX века и политики памяти в разных государствах мира (Армения, Беларусь, Великобритания, Венгрия, Греция, Индия, Казахстан, Сербия, Россия, Турция, Узбекистан, Франция, Япония).

Издание предназначено как для специалистов (историков, политологов, международников, регионоведов, социологов, культурологов и др.), так и для всех, кто интересуется историей и политикой памяти.

ББК 66.3(2)я431+63.3(0)6-64я431

ISSN 2309-5431

© Алтайская школа политических исследований, 2020
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2020

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ XX ВЕКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Ю.Г. Чернышов
История XX века в политике памяти: итоги двух конференций

Habent sua fata libelli – «книги имеют свою судьбу». Эта крылатая фраза вспоминается каждый раз, когда выходит новый выпуск нашего серийного издания, берущего истоки с 1996 года. Первые два выпуска «Дневника Алтайской школы политических исследований» вышли по материалам «круглых столов» в газетном формате. Потом было много изданий, сделанных и на гранты, и (чаще всего) на одном энтузиазме организаторов ежегодных конференций. Мы всегда стремились выбирать наиболее актуальные темы, приглашая для их обсуждения самых разных экспертов и ученых. 36-й выпуск «Дневника АШПИ» не стал исключением, при этом в нем отразились некоторые особенности общей обстановки и условий научной работы в 2020 году.

Выбор темы для обсуждения в этом году был не случаен: на фоне отмечавшегося 75-летия окончания Второй мировой войны во многих странах всколыхнулся интерес к разным интерпретациям исторических событий, что нередко выливалось в «войны памяти», споры и взаимные обвинения в «фальсификации истории» и т.д. Это не удивительно: правящие элиты, как правило, смотрят на историю не с целью выяснить, «что было на самом деле», а с целью найти способ использования выгодных интерпретаций истории в своих интересах. Со сменой элит, как правило, меняются и официальные установки о том, что надо считать «истинной историей». Такие установки, как показывают многие современные исследования [см., например: 1; 2; 3; 4; 5], составляют важнейший компонент так называемой «политики памяти», которая используется в разных странах и для формирования национальной идентичности, и для легитимации существующих политических режимов. Стоит отметить, что темы, связанные с «политикой памяти» и близкими к ней понятиями («имидж страны», «мягкая сила», «идентичность» и др.), уже не раз обсуждались на конференциях АШПИ [см.: 6; 7; 8; 9; 10][1], и в 2020 году был выбран новый аспект – национальные варианты «политики памяти» и интерпретации важнейших событий XX века (мировые войны, революции, деколонизация, распад империй, «холодная война» и т.д.).

На основе междисциплинарного изучения ставилась цель выявить характерные черты национальных моделей политики памяти с учетом

[1] Полный перечень выпусков «Дневника АШПИ» можно посмотреть на сайте - URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?page_id=819

формируемых в массовом сознании представлений о ключевых событиях мировой истории XX века. При этом организаторы стремились уделить внимание и теме формирования политической идентичности, связанной с политикой памяти. Были определены следующие секции:

1. Национальные варианты политики памяти и идентичность: теоретические аспекты изучения.
2. Политика памяти как инструмент формирования идентичности в зарубежных странах.
3. Политика памяти в отношении событий XX века и политическая идентичность: отечественный опыт.

По сложившейся с 2002 года традиции, конференции АШПИ проводятся весной и осенью. Сначала проходит интернет-конференция (апрель – июнь), а затем (в конце сентября) «очная» конференция «Современная Россия и мир: альтернативы развития».

Первая конференция прошла при поддержке Алтайского государственного университета (кафедра всеобщей истории и международных отношений) и Российской ассоциации политической науки с 1 апреля по 30 июня. На сайте АШПИ были выставлены и обсуждены 30 поступивших докладов. Кроме авторов из Барнаула (из АлтГУ, АГМУ, АГПУ) в конференции приняли участие исследователи из Еревана (Республика Армения), Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Саранска, Томска, Торонто (Канада) и Улан-Удэ.

Интересные сюжеты и оригинальные подходы есть во многих поступивших докладах. Так, И.С. Семененко исследовала эволюцию европейской политики памяти и идентичности на фоне новейших событий – в том числе в связи с распространением пандемии. Н.А. Коровникова рассмотрела близкую тему с точки зрения социальной психологии. Теоретических аспектов темы касались также Л.Г. Коваленко и В.В. Миронов.

Самые разнообразные в географическом плане экскурсы встречались во второй секции: по Армении (Г.П. Григорян, Республика Армения), Африке (О.А. Богатова, А.В. Митрофанова), Беларуси (Е.А. Бикетова), Великобритании (О.А. Аршинцева, Н.Ю. Самойлов, П.В. Ульянов), Венгрии (А.М. Бетмакаев), Гонконгу (Г.З. Папашвили), Греции (К.А. Чураков), Европейскому Союзу (Е.В. Хахалкина), Израилю (В.П. Румянцев), Индии (О.Ю. Курныкин), исламскому миру (С.В. Голунов), Сербии (А.М. Савоськин), США (И.И. Курилла), Турции (С.Д. Кленова, Ю.Г. Чернышов), Франции (Н.С. Малышева, В.Р. Филиппов, Е.И. Филиппова) и другим странам и регионам.

Отечественная политика памяти также рассмотрена в разных аспектах – например, через обращение к интерпретации различных исто-

рических явлений и событий, таких как политический терроризм в Российской империи (Т. Рокки, Канада) и конец царизма (В.Н. Козулин), Гражданская война на Алтае и японская интервенция на Дальнем Востоке (Н.В Дьяченко, А.В. Михалев), Карибский кризис (В.Е. Дергачева, Ю.Г. Чернышов), вспышка холеры в СССР в 1970 году (В.А. Смирнова) и др. Рассмотрены также и конкретные практики продвижения политики памяти с помощью школьных учебников по истории (А.Б. Суслов, Е.В. Шуйская), с помощью политики региональных элит на примере Нижнего Новгорода (М.А. Казаков, М.С. Лысцев, М.С. Северова). После завершения интернет-конференции доклады были представлены еще рядом авторов (А.О. Наумов, Х.М. Турьинская, Л.А. Фадеева, Ю.Н. Цыряпкина и др.).

Вторая конференция была проведена 24–25 сентября в Алтайском государственном университете. Это была XXV ежегодная конференция АШПИ «Современная Россия и мир: альтернативы развития». Ее организаторами и учредителями стали Алтайская школа политических исследований, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки. Конференция проводилась в комбинированном формате. В связи со сложной эпидемиологической обстановкой более половины иногородних участников выступили в онлайн-режиме (из Торонто, Москвы, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Саранска, Томска, Улан-Удэ). Барнаульские ученые и 4 гостя из Новосибирска выступили «очно» (они представляли АлтГУ, БГПУ, НГУ и Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС).

На открытии конференции выступили с приветствиями проректор по научному и инновационному развитию АлтГУ С.Г. Максимова и заместитель директора Института истории и международных отношений К.А. Пожарская. Председатель оргкомитета директор АШПИ, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ Ю.Г. Чернышов рассказал об основных итогах прошедшей интернет-дискуссии.

На обсуждение было вынесено более 20 докладов, в том числе от таких известных специалистов, как И.С. Семененко (д.полит.н., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН), И.И. Курилла (д.и.н., профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге), В.Р. Филиппов (д.и.н., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН), Тони Рокки (научный сотрудник Справочной библиотеки Торонто,

Канада) и др. В дополнение к докладам, которые были представлены и на интернет-конференции, состоялись также выступления еще ряда исследователей из Барнаула, Новосибирска и Перми (Д.В. Березняков, В.С. Бойко, В.В. Демидов, С.В. Козлов, Ю.А. Пустовойт, Л.А. Фадеева, Ю.Н. Цыряпкина и др.). Разнообразие рассмотренных сюжетов по «политике памяти» в разных странах дало хороший материал для сравнений и обобщений.

О своих впечатлениях, оставшихся от конференции, написали ее участники:

Елена Хахалкина, д.и.н., профессор, зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск:

«Выражаю большую благодарность за приглашение Алтайской школе политических исследований! Организаторы приняли решение все-таки провести, а не перенести, конференцию, сумев виртуозно выстроить ее работу фактически на двух площадках – на базе своего родного ВУЗа и в виртуальной среде. События, связанные с формулированием политики идентичности на постсоветском пространстве, дополнительно актуализировали тематику конференции, придав фундаментальный характер простым, казалось бы, вопросам: а для чего нужна политика идентичности? Как конструируется политика памяти и почему она дает сбои? Как миграционные вызовы влияют на идентичность на примере стран ЕС, США и других государств? Как пандемия изменит существующие политики памяти? Конференция позволила участникам уточнить результаты своих исследований, увидеть новый ракурс проводимых разработок, ближе узнать научные интересы коллег, задаться новыми для себя вопросами. Еще раз благодарю организаторов и желаю Школе новых участников и сил для проведения следующей встречи!».

Вера Смирнова, преподаватель кафедры гуманитарных наук РНИМУ им. Н. Пирогова, г. Москва:

«Спасибо за приглашение к участию в конференции. Интересные доклады, комментарии. Меня больше всего поразила техническая сторона – зум-участники отлично слышали очных участников, и, надеюсь, наоборот. Очень удачно это организовано».

Тони Рокки, магистр исторических наук и магистр библиотековедения, научный сотрудник Toronto Reference Library, г. Торонто (Канада):

«После удачного выступления через zoom на научной конференции в Алтайском Государственном Университете в Барнауле. Прочитал доклад о политическом терроризме в Российской империи в Революции 1905 года. Благодарю барнаульских коллег за поддержку моей работы!».

Наталья Пивоварова, аспирант кафедры ВИМО (г. Новокузнецк):

«Очень впечатлил масштаб конференции и уровень докладчиков. Так приятно было видеть, что, несмотря на высокий уровень мероприятия, сохранялась непринужденная и доброжелательная атмосфера. Интересно было услышать живые выступления, размышления, диалоги. Большое спасибо всем организаторам!».

По завершении работы секций 25 сентября состоялся также онлайн мастер-класс «Молодые исследователи о политике исторической памяти», проведенный в рамках Фестиваля науки «NAUKA 0+». С рассказами о ходе своих исследований выступили студенты и аспиранты АлтГУ: Дергачева Влада, Дерендяева Анна, Кленова Софья, Нелюбин Павел, Папашвили Георгий, Савоськин Алексей, Самойлов Никита.

В завершение необходимо отметить, что судьба данного издания особая: оно выходит параллельно с выпуском «ваковского» журнала. Статьи по итогам конференций публикуются в этом году не в одном, а в двух изданиях: не только в данном выпуске «Дневника АШПИ», но и в спецвыпуске журнала **«Известия Алтайского государственного университета»** (№6 за 2020 г). В спецвыпуске представлены статьи, которые можно посмотреть на сайте[1] журнала, чтобы иметь более полное представление о содержании всего прошедшего обсуждения:

Богатова О.А., Митрофанова А.В. Музеификация травматического прошлого в Южной Африке: конкуренция нарративов.

Голунов С.В. Апелляции к прошлому в политике «Халифата Исламского государства».

Дергачева В.Е., Чернышов Ю.Г. Карибский кризис в политике памяти СССР (России) и США: сравнительная характеристика.

Курилла И.И. Политика памяти: вариант США.

Миронов В.В. «Дети тьмы» и «международное общество»: колониальная политика в оценке Английской школы международных отношений.

[1] Известия Алтайского государственного университета. URL: http://izvestiya.asu.ru/issue/archive

Наумов А.О. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России.

Папашвили Г.З., Курныкин О.Ю., Тажиева М.Н. Британское влияние как фактор формирования современной идентичности гонконгцев.

Рокки Т. Политический терроризм в Российской империи в 1901–1911 гг. и его место в исторической памяти России.

Румянцев В.П. Шестидневная война 1967 г.: народные мифы и «битвы историков».

Семененко И.С. Политика памяти в Европейском союзе: в поисках общих ориентиров.

Суслов А.Б., Шуйская Е.В. Школьные учебники о демократическом транзите в России в 1990-е гг.

Фадеева Л.А. Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков.

Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики.

Хахалкина Е.В. Политика памяти ЕС в контексте осмысления деколонизации и европейской идентичности.

В данном сборнике в приложениях к некоторым статьям приведены комментарии к ним, поступившие во время интернет-конференции. Кроме того, на YouTube желающие могут посмотреть видеозапись заседаний сентябрьской конференции, где также отражены состоявшиеся 24-25 сентября дискуссии по докладам[1].

Тема для новой интернет-дискуссии уже намечена: «Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти». Интернет-конференцию на эту тему мы планируем открыть с 1 апреля 2021 года.

Оргкомитет приносит благодарность всем, кто помог в проведении конференций и представил свои статьи для публикации.

Приглашаем к новым обсуждениям!

ЛИТЕРАТУРА

1. The Politics of Memory in Postwar Europe. Ed. by R.N. Lebow, W. Kansteiner and C. Fogu. Durham, NC, and London, 2006.

2. Coakley J. Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // Nationalism and Ethnic Politics. 2007. Vol. 10. № 4. P. 531–560. https://doi.org/10.1080/13537110490900340

[1] Конференции Алтайской школы политических исследований. URL: https://www.youtube.com/watch?v=PtkWRoqKG_8

3. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

4. Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 65-76.

5. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб., 2020.

6. Дневник Алтайской школы политических исследований. №21. Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения). Барнаул, 2005. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17377

7. Дневник Алтайской школы политических исследований. №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке). Барнаул, 2007. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17388

8. Дневник Алтайской школы политических исследований № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях). Барнаул, 2017. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17450

9. Дневник Алтайской школы политических исследований № 34. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственными и негосударственными акторами). Барнаул, 2018. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17453

10. Дневник Алтайской школы политических исследований. № 35. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны). Барнаул, 2019. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17863

1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Л.Г. Коваленко

Некоторые особенности политики памяти в свете глобальных событий современности

На рубеже XX–XXI вв. актуализировалась в теории и практике проблема «политики памяти», хотя она не нова, интерес к данному феномену уходит корнями в глубь веков. Отсюда и множество дефиниций, в которых акцентируется внимание на тех или иных аспектах. Поскольку автор не ставит задачу проанализировать многообразие подходов к проблеме, а имеет целью рассмотрение вариаций политики памяти в условиях актуализации глобальных исторических событий, возьмем за основу общепринятое понятие: «мягкая сила» [1]. Одно из направлений политики мягкой силы — политика памяти, это целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте посредством различных вербальных и визуальных практик [2]. Политика памяти используется как механизм легитимации режима и его действий, включает такие феномены, как «историческая память», «историческая политика», «символическая память, политика», индивидуальная и коллективная память и, соответственно, разнообразный инструментарий. Также выделяется множество субъектов политики памяти: государство и его институты, общественные институты — фонды и организации, структуры культурного назначения. Историческую память можно рассматривать как память поколений, влияющую на общественное сознание. Историческая политика связана с политикой. Историческая политика — это набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие, т.е. используя административные, финансовые ресурсы государства и силы у власти, осуществляя идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти [3, с. 8]. «Историческую политику» нельзя отделять от «политики памяти», которая решает актуальные задачи: на международной арене — обоснование финансовых и территориальных претензий к какой-либо стране, формирование негативного имиджа оппонента и его изоляция с целью предъявления своих требований. На внутреннем пространстве — легитимация пра-

вящего режима, формирование национальной идентичности с заранее заданными политическими характеристиками.

В 2000-е гг. имели место требования финансовой компенсации, обращенные к РФ, а также территориальные претензии. Обоснование: Россия правопреемница СССР и должна платить и каяться. Все это создает определенную напряженность в межгосударственных отношениях. Особое значение приобрели исторические события, так или иначе связанные с национальным самосознанием и влияющие на международные отношения. Это Холокост, Катынское дело [4]. П. Полян считает, что неверно закрывать глаза на отрицание Холокоста некоторыми исследователями и политиками. Популярность данной позиции в современной Европе он видит в непросвещенности значительной части населения относительно этой проблемы, особенно среди прибывших переселенцев с Востока [5, с. 275]. Но среди отрицающих немало историков и политиков (людей просвещенных), следовательно, дело не в «непросвещенности», а в политике и ее задачах.

Важно отметить, что актуализация политики памяти происходит в процессе глобализации, с ростом взаимозависимости. С одной стороны, этот процесс стихийный, а с другой — регулируемый международными организациями и принятыми нормативными документами, то есть сложилась система глобального управления. Но наряду с глобализацией усиливается процесс регионализации, это объективно [6, с. 185–186]. Глобализация оказывает влияние на мировые процессы. Крах СССР многие связывают с этим феноменом, т.е. система не смогла справиться с инновациями в силу своей полузакрытости. И это одна из глобальных проблем современности. «Победители» поставили цель — пересмотр существующего миропорядка, новое положение суверенного государства. После натовских бомбардировок Югославии на авансцену международной политики выходит принцип «вмешательства во внутренние дела», что повлекло изменения в системе международных отношений, то есть суверенитет стал инструментом, позволяющим государствам взаимно признавать монопольное право друг друга на использование принуждающего насилия в пределах своих территорий [7, с. 86].

Также усиливается стремление внутри государств подчеркнуть свою национальную идентичность, значение в мировом пространстве. При этом используется весь арсенал исторической памяти через политику памяти. В каждой стране она имеет определенные особенности. Интересна в этом плане политика памяти в некоторых странах Европы и на постсоветском пространстве. Доминирующая общая тенденция — конфронтация с Россией. Агрессивная антироссийская трактовка со-

бытий Второй мировой войны стала частью политики памяти. В ней нет места освобождению Советской армией стран Восточной Европы, послевоенная история рассматривается как оккупация и геноцид, замалчивается собственное сотрудничество с Гитлером в 30–40-е гг.; забыли и о помощи в восстановлении разрушенных стран. Используя общие практики в осуществлении политики памяти, проводят «дипломатию памяти», стремясь добиться признания мировым сообществом факта преступлений коммунистических режимов; принимаются мемориальные законы относительно Холокоста, преступлений коммунистов; создаются специальные институты, разрабатывающие стратегию и тактику политики памяти [4]. Но есть и некоторые национальные особенности, о которых много написано, прежде всего в Польше, которая с конца 80-х — начала 90-х гг. превратилась в оппонента Российской Федерации. Были созданы Институт национальной памяти (ИНП) и его филиалы в 11 городах. Цель — сбор документов органов госбезопасности за период с 1944 по 1989 гг., расследование преступлений, их отождествление. Инструментарий, который активно используется, разнообразен [3, с. 9, 23]. По этому пути пошли Чехия, Словакия, Румыния, Болгария. К этой стратегии в 90-е гг. присоединились государства на постсоветском пространстве: Украина и Прибалтика. Украина — раскручивается история голода 1932–1933 гг. Все события переписаны и преподносятся как геноцид украинского народа, а ответственность возлагается на СССР и РФ. Эта идея активно пропагандируется на международной арене и выдвигаются требования к России компенсационного характера. В 2008 г. при СБУ создана специальная комиссия по обелению ОУН и УПА, сегодня шествия националистов, их символика ни у кого не вызывают отрицания, особого возмущения. Можно сказать, что нация приняла эту реальность, преподносимую как историческую память народа. Очень активно работает пропагандистская машина на всех уровнях, начиная с детского сада. Созданы музеи советской оккупации.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что политика в постсоветских государствах, на взгляд автора, имеет больше общего, чем особенностей. Присутствует элемент травматичности в историческом сознании, связанный с разными периодами развития в рамках одного государства, и это активно используется. Цель одна — укрепление национального государства, имеющего свой голос на международной арене, влияние на политический процесс, стремление ослабить и, возможно, уничтожить своего главного врага, так как в ряде государств Россия на официальном уровне провозглашена страной —

агрессором (такое определение относят и к историческому прошлому, и к современной России).

Активная политика памяти осуществляется и в Западной Европе, прежде всего связанная с событиями конца 30-х — начала 40-х гг. и послевоенным периодом. До конца 70-х годов партнеры ФРГ по ЕС культивировали гордость за антифашистское сопротивление, затем этот нарратив был дополнен дозированными расчетами с собственной историей, в том числе, осознанием участия граждан своей страны в Холокосте. Франция начала осваивать историю французского коллаборационизма, в том числе и марионеточного государства Виши. Ответственность французов за депортацию евреев президент Ж. Ширак публично признал в 1995 году. Представления о «добре и зле» в тот период еще не подлежали ревизии, но уже с конца XX — начала XXI в. многие устои европейского консенсуса о прошлом зашатались, а именно ключевые элементы: память о Холокосте и нацизме [8, с. 44]. В соответствии с принятой концепцией 60–70-х гг. ФРГ каялась за нацизм и Холокост, примирялась со своими послевоенными границами по востоке, гордилась конституционным патриотизмом и успехами в экономике. В политике памяти выделяется направление «политики вины», которая стала элементом образования и создала условия для проработки прошлого. Сформировалась музейная и мемориальная политика. Однако в объединенной Германии 90-х гг. появились некоторые новые мотивы в немецкой трактовке прошлого. Активизировались разговоры о страданиях немцев в нацистский период, замалчивание своей вины. Многие, особенно молодое поколение, отказываются признавать табу на разговоры о немецких страданиях и жертвах. Все негативные стереотипы, связанные с Германией, оживают, Эти изменения вызывают беспокойство [8, с. 45–46]. Важно то, что в ФРГ политика памяти и историческая практика взаимосвязаны. Обозначилось новое направление — осуждение коммунистического режима, что стало удобным дискурсом в процессе поглощения ГДР Западной Германией, где не была проработана проблема прошлого и преступлений нацистов и общей ответственности немцев, что способствовало росту популярности неонацистских группировок и постановке знака равенства между нацизмом и коммунизмом [8].

Итак, прежний европейский консенсус в отношении коллективной исторической памяти, лежащий в основе политики памяти в конце XX в., разрушается, этот кризис ведет к выработке новой стратегии политики памяти, в основе которой должен быть более сложный консенсус или, возможно, путь к «войнам памяти», что на взгляд автора уже активно проявляется во взаимных претензиях. История здесь выступает

манипулятивным механизмом, определяющим политику памяти. Общее в политике памяти европейских стран связано прежде всего со Второй мировой войной, до- и послевоенным периодами и ролью СССР.

Учет национальных особенностей в реализации политики памяти особенно важен в многонациональных государствах. И это, прежде всего, Россия сегодня: федеральный и региональный уровни, и даже местный, исходя из национального состава населения. В этом плане интересен регион Северного Кавказа. Достаточно сложным по этническому составу является население Кабардино-Балкарии (КБР), что характерно практически для всех республик региона. Здесь интенсивно идет процесс осмысления прошлого с начала 90-х гг., что определяется социально-политическим контекстом. Одним из механизмов проведения политики памяти является коммеморация, представляющая набор способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом (Н.А. Антипин). При этом используются различные практики. В КБР с 1 сентября 1997 г. проводятся масштабные региональные торжества: День государственности КБР и День города в Нальчике [9, с. 67–68]. Может происходить удревнение каких-либо событий. Противоречивые практики имеют место по поводу политических репрессий 1920–1930-х гг. В 2015 г. открыт монумент жертвам политических репрессий, в том же году в с. Озрек, где проживают в основном осетины, решением местного самоуправления был открыт памятник Сталину, подаренный Северной Осетией. Это событие вызвало резкую критику титульного населения. Одной из стабильных традиций остается День Победы и с 2015 г. — «Бессмертый полк». В 1957 г. пышно отмечалось 400-летие вхождения Кабарды в состав России, был воздвигнут монумент «Навеки с Россией». В 2017 г. — празднование 460-летия этого исторического события [9]. Вот такие нестыковки имеют место, вероятно, открываются новые документы. Объективно сложилось, что наиболее массовые коммеморативные практики связаны с травматическим опытом. С 1992 г. отмечается День памяти адыгов (трагедию возводят к Кавказской войне XIX века), что было закреплено ВС республики под спорным с исторической точки зрения обоснованием «Об осуждении геноцида адыгов в годы Русско-кавказской войны». Такая формулировка оказалась превосходно мобилизующим и консолидирующим этническое сознание мотивом [9]. Еще более активный травматический опыт связан со сталинскими депортациями 1944 г. 8 марта 1990 г. — День памяти жертв насильственного выселения балкарского народа, открыт мемориал жертвам политического режима. Отмечается День черкесского флага, здесь

травма Кавказской войны не столько проработана, сколько эмоционально переживается и политически инструментуализируется. Следует отметить, что подобные практики ведут к фиксации и воспроизводству травм в историческом сознании новых поколений, что особенно характерно для многих регионов РФ в осуществлении политики памяти.

Таким образом, политика, в основе которой лежит историческая память, является существенным фактором социально-политического и социокультурного развития региона, обеспечивая различные уровни общественной солидарности и этнической мобильности [9].

В России под воздействием постсоветской трансформации идет процесс переосмысления исторического прошлого. Автор считает, что касающееся КБР характерно для всех республик РФ и особенность здесь — черта травматичности и поиск национальной идентичности. При этом имеет место толерантность в духовно значимом смысле, т.е. умение, оставаясь самим собой, осмыслить и почувствовать свою особую ценность, внутреннюю специфику иного, непохожего на тебя человека. Причем это касается и титульной нации — русского народа. Еще одна особенность — коллективизм, ярко проявляющийся в трагические для страны моменты, повышенное чувство патриотизма. В реальной политике памяти это проявляется в различных массовых акциях, памятных датах. В политике памяти, обращенной вовне, можно как особенность обозначить конфронтационность исторической политики по проблемам: мемориальной памяти — памятники освободителям (воинам Советской армии), оценки роли СССР в войне и разгроме нацизма. Следует отметить, что политику памяти как важнейшую проблему, оказывающую влияние на межгосударственные и внутригосударственные отношения, можно рассматривать и как особого рода технологию манипуляции общественным сознанием и психологию, определяющую политическое поведение.

Разрушение на рубеже веков устоявшихся стереотипов, глобальные изменения в мире способствовали мировоззренческой дезориентации людей, возрастанию общественной неустойчивости, некоторой растерянности, что привело к появлению крайностей в оценке политических и социокультурных преобразований, сформировались иные взгляды и оценки исторического прошлого, стремление очернить оппонентов и усилить свою значимость на международной арене. В этой сложной ситуации при осуществлении политики памяти особо возрастает роль исторической науки и ученых-историков, влияющих на формирование исторического сознания. В некоторых странах историк, имеющий мнение, отличное от официальной точки зрения, подвергается остракизму, рассматривается как «агент враждебных сил». Все это

находит отражение в политике памяти большинства государств и может рассматриваться как национальная особенность, ставшая общей.

Для России важно противодействовать перелицовке истории, необходимо создание собственной системы исторической политики, эффективной историко-политической структуры — Российского института национальной памяти, задача которого — мониторить текущее состояние «исторической политики», определять актуальные направления исследований, действовать более оперативно, реагируя на «исторические претензии» со стороны оппонентов; активно участвовать в международных дискуссиях (практика показала, что российские историки часто оказываются в роли пассивных наблюдателей или недостаточно убедительны). Также важна работа СМИ, но не очернительского характера по отношению к собственному прошлому, а более взвешенная и ответственная.

Литература

1. Мягкая сила // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/мягкая_сила

2. Политика памяти // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/политика_памяти

3. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.

4. Дюков А. Историческая политика или политическая память // Международный журнал. 2010. №1.

5. Соколов Б. Историомор, или трепанация памяти // Неприкосновенный запас. 2017. №2. С. 273–278.

6. Шахназаров Г. Глобализация и глобалистика — феномен и теория // Pro et contra. 2000. Т. 5. №4. С. 184–198.

7. Максименко В. «Происходит ли глобализация»? // Pro et contra. 1999. Т. 4. №4. С. 84–102.

8. Миллер А. Коллективная память — одна из опор ЕС? // Pro et contra. 2012. №1–2. С. 43–49.

9. Прасолов Д. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. 2017. №2. С. 67–82.

Н.А. Коровникова
Политика памяти в (пост)пандемическом контексте

В условиях современного глобального вызова коронавирусной инфекции[1] значительная часть населения столкнулась с кризисом не только материально-экономического характера, но и ментального, когнитивного аксиолого-телеологического, в первую очередь, «в сфере когнитивных процессов, к которым обычно относят память, внимание, восприятие, понимание, мышление, процессы принятия решений» [1, с. 133]. Поиск новой функциональной системы координат жизнедеятельности социума и ее духовных основ привел к актуализации и популяризации в рамках общественного и элитарного дискурсов тематики исторической памяти, политики памяти и исторических паттернов, совокупность которых представляет собой устойчивую систему представлений о прошлом в общественном сознании, которая содержит не столько рациональную, сколько эмоциональную оценку прошлого. Другими словами, актуализация, визуализация и коммеморация исторических образцов [2, с. 133–134] и примеров борьбы с вызовами, подобными сегодняшней пандемии[2], стали восприниматься в качестве целенаправленной стратегической парадигмы выхода из сложившегося кризиса.

Столкновение с новыми глобальными вызовами предполагает, с одной стороны, постоянную адаптацию и готовность большинства населения планеты к динамично изменяющейся среде в результате негативных пандемических последствий путем своевременного освоения и применения не только новейших знаний и разработок, но и освоения исторического опыта, знаний, традиций, образцов мышления и поведения, накопленных за всю историю эволюции человечества, которые позволят сформировать интеллектуальный фундамент будущего социума[3]. В этой связи сохранение, аккомодация и регенерация базовых элементов исторической памяти представляются важнейшими *целями* междисциплинарных исследований в эпоху (пост)пандемии и ее последствий, в их числе применение различных механизмов и ин-

[1] Коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома 2 (SARS-CoV-2), вызывающий коронавирусную инфекцию (COVID-19), в той или иной мере охвативший все регионы современного мира. — Прим. авт.

[2] Например, испанский грипп или «испанка» (исп. la pesadilla) — масштабная массовая пандемия гриппа, которая длилась в период 1918–1920 гг. и затронула (по разным данным) здоровье более полумиллиона человек. — Прим. авт.

[3] В выбранном ракурсе понятия «политика памяти» и «историческая политика» по сути синонимичны и рассматриваются как системообразующий фактор, генерирующий и детерминирующий особенности и потенциал ментального пространства социума. — Прим. авт.

струментов исторической политики, а именно реструктуризация прошлого, восстановление «исторической справедливости», реновация образов прошлого и способов их репрезентации [3, с. 50].

Эффективное функционирование человеческого социума в «постпандемическом» будущем представляется возможными только при условии соблюдения и выполнения основополагающих *функций* исторической памяти, в том числе: осознание особости и общности в рамках человеческого сообщества; доминирование и согласование макроидентификационных форм (макрогосударственной, международной, макрорегиональной, глобальной); детерминация общих жизненно важных приоритетов и целей на всех уровнях социума (микроличностном, мезогрупповом, макрогосударственном); обеспечение исторической культурно-аксиологической преемственности [4]; объективное исследование исторических материалов, их грамотное использование; предотвращение искусственного конструирования основ политики памяти и их воспроизводства в образовательных организациях; повышение качества исторического образования и профессионального информирования [3, с. 50].

Очевидно, что *память и история взаимодополняющие понятия*, поскольку «память это не просто отражение «прошлого», но сложный процесс, происходящий в настоящем» [5, с. 293]. В современном академическом дискурсе *память* рассматривается как сложный инструмент социальной связи, в значительной степени результат интеллектуальной истории, главным объектом которой стала «политика памяти», часто трактуемая как совокупность «стереотипов мышления, воздействующих из прошлого на настоящее» [5, с. 296]. В научной среде выделяют несколько этапов восприятия и трактовки понятий память и история (*исторических моделей*), которые в схематичном виде могут быть представлены следующим образом: средневековье — история подчинена памяти; XIX в. — история становится самостоятельной научной дисциплиной; XX в. — становление и развитие историографии, в рамках которой память была включена в качестве объекта исторических исследований и «обновила подходы к прошлому» [5, с. 293]; XXI в. — поиск новых способов исторических исследований, которые позволят преодолеть искажения прошлого и выработать на его примерах «овладение будущим» [5, с. 298], при условии контроля следующих неизбежных процессов: 1) постепенное замещение «природного мира совокупностью созданных человеком реальностей» с помощью инструментов визуализации и виртуализации; 2) «избыточность визуальности»; 3) обособленность от традиционных паттернов исторической памяти; 4) коммерциализация исторической памяти; 5) социаль-

ная коммуникация в форме диффузии визуальных образцов в виртуальном пространстве [6, с. 36–37].

Помимо «пандемических» социально-экономических негативных эффектов повсеместная цифровизация мирового пространства также несет в себе *риски* для дальнейшей глобальной эволюции *и* предполагает *деструктивное воздействие на поколенческую трансляцию исторической памяти*, которые могут выражаться в:

— распространении не только физиологических, но и ментальных вирусов (психоэмоциональные девиантные состояния индивидуального и массового сознания), исследование которых реализуется в рамках нового научного направления — «ментальная эпидемиология», с целью обеспечения «адаптивной защиты общественного ментального здоровья» [7, с. 85];

— обострении и массовизации ранее неизученных ментальных расстройств, например: «синдром рассеянного внимания» [1, с. 134]; «синдром ментального иммунодефицита»; «синдром экзистенциальной безысходности»; «деструктивный социогенез, психогенез, анимогенез» (деформация и деградация общественного сознания) [7, с. 89–90];

— культурной гипертекстуальности, «нелинейной, ассоциативной» генерации мыслей в контексте повсеместной виртуализации («кнопочная культура», «киберязык» и т.д.) [1, с. 134–136, 140];

— появлении деструктивных субкультур (например, группа NEET, коммуницирующая исключительно в виртуальном пространстве, неспособная адекватно воспринимать исторические образцы и традиции) [8, с. 583];

— фрагментарности и алогичности восприятия и осмысления информационных потоков, которые ведут к «отсутствию целостной картины окружающего мира» [1, с. 137–138, 140];

— интеллектуальной «утечке мозгов» в виртуальное пространство [9];

— поляризация и фрагментация социума, деструктивных формах социальной атомизации, социально-экономической дезинтеграции [8, с. 578];

— девальвации духовно-аксиологических основ жизнедеятельности в результате разрыва поколенческих ценностных связей [10, с. 119].

Важным признаком современного исторического дискурса можно считать *«практический поворот» политики памяти*, которая становится ориентирована на вопросы социокультурной обусловленности коллективных и индивидуальных способов понимания и интерпрета-

ции истории; взаимодействия и взаимообусловленности коммеморативных практик в глобальном масштабе; а также на формирование основ сетевого, деятельностного и философско-конструктивистского подходов [11, с. 23].

Существенный исследовательский интерес в данной области представляет деятельностный подход к исследованию исторических феноменов, поскольку: 1) содержит основы культурно-аксиологической и социально-праксиологической оценки политики памяти в контексте социальных процессов и отношений, конкретной исторической культуры и исторического сознания социума; 2) предполагает коллективную деятельность по воспроизводству и конструированию исторической памяти в качестве основы политики памяти; 3) рассматривает политику памяти не только в русле коммеморативных практик, но и в ракурсе обыденного дискурса; 4) акцентирует проблематику сочетания рационального и иррационального в воспроизводстве прошлого; 5) оценивает *личность как сознательного субъекта исторического мышления и политики памяти* [11, с. 23].

И, наконец, актуализация проблематики политики памяти в сегодняшнем контексте открывает новые направления для дальнейших исследований, в частности [12, с. 4–10]: выработка четкого категориального аппарата в данной области (символическая политика, политическое использование прошлого, историческая политика и т.п.), исследования институционального развития и управления историко-культурным наследием, музеализация исторических объектов, формирование различных типов политики памяти, применение сравнительного анализа к изучению исторической памяти и, наконец, *обращение к наднациональному, глобальному измерению политики памяти*, особо востребованному в условиях преодоления «пандемических» последствий и других общемировых проблем XXI века.

Литература

1. Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики. Монография / Научн. ред. проф. А.М. Старостин. Ростов-на-Дону, 2014. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwjzyJHxhNvoAhXcwcQBHWZ-C7UQFjABegQIARAB&url=https%3A%2F%2Fhub.lib.sfedu.ru%2Fstorage%2F1%2F389108%2F2194b49c-bddb-4714-80ab-9c53ec7b1e15%2F&usg=AOvVaw2v_bETITwrFoSgkV1TE5JI

2. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке //

Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Вып. 63. №6 (361). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-mehanizmy-ee-formirovaniya-analiz-istoriograficheskih-kontseptsiy-v-otechestvennoy-nauke

3. Павлова Ю.В. Конструирование и производство знания о прошлом: школьное историческое образование в России // Социология и право. 2015. №2 (28). С. 45–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-i-proizvodstvo-znaniya-o-proshlom-shkolnoe-istoricheskoe-obrazovanie-v-rossii

4. Бельков О.А. Историческая память в координатах идеологической борьбы. URL: https://histrf.ru/magazine/article/7

5. Чеканцева З.А. «Политика памяти» и моделирование истории // International Seminar «Mathematical Models & Modeling in Laser-Plasma Processes & Advanced Science Technologies» LPpM3-2012. 2012. Vol. XXIV. С. 292–298. URL: https://lppm3.ru/files/journal/XXIV/MathMontXXIV-Chekantseva.pdf

6. Аникин Д.А. Визуализация исторической памяти в сетевом обществе // Logos et praxis. 2017. Т. 16. №3. С. 32–39.

7. Сидоров П.И. Синдром приобретенного ментального иммунодефицита // Медицинский академический журнал. 2015. Т. 15. №4. С. 82–95. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25304778

8. Ломоносовские чтения-2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. М., 2019. URL: https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=56275&p=attachment

9. Почепцов Г.Г. Как информационные технологии атакуют ментальное пространство человечества // ResearchGate GmbH. 05.11.2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328738753_Kak_informacionnye_tehnologii_atakuut_mentalnoe_prostranstvo_celovecestva

10. Золотухин М.А. Концепция безопасности образовательного пространства // Технико-технологические проблемы сервиса. 2018. №1 (43). С. 117–120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-bezopasnosti-obrazovatelnogo-prostranstva

11. Линченко А.А., Аникин Д.А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. №1. С. 19–25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-predmet-filosofskoy-refleksii

12. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб, 2018.

И.С. Семененко
Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры

Сложная эпидемическая ситуация весны-лета нынешнего года внесла коррективы и во внутриполитическую, и в международную повестку дня. Солидарность и ответственность граждан и государств в борьбе с коронакризисом стали самыми насущными приоритетами и политики, и повседневности. Национальные государства оказались на переднем крае этой борьбы, и первой реакцией властей было стремление отгородиться от опасности через закрытие границ и максимально возможное сокращение контактов с соседями, партнерами, с внешним миром.

Такая реакция в странах Евросоюза стала испытанием на прочность евроинтеграции и ее перспектив. Только спустя недели стали обсуждаться и прорабатываться возможности солидарных действий в поддержку экономик наиболее пострадавших членов ЕС. Руководство ЕС в лице главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен от имени стран-членов извинилось перед Италией за то, что ей как первой жертве эпидемии незамедлительно не пришли на помощь. Начались переговоры о создании общеевропейского фонда восстановления экономики. Поддержка граждан осталась сферой ответственности государств, при этом доверие, взаимная ответственность и гражданская солидарность оказались действенными средствами противостояния невидимому общему противнику. В жестоко пострадавшей от эпидемии Италии в первые недели кризиса резко вырос градус евроскептических настроений и критических высказываний в прессе.

Но уже на пике кризиса ситуация стала меняться, появились инициативы, направленные на преодоление расхождений, в том числе знакового, символического характера. Совместную итало-немецкую петицию солидарности, обращенную к национальным правительствам и к структурам ЕС, в начале апреля подписали видные политики, общественные деятели, представители науки и культуры. В ней эмоционально подчеркивалось, что Европе нужна большая солидарность, что Евросоюз — это «сообщество с общими ценностями и общей судьбой, члены которого работают руку об руку пред лицом вызовов турбулентного глобального мира» [1][1]. В числе поставивших подпись под обращением стоит и имя авторитетного исследователя европейской

[1] На начало июня число подписантов превысило 25 тыс. человек.

политики памяти Алейды Ассман, хорошо знакомое всем занимающимся этой тематикой.

Как важный реальный и знаковый шаг была воспринята отправка больных из сильно пострадавшего французского Эльзаса в больницы Германии, а также Швейцарии. Любопытный материал случайно попался на глаза в эти дни автору данной статьи. «Московские ведомости» в комментарии, опубликованном 150 (!) лет тому назад, летом 1870 г., за подписью небезызвестного М.Н. Каткова, обращают внимание на то, как вопрос о «давности владения Франции Эльзасом» освещался в немецкой прессе. Ведущие немецкие издания того времени утверждали, что «исконно немецкие провинции… должны гореть желанием опять сделаться немецкими», а привязанность жителей Эльзаса и Лотарингии к французскому государству, их «французский патриотизм есть умопомешательство, которое „можно излечить“», в том числе и военными средствами [2, с. 516]. Оценивая притязания рождавшейся тогда на глазах современников Германской империи (Deutsches Reich), Катков не скрывает своих симпатий к Франции и французам.

В Европе XX века появились новые очаги «разделенной памяти» — в Южном Тироле, в Триесте и Истрии, в бывшей Верхней Силезии, в Трансильвании, на Кипре, в Галиции (список можно продолжить, особенно с учетом происходившего в Балканском регионе). Здесь особенно явственно прослеживается связь между памятью и идентичностью. Вопросы идентичности уже давно заняли место в повестке дня политики памяти. Пьер Нора, автор концепта «мести памяти», проницательно указывает на то, что продвижение «идентичности, как и памяти, стало долгом», и «именно здесь, на уровне обязательств, возникает связь между памятью и идентичностью…их сближение характерно для новых механизмов исторической и социальной динамики» [3]. Действительно, политика памяти была и остается (наряду с языковой и символической политиками) ключевым направлением политики идентичности, проводимой государством во взаимодействии с другими субъектами политического процесса — институтами образования и культуры, НКО, религиозными структурами, бизнесом (подробнее см.: [4]). Память формирует ориентиры индивидуальной и коллективных идентичностей, определяет их эмоциональное наполнение и четко разводит «своих» и «чужих», «значимых» и «незначимых» для собственного самоопределения. Государство апеллирует к национальной памяти, в которую предлагается встраивать личные и семейные нарративы, историческое знание вкупе с трактовками, предлагаемыми публичной историей. Но как раздвинуть национальные границы памяти в условиях, когда не утихают споры о перспективах формиро-

вания европейской идентичности как «скрепы» европейского интеграционного проекта?

Коронакризис лишний раз напомнил о том, что в трудной ситуации национальные «квартиры» оказываются ближе общеевропейского «дома». Реальностью остается и «разделенная память». Об этом свидетельствуют неоднократные попытки создать общие для стран ЕС учебники истории. В числе инициатив такого рода — подготовка франко-немецкого и польско-немецкого учебников истории для средней школы. В 2006 г. усилиями французских и немецких историков был подготовлен учебник нового поколения; через 10 лет была запущена линейка учебников в рамках польско-немецкого проекта. Однако серьезные различия в национальных нарративах, в трактовках отдельных исторических событий, в традициях преподавания истории [см.: 5] — это очевидные трудности, с которыми приходится иметь дело тем, кто, работая в европейском образовательном пространстве, задумывается над путями преодоления невидимых границ, которые закрепляет память через политику воспоминания или же политику забвения.

Проработка памяти и развитие европейской культуры памяти (European culture of remembering) вошли сегодня в число приоритетов интеграционного проекта. Заметные усилия прилагаются для вовлечения граждан в формирование и освоение общего пространства памяти на основе общих механизмов и ориентиров культуры памяти [6; 7]. От имени Европейской сети исследования экономической и налоговой политики (European Network of Economic and Fiscal Policy Research) было предложено расширить круг потенциальных адресатов общеевропейских социальных и культурных проектов, включить в их число пенсионеров (Pensioners' Erasmus), стимулировать профессиональную мобильность за счет поддержки программ краткосрочной занятости «по обмену» между странами-членами (European Waltz) [7]. В контексте политики памяти интересным предложением является поддержка школьных исследовательских проектов, посвященных местной истории как части общеевропейской истории, и «Исторический Эразмус» для взрослых в поддержку мобильности граждан для ознакомления с историей соседей по европейскому дому и последующей публикации своих размышлений на онлайн платформах [7, p. 54]. Эти инициативы направлены на перенесение акцента в культурной политике на локальный уровень.

Переформатирование механизмов политики памяти предполагает продвижение на разных уровнях ее реализации. Локальные начинания рассматриваются как неотъемлемая составляющая общеевропейского поля памяти. Национальный уровень, напротив, до сих пор скорее вы-

падал из этого контекста, инициативы, продвигаемые от имени структур ЕС, чаще адресованы гражданам и местным сообществам, а в их продвижение вовлечены трансграничные сетевые институты.

Сетевая платформа EUROPEANA — пожалуй, самая заметная инициатива общеевропейского масштаба на этом направлении, была запущена под эгидой Европейской комиссии в 2008 г. Это виртуальная библиотека и архив, где оцифровываются и выкладываются для общего доступа документы, публикации и другие материалы по историческому и культурному наследию Европы и ее граждан. В том числе собираются свидетельства очевидцев, создается архив личных историй. Уже осуществлено несколько масштабных проектов по созданию общеевропейского исторического нарратива, собрана коллекция, посвященная Первой мировой войне. В нее включены оцифрованные памятные личные вещи и истории участников, литература и кинофотодокументы (всего около 400 тыс. единиц) [8]. Постоянно пополняется платформа, посвященная миграции (в настоящее время — более 220 тыс. единиц): всем желающим предлагается «поделиться своей личной историей» и обеспечивается доступ на портал для ее записи и размещения оцифрованных объектов [9]. Характерно, что для формирования общего нарратива памяти выбраны темы, которые не вызывают принципиальных разногласий в трактовке (по крайней мере, со стороны тех, кто готов участвовать в проектах), будь то в силу отдаленности событий или ввиду требований политкорректности.

В непростые для европейского интеграционного проекта времена обрели, наконец, плоть и попытки представить в публичном пространстве общее видение европейской истории: весной 2017 г. в Брюсселе открылся Дом европейской истории (House of European History). Его миссия — рассказать историю становления объединенной Европы, которая призвана «не просто быть суммой национальных историй или заменой их, но стать резервуаром европейской памяти» и «стимулировать публичную дискуссию о европейской памяти и сознании» [10].

Переходя из зала в зал постоянной экспозиции, занимающей несколько этажей отреставрированного здания бывшей клиники (1935 года постройки) неподалеку от штаб-квартиры ЕС, трудно отделаться от впечатления, что видишь плоды «стерильного» кураторского проекта. Изменение политического видения контуров европейского пространства прослеживается в презентации идей о послевоенном политическом обустройстве Европы. Особенно явственно это просматривается в экспозиции, посвященной последнему десятилетию XX века, когда крах советского проекта привел к пересмотру ментальных границ и перемещению фронтира к границам постсоветских стран, а за-

тем — к европейским границам России. В экспозиции буквально отражен звучащий из уст сегодняшних лидеров ЕС процесс «приведения географического пространства Европы в соответствие с нашими ценностями» [10]. Рубеж начала 1990-х гг. отмечен включением в пространство единой Европы стран Центральной и Восточной Европы и фактическим исчезновением из нарратива, олицетворяющего общую европейскую память, России.

При этом нынешнее выставочное пространство имплицитно пронизывает миф о «похищении Европы», с которого начинается экспозиция. Задача преодолеть фрагментацию европейского цивилизационного пространства не решается, как свидетельствует экспозиция, политико-институциональным регулированием и экономической интеграцией. И неслучайно наиболее яркий ее акцент — это повседневность, узнаваемые предметы быта в период перехода от общества послевоенной скудости к обществу массового потребления. Завершающий аккорд — образные слова Папы Римского Франциска: в сегодняшней Европе складывается «картина усталости и старения, это портрет Европы — бабушки, утратившей способность производить на свет потомство и израсходовавшей свои жизненные силы…» (2014 г.). Экспозиция заставляет задуматься о будущем европейского проекта. Это будущее, как и выставочный проект, конечно, открыто не только для «дописывания», но и для «переписывания». Ясно и то, что предложить убедительный образ общего прошлого и общей памяти пока не получается.

Тем более актуальным для «жильцов» общего европейского «дома» становится выдвижение ориентиров для формирования позитивной, ориентированной на развитие идентичности. В конструирование идентичности вовлечены европейские институты разного уровня, отвечающие за культурную и социальную составляющие общеевропейской политики. Особое место в этом контексте отведено механизмам массовой политики — от проектов создания общеевропейских партий до действующих европейских законодательных инициатив. Очевидно, что поддержание общего пространства памяти требует продуманных и ответственных усилий и взаимодействия всех вовлеченных в реализацию политики идентичности сторон, диалога структур ЕС, уполномоченных институтов национальных государств, экспертов, университетского и преподавательского сообществ, институтов культурного наследия.

Сегодня активно идут процессы не только виртуализации, но и «алгоритмизации жизненного пространства» [11, с. 24]. Политика памяти вызывает широкий интерес и массовый отклик тогда, когда она

вписывается в эти общие тренды, обеспечивая эмоциональный накал и зрелищность. Но при этом по умолчанию предполагается, что она остается в рамках политкорректности и повышенного внимания к «правильным» темам и сюжетам. А политкорректность как «идеология современной массовой демократии» — это, как отмечает известный российский социолог Л.Г. Ионин, и «политическое орудие, которое служит для контроля мнений в условиях свободы слова», и «современное воплощение принципа равенства», поскольку оно диктует обращение «с неравными как с равными, что рассматривается как одна из самых больших ценностей и достижений современности» [12, с. 90, 92].

Алгоритмизация жизненных пространств, которые организованы вокруг культурного наследия, неизбежно приводит к упрощению смыслов. Но именно таким образом выстраиваются сегодня общедоступные хранилища памяти: так, в музейных пространствах история как объект рефлексии о последовательности и смыслах происходивших событий вытесняется памятью как эмоциональным представлением и переживанием эпизодов и личных историй [13, с. 7–37]. Большой нарратив либо подменяется множеством частных, они складируются в банках данных и на цифровых платформах, либо идут поиски путей интеграции в публичном пространстве малых историй в общий культурно-исторический контекст. В последние годы практически во всех европейских странах появились новые музейные площадки, посвященные социальной и политической истории XX века, которые ориентированы на подходы новой музеологии и публичной истории, на создание пространства взаимодействия вокруг общего культурного наследия и разнообразных возможностей его публичной репрезентации, в том числе путем включения личной памяти в память коллективную. Музеи социальной истории XX века становятся площадками формирования политической идентичности [14]. Они претендуют на право быть пространствами коммуникации между гражданами, экспертным сообществом и властью, открытыми для освоения новых трактовок, смыслов и норм социального общежития.

В логике Мануэля Кастельса, идет целенаправленная работа по формированию проективной идентичности [15, с. 62–63; 16]. Заметное место занимают разного рода инициативы, вписанные в общеевропейскую символическую политику. В их числе ежегодные программы поддержки культурных столиц Европы, со времени запуска программы (1985 г.) в ней приняли участие 60 городов. В результате культурный ландшафт особенно заметно изменился в нестоличных городах, ставших культурными столицами Европы, реализация программы способствовала их экономическому развитию и созданию инклюзивной, от-

крытой культурным инициативам социальной среды. Впечатляющие результаты отмечены и в тех больших промышленных центрах, где усилия были направлены на восстановление и перепрофилирование социально неблагополучных районов, например, в финском Турку и британском Глазго [17].

Год европейского культурного наследия проходил в 2018 г. под лозунгом «встречи прошлого и будущего». Было разработано десять ключевых направлений для вовлечения молодежи, в том числе через школу, подготовку кадров для работы в сфере наследия, продвижение целеориентированных научных исследований, поддержку разных форм социальных инноваций и защиту находящихся в зоне риска объектов наследия [18]. Культурное наследие рассматривается как двигатель развития с большим потенциалом, который отнюдь не сводится к продвижению туристической отрасли. В нем видится ресурс развития местных сообществ. Представление в публичном пространстве общей памяти таких сообществ происходит не только на площадках музеев, библиотек, виртуальных архивов, но и путем брендирования территорий и развития разных сфер креативной экономики, то есть с расчетом на прямой экономический и социальный эффект.

Особое место политики памяти определяют возможности ее (памяти) целенаправленного использования в соответствии с меняющейся политической повесткой дня. По сути, отношение к прошлому формирует новые пространства политических и культурных коммуникаций и новую повестку дня социальных взаимодействий. Возрастает значение духовного опыта как основы ответственного отношения к самой жизни и роль гуманитарного знания как значимой для современного человека ценности, формирующей культуру памяти.

Для нынешнего молодого поколения тоже встает сегодня вопрос о том, как пережить и как осмыслить наступившие трудные времена. В ближайшие годы память о том, как Европа сообща и ее члены по отдельности преодолевали кризис, связанный с пандемией 2020 г., скажется на пересмотре приоритетов политики идентичности. В разгар происходящего появляются оценки нынешней ситуации как кризиса европейской солидарности. Правопопулистские лидеры не скупятся на жесткие высказывания. Известные аналитики пишут о «провале идеологии европеизма» и о «смерти Европейского союза» (см., напр., [19]). Прогнозировать будущее ЕС еще не пришло время, но в массовом сознании европейской солидарности нанесен ущерб, который будет непросто скомпенсировать в ближайшие годы в условиях явственно обозначившихся расхождений в ценностях и ценностных приоритетах, которые озвучивают сегодня и лидеры стран-участниц, и эксперты.

Разногласия в политике памяти — одно из ярких отражений состояния ценностного консенсуса сообщества государств и европейской «семьи народов». Роль национальных государств в поисках путей укрепления социальной солидарности как важнейшего приоритета национальной политики идентичности будет в ближней перспективе первостепенной. Национальные, региональные и даже, вероятно, локальные варианты политики памяти могут оказаться не просто конкурирующими, но и несовместимыми. Вопрос о соотнесении свободы, демократии и безопасности займет ключевое место в повестке дня европейского строительства, за ним встает жизненный вопрос о ценностях и идентичностях, мотивирующих развитие.

Трансформация парадигмы развития становится магистральным направлением, нервом практической политики. Проблемы нравственной мотивации развития, максимально широкого использования нематериальных, интеллектуальных ресурсов и внедрения управленческих практик, отвечающих социальным потребностям и адекватных рискам развития современных обществ, составляют основание ответственного развития, а ответственная неконфронтационная политика памяти, ищущая пути диалога — это один из ее значимых компонентов.

Литература

1. Solidarietà europea adesso! Appello congiunto italo-tedesco ai Governi di tutti gli Stati Membri e alle Istituzioni dell'Unione Europea. URL: https://weareinthistogether.eu/it/petition/solidarieta-europea-adesso/#story (accessed 10.06.2020; по состоянию на эту дату число подписантов превысило 25 тыс. человек).

2. Катков. М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897.

3. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html

4. Идентичность: Личность, общество, политика / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2017.

5. Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №11. С. 65–76.

6. Dâmaso M., Davies L.J., Jablonowski K., Montgomery S. Acting European: Identity, Belonging and the EU of Tomorrow. Europeanness and Identity Working Group. FEPS Young Academics Network, 2019. URL:

https://www.feps-europe.eu/resources/publications/684-acting-european-identity,-belonging-and-the-eu-of-tomorrow.html

7. Ciaglia S., Fuest C., Heinemann F. What a Feeling?! How to Promote 'European Identity' // EconPol Policy Report. No.9. 2018. October. Vol. 2. URL: https://www.econpol.eu/publications/policy_report_9

8. Europeana. 1914–1918. URL: https://www.europeana.eu/portal/en/collections/world-war-I

9. Europeana. Migration. URL: https://www.europeana.eu/portal/en/collections/migration

10. Questions and Answers about the House of European History. URL: https://historia-europa.ep.eu/sites/default/files/assets/qa_en_2017.pdf

11. Аксенова О.В., Халий И.А. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. 2018. №24.

12. Ионин Л.Г. Политкорректность и «общество меньшинств» // Социология. 2010. №3. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/6363/1/pages%20from%20Социология_2010_№3.89-102pdf.pdf

13. Завадский А., Склез В., Суверина К. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М., 2019.

14. Семененко И. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №5.

15. Castells M. Globalisation and Identity. A Comparative Perspective // Transfer. 2006. №1.

16. Castells M. The Power of Identity. Malden, Oxford, Willey-Blackwell, 2010.

17. Dixon R. 10 Smaller European Capitals of Culture You May Not Have Heard of // The Guardian. 2020, 5.03. URL: https://www.theguardian.com/travel/2020/mar/05/10-smaller-uropean-capitals-of-culture-you-may-not-have-heard-of

18. 2018 European Year of Cultural Heritage. Ten European Initiatives. URL: https://europa.eu/cultural-heritage/sites/eych/files/eych-initiatives_en.pdf

19. Renaud Girard: «Pour ne pas laisser la situation s'enliser, la France doit reprendre l'initiative» // FigaroVox. 27.03.2020. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/monde/renaud-girard-pour-ne-pas-laisser-la-situation-s-enliser-la-france-doit-reprendre-l-initiative-20200327.

2. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

О.А. Аршинцева

Как изучать историю Первой мировой войны: образовательный проект Национального Архива Великобритании «Пропаганда, 1914–1918 гг.»

В общественно-политическом пространстве современной России и экспертном сообществе продолжаются активные дискуссии на темы исторической памяти, национальной идентичности, патриотизма и эффективных инструментов по их конструированию. Известный отечественный эксперт по проблемам коллективной идентичности А.И. Миллер, формулируя актуальные задачи политики исторической памяти как основы национальной идентификации, подчеркивает, что сама коллективная память «не находится в неприкрытом конфликте с историей как областью научного знания» (хотя объективно он неизбежен). Поскольку политика памяти является «общественным достоянием», для конструктивного ее обсуждения необходимо опираться «на четко продуманную медийную структуру, учитывать новейшие тенденции развития информационного пространства, в том числе возрастающее значение интернета и визуальных форм передачи информации» [1]. Переводя обсуждение проблемы в практическую плоскость, уместно поставить вопросы, насколько преодолим указанный конфликт между академическими концепциями и популярными версиями исторических событий и каковы практические возможности использования информационных технологий для решения указанной проблемы.

Актуальность повестки подтверждается разнообразной зарубежной практикой конструирования коллективной памяти. Показательным примером является современная ситуация в Великобритании и возросший интерес британской общественности, политиков и специалистов-историков к проблемам национальной идентичности и исторической памяти, включая и память о войне 1914–1918 гг. Не случайно, она остается в европейском сознании как Великая, хотя ни одного ее ветерана нет в живых (последний солдат скончался в 2011 г.). По словам известного итальянского историка Дж. Джентиле, «смерть навсегда устранила возможность услышать голос выживших на войне, получить свидетельства их опыта участников Великой войны. На смену памяти окончательно пришла история» [2, с. 112].

Выступая в 2014 году (столетие начала конфликта), тогдашний премьер-министр Д. Кэмерон назвал Первую мировую войну одним из самых значимых исторических событий, которые «напоминают нам о том, чем Британия должна гордиться» [3]. Британский военный мемориал обширен и объединяет многочисленные и разнообразные памятники, что не мешает историкам задавать неудобные вопросы [4, с. 21]. К столетию начала войны Национальный Архив Великобритании запустил грандиозный проект, объединяющий 100 программ. Он посвящен разным аспектам войны и рассчитан на огромную аудиторию профессиональных историков, исследователей, преподавателей и студентов, просто заинтересованной публики [5]. К истории Первой мировой войны отсылает и еще один — образовательный — проект Национального Архива «Британия, 1906–1918». Архивные документы и материалы тематически скомпонованы в шесть галерей, каждая из которых представляет вполне академическую и при этом доступную источниковедческую реконструкцию актуальных сюжетов истории Великобритании кануна и времени войны. Один из них — британская пропаганда военного времени, 1914–1918 гг. [6], критический обзор которого является целью данной статьи.

Для начала необходимо отметить несколько особенностей самой темы британской военной пропаганды. Во-первых, новизна и масштабы пропагандисткой практики отражают, как в фокусе, особый — универсальный — характер войны 1914–1918 гг., что означает масштабную вовлеченность всего общества воюющих стран, а не только комбатантов. Во-вторых, эта тема методологически актуальна, так как позволяет шире взглянуть на проблему взаимодействия правительства и народа, власти и общества. Кроме того, тема перспективна с точки зрения популяризации исторических сюжетов и при этом имеет обширную академическую историографию. Даже на фоне новейших публикаций по теме, которые нередко объединяют историков разных стран [7], признанным достижением в ее научной разработке остается работа М. Сэндерса и Ф. Тейлора «Британская пропаганда во время Первой мировой войны», опубликованная в 1982 г. [8]. Основанное на значительном корпусе неопубликованных источников из фондов нескольких национальных архивов (британских, американских, французских) исследование посвящено организационным нововведениям, методам пропаганды и содержанию пропагандистских материалов. Погружение в эти, очень специальные, аспекты проблемы позволило авторам выдвинуть и обосновать ревизионистскую версию истории британской пропаганды. В предыдущих ее интерпретациях преобладала критика официальных пропагандистских усилий в первые годы войны

в связи с низкой эффективностью, а ее успехи и достижения на завершающем этапе историки связывали, как правило, с деятельностью первого министра по делам информации лорда Бивербрука [9; 10]. Сандерс и Тэйлор переосмыслили действия британского правительства на всем протяжении войны и попытались более взвешенно оценить их результаты.

Эта же тема находится в фокусе внимания Образовательной службы Национального Архива. В проекте, посвященном пропаганде военного времени, в качестве сквозного вопроса для всей подборки источников (“Big Question”) его авторы формулируют проблему эффективности военной пропаганды в Британии в 1914–1918 гг. [6, p. 2–4]. Структурно и методологически вся подборка (галерея) источников составлена таким образом, чтобы «историки и те, кто регулярно пользуется архивом» могли в результате их самостоятельного анализа найти ответ на этот «большой» вопрос. Все выставленные материалы сопровождены археографическим описанием, развернутыми примечаниями и комментариями, транскрипциями текстов, а сами представлены в виде сканов оригиналов. Поскольку поставленный вопрос предполагает развернутый и аргументированный ответ, составители разделили этот своего рода мини-практикум на два «case studies» — «Правительство» и «Пресса и народ». В первом разделе — 9 отдельных источников или их мини-групп, во втором — 10; документы приведены в хронологическом порядке — от начального периода войны до ее окончания — и сопровождаются конкретными вопросами, ответы на которые и должны привести к итоговым выводам. Постановка вопросов задает определенный алгоритм анализа, поэтому часть выводов, по меньшей мере, можно считать предопределенными. На это направлены и комментарии к документам. Так, в коротком вступлении ко всем разделам подчеркивается, что с самого начала конфликта в 1914 г. британское правительство осознало, что «у этой новой войны будет много фронтов. Один из них — общественное мнение, ибо без поддержки народа войны не выиграть». Уже на ранних стадиях войны в правительстве понимали важность пропаганды, и поэтому были предприняты «неимоверные усилия» по контролю и распространению той информации, которую «должен был услышать народ», «нужно было донести до народа» [6, p. 5].

Итак, чтобы оценить эффективность правительственной пропаганды, материалы первого раздела нужно использовать в качестве источников для: 1) извлечения сведений о целях и методах официальной цензуры и других формах контроля, 2) примеров «смешанной пропаганды», т. е. соединения информации и обращений к публике, 3) опи-

сания технических приемов, 4) подтверждений эффективности или, напротив, неэффективности пропаганды [6, p. 4].

Во втором разделе «Пресса и народ», опираясь на соответствующие источники, предлагается ответить на тот же вопрос в отношении неправительственной пропаганды. Вводные комментарии подчеркивают: не только правительство, но и общество — через прессу и разнообразную индивидуальную активность — внесло в общие пропагандистские усилия свой особый вклад. Отсюда вытекает сквозная проблема темы — влияние неправительственной пропаганды на общие военные усилия. Для ее решения следует обратить внимание на различные формы и технологии пропаганды, которые использовала пресса, и привести подтверждения того, что эти обращения дошли до народа. Что касается «персональной пропаганды», то и в этой сфере важны примеры самоотверженного вклада народа и бизнеса в победу — как доказательства эффективности их пропагандистской активности [6, p. 28–31].

Какие именно источники представлены — без ответа на этот вопрос обзор проекта был бы неполным и формальным. Вряд ли уместно развернутое описание каждого — они разнообразны, по-своему каждый репрезентативен (благодаря профессиональному архивоведческому отбору), но только вместе взятые отражают эту особую страницу истории войны. В данном случае релевантная характеристика источников предполагает их комплексное описание, включая сформулированные к каждому из них конкретные вопросы и комментарии, которые, как упоминалось выше, отсылают исследователя к историческому контексту. Без учета «обстоятельств места и времени» исторический и источниковедческий анализ вряд ли возможен. Повторим, что оба раздела охватывают материалы всех доступных и классических для периода и темы видов и жанров — от текстов официальных документов, газетных публикаций, резолюций конференций тред-юнионов и других организаций до листовок, памфлетов, плакатов, открыток, фото- и кинодокументов. При всем жанровом разнообразии источников их все объединяют репрезентативность и информационная емкость, и это подтверждается внимательным прочтением.

Так, первым в галерее приведен отрывок в одну страницу из большого документа, который относится к ноябрю 1914 г. и содержит перечень правительственных расходов на цели пропаганды. Они были произведены знаменитым Веллингтон Хаус, официальной структурой, созданной в начале войны под руководством известного либерала и писателя Чарльза Мастермана для координации пропагандистско-информационной политики. Собственно, статьи расходов на создание

и публикацию патриотических текстов, как ничто другое, демонстрируют методы и направления деятельности этой организации, а также список привлеченных партнеров, причем не только на платной основе. В этом перечне и оксфордские преподаватели-историки, и волонтеры из Союза Британской Империи, и популярный писатель Г. Уэллс (“free” — в последнем случае), которые доступными им способами должны были убедить публику дома и за границей в том, что Британия ведет войну за правые цели [6, p. 5]. Деятельность официальной цензуры (в соответствии с Актом о защите Королевства 1914 г.) представлена в отчете министра внутренних дел Дж. Саймона за 1915 год, отрывок из документа сопровождается вопросом о ее целях [6, p. 8]. Масштаб цензорских мероприятий проиллюстрирован несколькими фотографиями 1917 г., на которых запечатлена работа цензоров, проверяющих деловую корреспонденцию, переписку военнопленных, немецкие открытки и карикатуры, и даже деятельность лаборатории по химическому анализу отправлений [6, p. 20]. Конкретный случай претензий со стороны официальных властей к лондонской вечерней газете “Globe”, обвиненной в распространении слухов об отставке генерала Китченера, отражен в документе 3, что позволяет сформулировать вопрос об универсальных принципах отношений между правительственным Бюро прессы и газетами разных направлений [6, p. 11]. Оценить результативность действий цензуры предлагается на основе сравнения официального отчета 1917 г. и публикации того же года в газете «Иллюстрированные лондонские новости», которая являет собой вариант не ангажированной оценки [6, p. 23–24].

1916 год представлен материалами, которые ассоциируются с инструментами массовой пропаганды чаще всего. Они наглядны, апеллируют к эмоционально-психологическому и визуальному восприятию, но оценить эффективность их воздействия не менее сложно, чем других — непрямых — методов. В данном случае это плакат с призывом к нации от имени Дугласа Хейга, командующего британскими войсками на Западном фронте, «Отложи выходные!» [6, p.14]. Он примечателен не только как чистый образчик жанра, но и как точное отражение ситуации 1916 года — условной середины войны, когда ощутимая усталость от нее сопровождалась призывом довести войну до победного конца. При этом военная кампания 1916 г. отмечена самыми масштабными сражениями на Западном фронте, для британских войск — это кровопролитная битва на Сомме, накануне которой Хейг взывал с плаката от имени фронтовиков и требовал мобилизации всех усилий нации на фронте и в тылу. Коллективный ответ на этот призыв приведен во втором разделе — это выдержка из текста резолюции Конфе-

ренции тред-юнионов (июль 1916 г.), выражающая солидарность с фронтовиками в тяжелых условиях начала сражения на Сомме [6, p. 38]. Не менее наглядной иллюстрацией к ситуации 1916 года является и отрывок из фильма «Битва на Сомме» с ссылкой на сайт, где фильм размещен полностью [6, p. 25]. Сопровождающие фильм вопросы фокусируют внимание на особенностях реконструкции исторического события — самого сражения и образов его участников.

Это не единственный кинодокумент эпохи. Патриотическим фильмам отведено особое место среди источников. Масштабы производства кинопродукции — полнометражных (240), короткометражных фильмов и кинохроники — в период с 1915 по 1918 гг. и ее распространения, причем, не только в самой Британии, на фронтах, но и за рубежом, отражены в правительственном отчете «Британская пропаганда во время Великой войны, 1914–18» [6, p. 28].

Смысловой связкой между первым и вторым разделами выглядит правительственный обзор (в письме Министерства информации сентября 1918 г.) достижений и форм художественной пропаганды — картин и других произведений изобразительного искусства, организованных правительством выставок и различных мероприятий по распространению подобных материалов. На основе источника предлагается выявить, насколько широкой была аудитория распространения этой специфической пропагандисткой продукции [6, p. 26–27].

Во втором разделе как раз скомплектованы источники, которые отражают деятельность различных общественных организаций, объединений, средств массовой информации. Они подобраны таким образом, чтобы был представлен максимально широкий спектр политических позиций, отношения к войне, патриотических настроений — от правоконсервативных изданий (Морнинг Пост) и таблоидов (Дейли Миррор) до окопной газеты Випер Таймс (The Wipers Times) и популярного Панча, от патриотического Союза верноподданных (The Council of Loyal British Subjects) до Конгресса тред-юнионов. Не менее разнообразны источники и по жанрам: тексты, карикатуры, реклама поставляемого на фронт продовольствия, документальное кино. Таким образом, в фокусе пропагандисткой активности предстает весьма пестрое по составу общество, разделенное на группы интересов, не исключая их открытых конфликтов, но при этом объединенного общими условиями военного времени. Не случайно, раздел открывается примером такого столкновения: опубликованная Дейли Миррор в июле 1915 г. карикатура содержит обвинение бастующих шахтеров в отсутствии патриотизма [6, p. 32], а завершается он фильмом 1916 г. «За империю» [6, p. 53]. Если основываться на приведенных источниках,

то можно заключить, что неправительственная пропаганда была ориентирована скорее на консолидацию, а не на разобщение общества. Ее многообразные инструменты и направления эволюции на всем протяжении войны сближали ее с соответствующими действиями правительства, которые представлены в первом разделе.

Завершая обзор, подчеркнем еще раз методологически и методически выверенный характер проекта, основанный на принципах источниковедческого анализа. В силу доступности он рассчитан на достаточно широкую и заинтересованную аудиторию, которая при этом ориентирована на самостоятельную реконструкцию конкретного исторического сюжета с известными идейно-политическими и патриотическими коннотациями. Его контекст пронизан идеями национальной солидарности, самоорганизации общества, традициями прямой и обратной связи между обществом и властью в критической ситуации военного времени. Акцент на критическое осмысление пропагандистской практики периода Первой мировой войны отсылает к известному набору основополагающих британских ценностей: демократия, верховенство закона, либеральный индивидуализм и толерантность. Можно ли рассматривать этот проект как пример формирования «деятельного патриотизма» — оставим вопрос в повестке, открытой для продолжения дискуссий. Сошлемся еще раз на авторитетное мнение А.И. Миллера: «Главные ценности, которые должны утверждаться с помощью истории — умение добиваться успеха за счет продолжительного конструктивного усилия, способность создавать индивидуальные истории успеха, суверенитет, признание ценности государства всеми ведущими секторами общества и ценности человека — обществом и государством, уважение различных сегментов общества со стороны правящей элиты, способность к диалогу общественных сил» [1].

Литература

1. Миллер А.И. Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма // Стратегия XXI. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf

2. Первая мировая война: современная историография. М., 2014.

3. British Values: Article by David Cameron. URL: https://www.gov.uk/government/news/british-values-article-by-david-cameron

4. Фергюсон Н. Горечь войны / пер. с англ. Е. Губницкого и И. Кригера. М., 2019.

5. First World War 100 at the National Archives. URL: https://www.nationalarchives.gov.uk/first-world-war/first-world-war-100-at-the-national-archives

6. A National Archives Education Service. Britain 1906–1918. Gallery 6 Propaganda. URL: https://www.nationalarchives.gov.uk/education/britain1906to1918/pdf/gallery-6-propaganda-case-studies.pdf

7. World War I and Propaganda / Ed. by T. Paddock (History of Warfare. Vol. 94). Boston, 2014.

8. Sanders M.L., Taylor Ph.M. British Propaganda during the First World War, 1914–18. L., 1983. URL: https://www.goodreads.com/book/show/1874178

9. Taylor A.J.P. Beaverbrook. A Biography. L., 1972.

10. Lord Beaverbrook M.A. Men and Power, 1917–1918. L., 1958.

Обсуждение в Интернете

Никита Самойлов
28 апреля 2020 в 11:23

Ольга Алексеевна, спасибо за интересную и содержательную статью! Хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями.

Структура изученного Вами проекта близка британцам разных возрастов, в т.ч. подросткам, поскольку методология обучения истории и УМК (разного уровня, от общего до профильного) в Великобритании имеют схожую, блочно-тематическую структуру, в которой изучаются различные «Большие вопросы». Ученики зачастую должны самостоятельно сделать вывод на основе различных данных, пройдя своеобразный обучающий «квест». При этом ответ на «квест» уже заложен в логике подобранных источников и перечне фактов. Поскольку по истории Первой мировой войны в общественном мнении Великобритании есть определенный консенсус, предлагаемый составителями ответ на «Big Question» видится вполне взвешенным и нейтральным. Возникает вопрос: будет ли успешен подобный проект при условии, что он будет основан на дискуссионном и вызывающем споры сюжете? Например, на Гражданской войне в США, или в России 1917–22 гг.? Представляется, что трактовка событий и итоговый вывод неизбежно вызовут недовольство у части общества – как показал в своей статье И.И. Курилла на примере выставки «Энола Гэй» и трагедии в Шарлотсвилле.?

Ольга Аршинцева
28 апреля 2020 в 11:23

Спасибо за интересное высказывание, которое как раз и подчеркивает самую подвижную «точку» консенсуса. Если формулировать в условных постмодернистских категориях, то согласие или несогласие по поводу спорных событий истории, выносимое в образовательное пространство, и может служить неким камертоном или показателем динамичного состояния коллективной памяти. К теме империи — все ли британцы равно преодолели имперский комплекс? Как это соотносится с официальной идеей Содружества? Или «несчастные» ирландцы? И множество других конкретных вопросов возникает. Еще раз спасибо за поводы к размышлению.

Никита Самойлов
29 апреля 2020 в 21:59

Ольга Алексеевна, что касается имперского комплекса, то результаты референдума 2016 г. служат косвенным доказательством его присутствия у части британского общества, причем в основном в Англии и Уэльсе, где большинство проголосовало за выход из ЕС. Говорю об имперском комплексе в контексте идей сторонников выхода из ЕС («возвращение величия», «диктатура Брюсселя мешает нам развиваться», «ограничим въезд мигрантам из ЕС»). При этом с идеей Содружества идеи апологетов Brexit хорошо соседствуют – Великобритания ограничивает приток мигрантов из ЕС, но не из стран Содружества, укрепляет с ними экономические и прочие связи.

А.М. Бетмакаев
Трианон, Хорти, Холокост: «спор историков» в контексте политики памяти в Венгрии

Начнем с цитаты. «История как научная дисциплина испытывает перегрузки с разных сторон: состояние исторического сознания общества является внешним вызовом, в то время как накопившиеся проблемы внутри науки, ставящие под сомнение методологические основания дисциплины и ее институциональную структуру, представляют собой внутреннее давление» [1, с. 135]. Это замечание петербургского исследователя И.И. Куриллы характеризует состояние, в котором оказались многие венгерские историки в ходе жаркой дискуссии летом 2012 года. В ее центре находились проблемы антисемитизма и насле-

дия Холокоста в национальной истории XX века. Дискуссия привлекла общественное внимание, что дало повод многим специалистам и наблюдателям говорить о венгерском варианте «спора историков»[1].

Яркой особенностью венгерской дискуссии было использование блогов и сайтов общественно-политической и культурной тематик. Блогосфера Венгрии до сих пор сохраняет цифровые следы «спора историков» [2–5], позволяя исследователю раскрыть детали полемики[2].

При подготовке нашего доклада использовались обзоры венгерских ученых Е. Ковач (Éva Kovács) и М. Риго (Máté Rigó) [7–8]. Они фокусируются на ключевых моментах дискуссии, и, в меньшей степени, затрагивают ее контекст. Для нас же важно исследование места и значения «спора историков» в связи с политикой памяти, которую проводит правительство В. Орбана, находящееся у власти с 2010 года. Указанная цель доклада определяет его задачи: представить позиции оппонентов как отражение общественно-политической повестки; выявить взаимовлияние «спора историков» и общественного дискурса; уточнить значение политики памяти правительства Орбана для развития национальной историографии.

Спор был начат А. Герё (András Gerő), профессором факультета истории Центрально-Европейского университета в Будапеште и директором Института истории Габсбургов, автором множества книг на венгерском и английском языках, по замечанию социолога Е. Ковач, директора исследовательских программ в Венском институте исследований Холокоста им. Визенталя, с уклоном в сторону социальной истории, в особенности, ассимилированных евреев [8, p. 524].

Герё в записи «Академический антисемитизм» на интернет-форуме «Галамус» назвал антисемитскими представления И. Ромшича (Ignác Romsics), написавшего книги по истории Венгрии в XX веке, о Трианонском мирном договоре и межвоенном периоде. Он утверждал, что автор этих книг неявно связан с антисемитским дискурсом в венгерской историографии, в особенности относительно режима Б. Куна (1919 г.), периода М. Хорти и эпохи «советизации» (1945–1948 гг.).

[1] В 1986–1987 гг. в Западной Германии состоялся «спор историков» (нем. Historikerstreit) консервативного и левого направлений при участии философов, политологов, социологов, журналистов и политиков. Ключевой проблемой спора стало отношение к нацистскому прошлому. Обсуждение сразу вышло за узкие рамки профессиональной полемики. Дебаты привлекли большое внимание средств массовой информации в ФРГ и за рубежом. В итоге, «спор историков» превратился в общественно-политическое событие, имевшее большое значение для настоящего и будущего Германии.

[2] Материалы немецкого «спора историков» собраны в книге «Historikerstreit: Документация о разногласиях по поводу уникальности национал-социалистического истребления евреев» [6], имевшей множество переизданий.

Герё обратился к критике подхода Ромшича, которую высказал историк Г. Дьяни (Gábor Gyáni). Еще в 2003 г. Дьяни в книге «Постмодернистский канон» утверждал, что Ромшич является антисемитом, но, по мнению Герё, не решился открыто заявить об этом. Тогда Герё посчитал рассуждения Дьяни чрезмерными, но время заставило изменить его мнение. Герё осудил речь Ромшича при его избрании в Венгерскую академию наук в 2010 г. о советизации венгерской историографии. Ромшич утверждал, что группа историков-коммунистов, включая молодых евреев, напала на так называемых «буржуазных историков». Герё раскритиковал своего коллегу за то, что тот не провел четкой границы между аргументами «буржуазных историков» и собственной точкой зрения, перейдя на антисемитскую интерпретацию событий. Он подчеркнул, что и политики, и историки действовали как коммунисты, а не как евреи. Герё также критиковал оценку «первых двух десятилетий режима Хорти» Ромшичем, который отмечал социальную политику, государственное образование и разнообразие культурной жизни как положительные факторы и антидемократическую политическую систему и социальную иерархию как отрицательные черты режима. Герё отметил, что Ромшич избегает назвать виновных за уничтожение венгерских евреев, как будто жертвы Холокоста были жертвами природных катастроф [2].

Не ответивший сразу на обвинения Ромшич, тем не менее, получил заметную поддержку в академических кругах. В заявлении 86 венгерских историков левых, либеральных и правых убеждений под коллективным именем «Ученики и соавторы» осуждалось обвинение Ромшича в антисемитизме, поскольку Герё поверхностно прочитал случайно подобранные фрагменты из трудов Ромшича и, в результате, не мог не сделать ложных выводов [9]. Количество подписавших заявление постепенно увеличивалось.

Полемичный, эмоциональный и обличительный язык Герё, замечает Е. Ковач, спровоцировал резкую реакцию большого числа историков и видоизменил исследовательский ландшафт: многие эксперты в ходе дискуссии стали обсуждать конкретные исторические подробности либо развернули дебаты по более общим темам, относящимся к актуальной общественной памяти [8, p. 524].

По мнению М. Риго, Герё подчеркнул пробелы в современной национальной историографии с точки зрения ее понимания Холокоста и режима Хорти в тот момент, когда официальная коллективная память и «массовое» увековечивание памяти, поддержанное популярными историческими журналами, казалось, помещали эпоху Хорти в основание приемлемого прошлого для современной Венгрии. В этом

контексте вмешательство Герё может быть прочитано как предупреждение возможного прощения за период венгерской истории с 1920 по 1944 годы [7, p. 3–4].

Литературовед Э. Бойтар (Endre Bojtár) был более прямолинеен, чем Герё, задав Ромшичу вопрос: «Вы антисемит?», на который сам дал утвердительный ответ. По его мнению, в своих трудах Ромшич, исследуя эпоху Хорти, не упомянул ни антисемитские законы, ни Холокост, ни освобождение страны в 1945 году. Хорти не был консервативным политиком, а диктатором, виновным в организации массовых убийств [3].

Ромшич ответил на критику Бойтара два месяца спустя после записи Герё. Отвечая Бойтару, он отметил, что использовал категории «еврей» и «еврейское происхождение» по той причине, что ни поведение политиков, ни антисемитские настроения невозможно понять, не принимая во внимание их происхождение. Ромшич оправдывается тем, что он никогда не занимался исследованиями Холокоста и антисемитизма [4].

Е. Ковач называет это объяснение странным, отмечая, что аргументация Ромшича устроила научное сообщество и участников дискуссии. Никто не спросил, как можно было написать краткую историю Венгрии в XX веке, не изучая антисемитизм и Холокост. Заявление Ромшича подразумевает, что эти темы не принадлежат большому нарративу венгерской истории [8, p. 525].

К сожалению, другие участники дискуссии предпочли сосредоточиться на обсуждении дилеммы «антисемит или не антисемит Ромшич», а не на проблемах современной венгерской историографии. Поэтому некоторые историки были разочарованы тем, что дискуссия оказалось далекой от настоящего «спора историков».

Историк Г. Дьяни, упомянутый в первом посте Герё, пытался расширить рамки дискуссии, разместив запись «Трианон против Холокоста» [10]. Он пришел к выводу, что «травма Трианона»[1] занимает в венгерской общественной памяти доминирующее положение, с которым Холокост состязаться не может. По мнению М. Риго, эссе Дьяни поднимало ключевые вопросы о возможности венгерского «преодоления прошлого» (нем. Vergangenheitsbewältigung), и венгерская исто-

[1] Под «травмой Трианона» в венгерском общественно-политическом дискурсе понимается оценка последствий Трианонского мирного договора 1920 г., по условиям которого почти три четверти территории и две трети населения Венгрии до Первой мировой войны оказались в составе Румынии и новых независимых государствах Чехословакии и Югославии, и этнические венгры этих стран образовали национальные меньшинства и лишились общего будущего [подробнее см.: 11, p. 67–146].

риография, возможно, извлекла бы из этого большую выгоду, чем из дебатов Герё–Ромшич [7, p. 6–7].

Развивая подход Дьяни, культуролог П. Дьёрдь (Péter György) приходил к радикальному заключению. Как и Бойтар, он обращал внимание на роль историков в оспаривании этнического характера венгерской идентичности и призывал к пересмотру исторического и политического канона. Он утверждал, что сгладить «травму Трианона» и создать новую национальную идентичность будет непросто [12].

В новом тексте Ромшича речь шла не о сопоставлении Трианона и Холокоста, предложенном Дьёрдьем, а о мнении Дьяни, который их противопоставил. По мнению Ромшича, венгерские евреи являются частью проекта модернизации и безучастными свидетелями межвоенной политики ревизии Трианонского мирного договора. Он затрагивает и тему Холокоста, отмечая, что Трианон и Холокост были тесно взаимосвязанными компонентами трагичного краха венгерского национал-либерального государственного и национального строительства [13]. Любопытно, замечает Е. Ковач, что «евреи», ассимилированные и участвовавшие в проекте нациестроительства, были внезапно признаны Ромшичем частью венгерской нации — удивительный концептуальный поворот спустя два месяца без какого-либо объяснения [8, p. 525]. Примечательно также, что перевод статьи Ромшича появился во влиятельном немецком журнале «Восточная Европа» [14]: по-видимому, ему также было важно донести до зарубежного читателя свою позицию по чувствительному «еврейскому вопросу».

К началу 2013 г. «спор историков», не придя к консенсусу, казалось, иссяк. Однако в последующие годы темы, поднятые в ходе дискуссии, получили развитие в научных журналах и монографиях. В центре внимания оставалась история Холокоста, что было связано также с приближением 70-летия начала немецкой оккупации Венгрии 19 марта 1944 г., в ходе которой было уничтожено, в основном в Освенциме, более 500 тыс. евреев [15, p. 252].

По мнению венгерского историка Ф. Лацо (Ferenc Laczó), четыре главные проблемы раскалывали венгерское общественное мнение в оценках Холокоста: ответственность венгерской и немецкой администраций; идеологическое объяснение венгерского участия, сосредоточенное на проблемах фашизма и антисемитизма; способы, которыми жертвы Холокоста должны были быть определены; и как были взаимосвязаны венгерский ревизионизм Трианонского договора и история антисемитской политики режима Хорти [16, p. 185].

В поисках ответов на эти вопросы К. Унгвари (Krisztián Ungváry) в монографии «Баланс системы Хорти. Дискриминация, социальная по-

литика и антисемитизм в Венгрии 1919–1944 гг.» исследовал связь между антисемитизмом и социальной политикой в эпоху Хорти и подчеркивал непрерывность венгерской антисемитской политики и ответственность венгров за преступления против евреев до начала немецкой оккупации [17]. В рецензии на эту книгу И. Ромшич, кажется, вновь возвращается к темам «спора историков». Он замечает, что антисемитизм в Венгрии, вспыхнувший после краха Советской республики, не может считаться причиной Холокоста [18, о. 156].

На конференции в Венгерской академии наук «Грех, ответственность, память» 24 апреля 2014 года Ромшич говорил, что без немецкой оккупации, согласованной с Хорти, депортация евреев и, как следствие, их массовое убийство не состоялись бы. И хотя венгерские власти несут ответственность за антисемитское законодательство 1930-х гг., но политика геноцида была привнесена в Венгрию немецкой армией [19, о. 1353].

При этом венгерские историки обращали внимание на противоречия в политике Хорти. В марте 2017 г. на презентации венгерского перевода монографии «Адмирал Хорти» француженки К. Орель (Catherine Horel) И. Ромшич сказал, что с современной точки зрения регент был антисемитом, но еврейских капиталистов рассматривал как партнеров [20].

Тема Холокоста была начальным звеном цепи, потянув которое, можно было вытащить на свет исторические темы, являющиеся и ключевыми, и чувствительными для орбановской политики памяти. В этой цепи режим Хорти выполнял роль связующего звена между Холокостом и Трианоном.

Трианон всегда находился в центре венгерской историографии, порождая многочисленные дискуссии. Например, на международной конференции «Распад Венгрии и Трианонский договор в венгерской и словацкой коллективной памяти 1918–2010 гг.» в июне 2010 года И. Ромшич отметил, что ревизионистская политика режима Хорти была поддержана двумя типами аргументации: историческим нарративом, способствующим культурному и политическому превосходству венгров, и дискурсом, который объединил этнические и географические понятия, чтобы представить центральный бассейн Дуная в качестве унитарного региона с геополитической и экономической точек зрения. Он полагал, что «травма Трианона» была сохранена в социальной памяти и является неотъемлемой частью национального самосознания [21].

Ему возражала Е. Ковач, сформулировав иную интерпретацию преодоления травмы: в течение долгого времени память о Трианоне ни

подпитывалась собственным опытом, ни была частью коммуникативной памяти. Трианон используется в идеологии, которая адаптирует исторические дебаты, чтобы быть инструментом в обслуживании политики, давая новую форму существующим отношениям. К сожалению, эти отношения не увеличивают патриотизм, а усиливают чувства ксенофобии, реванша и разочарования [22, o. 50].

Г. Дьяни соглашается с Е. Ковач относительно близкой связи между «культом Трианона» и памятью о Холокосте. Он, однако, предлагает альтернативное объяснение популярности Трианона, полагая, что в венгерской истории нет другого феномена, который мог бы выполнять функцию наиболее важного «памятного места» [23, p. 108–113]. Социолог М. Феишмидт (Margit Feischmidt) идет дальше, называя Трианон «мотором мифа»[1] [24, p. 131].

«Культ Трианона» складывался еще до эпохи нелиберальной демократии В. Орбана, являясь символом крайне правых партий. Но в июне 2010 г. венгерский парламент, где большинство принадлежало сторонникам Орбана из партии Фидес, принял закон о Дне памяти Трианонского договора — 4-м июне, как Дне национального единства. Из этого нарратива о «трианонской травме» шел пересмотр оценок режима Хорти. Чтобы вывести Хорти из-под критики за его антисемитскую политику в конце 1930-х гг., были смещены акценты: Венгрия была оккупирована нацистами, большинство венгров не сотрудничало с оккупантами, многие венгры стали жертвами оккупационных властей.

Эту интерпретацию нацистской оккупации Венгрии отражает памятник, открытый в июле 2014 г. в Будапеште: орел, олицетворяющий нацистскую Германию, нападает на архангела Гавриила, символизирующий Венгрию. Памятник «венгерской судьбе» в духе Орбана подвергся критике в оппозиционных СМИ, сотни людей принесли к нему семейные фотографии и другие реликвии, чтобы напомнить о преступлениях режима Хорти [25, p. 247].

Премьер-министр В. Орбан умело манипулировал памятью о Холокосте, который был исключительно немецким проектом, результатом нацистского зла, что отражает доминирующую идею глобальной памяти о Холокосте. Американец Р. Сегал пишет об иронии истории в связи с орбановской политикой памяти. Как и в эпоху до Первой мировой войны, когда венгерские националисты считали евреев, преимущественно в приграничных районах, венграми, чтобы увеличить число венгров и обеспечить венгерское большинство в «Великой Вен-

[1] Французское слово *mythomoteur* означает комплекс мифосимволов, или основополагающий миф, который дает этнической группе чувство цели.

грии», то теперь венгерские националисты обращаются к евреям за помощью, только на этот раз к евреям, которых венгерское государство уничтожало во время Второй мировой войны [26, p. 193].

В заключение отметим значение венгерского «спора историков». Несмотря на ее скоротечность, дискуссия показала, как разные школы венгерской историографии пытаются ответить на спорные вопросы национальной истории. Венгерские ученые расходятся в оценках режима Хорти, роли историков в политике памяти и сходятся в признании ответственности представителей венгерского общества и власти за участие в организации Холокоста. По мнению М. Риго, дебаты начали процесс преодоления прошлого среди ученых в гуманитарных науках, и поэтому послужили трамплином для будущих обсуждений между историками и учеными в смежных дисциплинах [7, p. 1].

Однако Е. Ковач не торопится присоединиться к этой оптимистичной оценке: участники дискуссии не смогли обсуждать исторические вопросы как чисто научные проблемы, поскольку их раздражала правительственная политика в области истории. Она спрашивает: «В чем же разница между двумя сторонами? Что парадоксально, когда читаешь их книги, не находишь практически никаких различий в повествовании, методе и теории» [27]. С этой позиции, спор можно рассматривать своеобразной сверкой часов венгерских историков.

Сравнивая венгерский и немецкий «споры историков», отметим, что в общественно-политическом дискурсе ФРГ в результате дискуссии укрепилось представление о коллективной вине за нацистские преступления [28], в то время как в Венгрии большинство граждан не чувствуют, что они имеют какое-либо отношение к Холокосту [29, p. 399]. Это отношение частично формируется и эффективно используется в политике национально-консервативного правительства Орбана.

Литература

1. Курилла И.И. История или прошлое в настоящем. СПб., 2017.

2. Gerő A. Akadémikus antiszemitizmus. URL: http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=147459:akademikusantiszemitizmus&catid=9:vendegek&Itemid=66

3. Bojtár E. Antiszemita vagy-e? URL: https://www.es.hu/cikk/2012-07-27/bojtar-endre/antiszemita-vagy-e.html

4. Romsics I. Antiszemita vagyok-e? URL: https://www.es.hu/cikk/2012-08-03/romsics-ignac-/antiszemita-vagyok-e.html

5. Gerő A. Akadémikus vágyakozás – A helyét kereső Gyáni Gábor. URL:

http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=177382:akademikus-vagyakozas-a-helyet-keres-gyani-gabor&catid=9:vendegek&Itemid=66

6. Historikerstreit: Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / hrsg. E.R. Piper. München, 1987.

7. Rigó M. A Hungarian Version of the Historikerstreit? A Summary of the Romsics-Gerő Debate among Hungarian Historians // Cultures of History Forum (15.04.2013). URL: https://doi.org/10.25626/0003

8. Kovács É. Overcoming History through Trauma: the Hungarian Historikerstreit // European Review. 2016. Vol. 24. №4. DOI: 10.1017/S1062798716000065.

9. Tanítványok és szerzőtársak. A történész felelősségéről. URL: http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=149121:a-toertenesz-felelssegerl&catid=9:vendegek&Itemid=66

10. Gyáni G. Trianon versus holokauszt. URL: https://www.es.hu/cikk/2012-08-10/gyani-gabor/trianon-versus-holokauszt.html

11. Putz O. Metaphor and National Identity: Alternative Conceptualization of the Treaty of Trianon. Philadelphia, 2019.

12. György P. Trianon és holokauszt – a múlt jövője. URL: https://www.es.hu/cikk/2012-08-24/gyorgy-peter/trianon-es-holokauszt-8211-a-mult-jovoje.html

13. Romsics I. Trianon és a holokauszt. URL: http://nol.hu/belfold/20120901-huszadik_szazadi_traumaink-1329321

14. Romsics I. Trianon und der Holocaust: Die ungarischen Traumata des 20. Jahrhunderts // Osteuropa. 2012. Bd. 62. №9.

15. Braham R.L. The Politics of Genocide: the Holocaust in Hungary / Condensed Edition. Detroit, 2000.

16. Laczó F. Caught between Historical Responsibility and the New Politics of History: on Patterns of Hungarian Holocaust Remembrance // Life Writing and Politics of Memory in Eastern Europe / ed. S. Mitroiu. Oxford, 2015.

17. Ungváry K. A Horthy-rendszer mérlege. Diszkrimináció, szociálpolitika és antiszemitizmus Magyarországon 1919–1944. Budapest, 2012.

18. Romsics I. Ungváry Krisztián: A Horthy-rendszer mérlege. Diszkrimináció, szociálpolitika és antiszemitizmus Magyarországon 1919–1944 // Történelmi Szemle. 2013. №1.

19. Romsics I. A Numerus Clausustól a Holokausztig // Századok. 2014. №6.

20. MTI. Eddig ismeretlen anyagok kerültek elő Horthyról. URL: https://magyarnemzet.hu/archivum/mult-ido/eddig-ismeretlen-anyagok-kerultek-elo-horthyrol-3902705

21. Romsics I. Trianon és a magyar politikai gondolkodás // Limes. 2010. №4.

22. Kovács É. Trianon traumatikus emlékezetéről // Limes. 2010. №4.

23. Gyáni G. The Memory of Trianon as a Political Instrument in Hungary Today // The Convolutions of Historical Politics / ed. A. Miller, M. Lipman. Budapest, 2012.

24. Feischmidt M. Memory-Politics and Neonationalism: Trianon as Mythomoteur // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48. №1. DOI: 10.1017/nps.2018.72.

25. Erőss Á. "In Memory of Victims": Monument and Counter-Monument in Liberty Square, Budapest // Hungarian Geographical Bulletin. 2016. Vol. 65. №3. DOI: 10.15201/hungeobull.65.3.3.

26. Segal R. Making Hungary Great Again: Mass Violence, State Building, and the Ironies of Global Holocaust Memory // Agency and the Holocaust: Essays in Honor of Deborah Dwork / ed. T. Kühne, M.J. Rein. Cham, 2020.

27. Ковач Е. История замедленного действия. Венгерский спор историков 2012 года. URL: https://urokiistorii.ru/article/51918

28. Рулинский В.В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. 2013. №1 (27).

29. Ungváry K. "One Camp, One Banner": How Fidesz Views History // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest; N.Y., 2017.

Е.А. Бикетова
Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса

Появление исследований в 1990-е гг. в сфере «политики памяти» (*memory policy*) и «исторической политики» (*Geschichtspolitik*) во многом было связано с необходимостью осмысления и интерпретации крупных политических событий XX века и их «ментальными ловушками», а именно, возникновением у ряда стран «комплекса вины» (ключевую роль в этом сыграл «Historikerstreit» — «спор историков» 1986–1987 гг. в Германии о причинах появления нацизма и ответственности стран за Вторую мировую войну), а также «постколониального синдрома» (страны постсоветского пространства после распа-

да СССР). Проблема «политики памяти» особенно остро встает в имеющих проблему «разделенного общества» посткоммунистических и посттоталитарных странах, в которых историческая память фрагментирована, имеется определенный уровень «травмы», а конфликты по поводу исторической памяти слишком политизированы [1; 2].

Прекращение существования такого крупного политического объединения, как СССР и образование новых независимых республик на его территории сформировали не только новую геополитическую реальность, но и культурно-исторический феномен «постсоветского пространства». Особенностью политических реалий новых государств стало наличие амбивалентных тенденций в национальном самосознании. С одной стороны, бывшие республики СССР сохранили определенный базис советской идентичности, что наложило непосредственный отпечаток на формирование национального самосознания и особенности их восприятия в мире; с другой стороны, страны стремились преодолеть «имперское прошлое» и «постколониальный синдром», разрабатывая новые топосы национально-государственного строительства и новую версию отечественной истории.

Осуществление целенаправленной «политики памяти» в Беларуси может быть подразделено на три основных этапа: конец 80-х годов — 1994 г., 1995—2003 гг., 2003 г. — настоящее время. Такой периодизации придерживаются, например, В.Г. Шадурский [3, с. 16] и А.В. Браточкин [4, с. 49–50]. Первый этап связан с активной ролью Белорусского народного фронта (БНФ) и белорусским национал-демократическим движением, во главе которого стояли С. Шушкевич и З. Позняк, активно выступавшие за «десоветизацию» Беларуси и ориентацию страны на европейский путь развития. Второй этап хронологически связан со сменой политического курса Беларуси в связи приходом к власти пророссийского кандидата А.Г. Лукашенко, основным политическим дискурсом которого стала консолидация белорусского общества и сближение с Россией с опорой на советское наследие. Формирование в 2003 г. концепта «Беларусь не Россия» и изменение внешнеполитического курса в пользу многовекторной внешней политики путем лавирования между ЕС и Россией стало третьим этапом в осуществлении «исторической политики».

В 1990-е гг. в Белоруссии начался пересмотр идеологического базиса государственности, что отразилось в выборе внешнеполитической стратегии, а также становлении нового национального подхода к истории. Так, в качестве вектора развития в Республике Беларусь был выбран дискурс «европейской идентичности». Данный дискурс нашел свое отражение в двух постулатах: первый подход основывался на

мнении, что «Беларусь — мост между Западом и Востоком», а второй, в противовес, утверждал, что она является центром Европы. Однако первый подход фактически противопоставлял Республику Беларусь России и ставил под сомнение особую «мессианскую» роль России во взаимодействии двух миров — Европы и Азии. Во втором случае происходило отождествление географического положения Беларуси с культурным [5]. Несмотря на то что оба подхода к «европейскому наследию» Беларуси не способствовали формированию уникальной белорусской идентичности, они стали определяющими в первый период национально-государственного строительства и исторической политики в Беларуси.

В 1991—1993 гг. под руководством Министерства образования Республики Беларусь были выработаны основные концепты нового исторического образования [6]. Становление нового национального подхода к истории диктовало необходимость пересмотра общего исторического прошлого белорусского, русского и украинского народов. В этом отношении Республика Беларусь фактически пошла «по украинскому пути», пытаясь «удревнить» национальную историю и найти истоки белорусской государственности в истории Полоцкого княжества. Однако, в отличие от украинской версии истории, сложившейся в 1990-е гг., Беларусь не могла претендовать на государствообразующее начало, как например, Украина на киевское наследие [7, с. 380].

Наибольшую популярность в это время приобрела точка зрения о том, что «золотым веком» белорусской государственности был период, когда белорусские земли входили в Великое княжество Литовское [5]. Однако несмотря на то, что официальным языком Великого княжества Литовского был старобелорусский язык, большинство современных исследователей сходятся во мнении, что оно не было «протобелорусским» государством, так как не было гомогенным по этническому и религиозному составу, и существовало в условиях двойственной идентичности, при этом население восточной части Великого княжества Литовского (на котором и проживали предки современных белорусов) рассматривалось как носители русской идентичности [8, с. 183]. В настоящее время идея «золотого века» белорусов в ВКЛ является выражением «альтернативной белорусскости» и используется белорусской несистемной оппозицией в качестве противовеса официальной идеологии [9].

Стремление создать новую версию национальной истории строилось на двух основных принципах: принципе «десоветизации» истории Беларуси, дрейфа от советского прошлого, и попытке «вписать» историю Беларуси в европейский контекст. Советское наследие было под-

вергнуто ревизии в результате переработки школьных учебников в 1991–1995 гг., большое значение уделялось массовости и жестокости сталинских политических репрессий (это тема стала наиболее болезненной после обнаружения в 1988 г. массовых захоронений в Куропатах), был пересмотрен пантеон национальных героев, в описании исторических событий акценты смещены в сторону европейского варианта белорусского развития: так, например, ключевыми событиями военной истории Беларуси стали Грюнвальдская битва (1410) и битва под Оршей (1514), связанные с военными успехами Литвы и Польши [10, с. 97]. В качестве истоков современной белорусской государственности рассматривалось провозглашение независимости и создание Белорусской народной республики (БНР) 9 марта 1918 г.

В рамках проекта национального «Адраджэння» («Возрождения») и конструирования новой национальной идентичности существенно изменилась и символическая политика власти: была принята новая государственная символика, изменены подходы к историко-культурному наследию. Одним из проявлений новой исторической политики стало переименование улиц Минска и других городов, а также создание новых памятников и мемориалов. В 1991 г. центральная улица г. Минска была переименована в проспект Франциска Скорины, деятеля, считавшегося белорусским просветителем и первым книгопечатником, площадь Ленина была также переименована в площадь Независимости.

Изменение исторической политики белорусского государства произошло после президентских выборов 1994 г., когда на смену национал-демократическим политическим силам пришла консервативная пророссийская элита.

«Ресоветизация» Беларуси, начавшаяся с приходом к власти А.Г. Лукашенко, была обусловлена следующими причинами. Во-первых, она была продиктована необходимостью легитимации консервативного курса политики, проводимого белорусским президентом в экономической, социальной, политической сферах. Апелляция к советскому наследию и историческому опыту позволила опереться на большинство белорусов, являвшихся носителями советской идентичности. Во-вторых, сохранение элементов советского наследия, использование основных подходов к прошлому, выработанных еще в Советском Союзе, стало антагонистической платформой в политическом дискурсе А.Г. Лукашенко для борьбы с оппозиционными силами, использующими идеи «альтернативной белорусскости». И, наконец, в-третьих, проведение исторической политики в рамках официальной версии истории, использовавшейся в СССР, а также использование

идей панславизма позволили белорусскому президенту проводить пророссийскую политику, получая от этого реальные экономические дивиденды.

В 1995 г. была организована Государственная комиссия по подготовке и изданию учебников и учебных пособий по социально-гуманитарному циклу, основной задачей которой был пересмотр существующей концепции исторического образования и подготовка учебников нового поколения, демонстрирующих взвешенный и объективный подход к истории Беларуси. В результате было пересмотрено отношение к ключевым этапам становления белорусской государственности. Белорусская народная республика, образованная в годы Первой мировой войны, перестала рассматриваться как исток белорусской государственности, а стала восприниматься как квазигосударство, образованное по инициативе Германской империи. Создание белорусской государственности официальная идеология стала связывать с образованием БССР, которая, в отличие от БНР, отвечала всем принципам государственности (территория с конкретно очерченными границами; наличие центральных и местных органов власти; собственное законодательство; международное признание и представительство на международной арене) [11, с. 32].

Особое место в истории Беларуси согласно новой версии «политики памяти» занял советский период. В качестве причин данного явления необходимо отметить следующие:

1. Болезненное и несвоевременное обретение независимости после событий 1991 г. В отличие от Украины и стран Балтии, в Беларуси к 1991 г. не завершился процесс складывания белорусской идентичности из-за слабости белорусской государственности в различные исторические периоды, фрагментарности исторического развития, негомогенности белорусского общества в языковом, религиозном, этническом и культурном смыслах, длительного исторического существования в условиях амбивалентной идентичности. Советский период истории Беларуси был наименее спорным с исторической точки зрения, а также имел определенную идеологическую основу, способную объединить разнородное общество в силу определенных цивилизационных и исторических особенностей («линия Хантингтона»).

2. В эпоху существования Беларуси в советском государстве были выработаны основные топосы для формирования белорусской идентичности, которые способствовали подъему национального самосознания («партизанская республика», «партизанское движение», «Республика-мученица»).

3. Великая Отечественная война оказала непосредственное влияние на облик современной Беларуси: городская застройка Минска, полностью разрушенного и восстановленного после окончания войны, выполнена в стиле «сталинского ампира» и напрямую связана с советской эпохой.

Ключевым событием советской эпохи, активно использующимся в осуществлении «политики памяти», является Великая Отечественная война.

В Беларуси, как и в России, война воспринимается именно как «Отечественная», а не «Вторая мировая». Формирование событий войны как значимого концепта связано с подчеркиванием особой роли Беларуси в войне: например, отмечается особая заслуга белорусского народа в Победе, в то время как советская идеологема о советском народе-победителе и освободителе постепенно теряет свое значение. В соответствии с указом Президента Беларуси, с 1996 г. даже был перенесен День независимости Беларуси, который был исторически связан с провозглашением независимости республики 27 июля 1991 г., на 3 июля, в связи с освобождением Беларуси от немецкой оккупации в 1944 г. Тем самым проявилась еще одна попытка тесно связать белорусскую идентичность с советским наследием: подчеркнуть преемственность белорусской государственности от БССР, отдать «дань» советскому периоду истории Беларуси, а также подчеркнуть значимость событий ВОВ для Беларуси.

Несмотря на то, что основные постулаты, связанные с темой Великой Отечественной войны и героизмом белорусских солдат, были разработаны идеологической пропагандой еще в СССР, они активно используются и углубляются исторической политикой А.Г. Лукашенко. В то же время П.А. Рудлинг отмечал, что партизанское движение было неоднородным, и в нем также принимали активное участие и евреи, и украинцы, и другие народы СССР [12, с. 56–58]. С. Льюис, исследуя творчество белорусского писателя В. Быкова («Розовый туман») и другие литературные произведения белорусских авторов о периоде войны, вышедшие в 1990–2000 гг., отмечает, что коллективная память белорусов о войне часто вступает в конфронтацию с дискурсом героизации по принципу «память» и «антипамять» [2, p. 373], а также пишет о том, что героизация во многом нужна для того, чтобы вытеснить «травму», существующую в коллективном сознании белорусов и связанную с войной. Автор также отмечает, что память об этой войне является тем конструктом, на основе которой выстраивается «советская белорусскость» [2, p. 373].

Тема партизанского движения и его национальных героев — Марата Казея, Елены Мазаник, Петра Машерова — является составной частью культа войны в «политике памяти». Однако необходимо отметить, что факты коллаборационизма на территории Беларуси все-таки присутствовали, и официальная идеология этот факт признает, не вдаваясь, однако, в подробности об их масштабности: «На алтарь победы в той войне мы положили миллионы людей. И самым свободолюбивым и честным народом был белорусский народ. Да, у нас были факты предательства. Но это были единичные факты. Наш народ сражался честно и гордо» [цит. по: 13, с. 93].

В настоящее время использование аспектов темы войны также популярно в идеологическом дискурсе Беларуси и занимает центральное место в формировании белорусской постсоветской идентичности: события этой войны и победа над фашизмом предстают как наиболее важные и значимые события в истории Беларуси, а также являются предметом национальной гордости белорусов [13; 14]. Кроме того, происходит «углубление» мифа об особой роли белорусов в этой войне, что нашло отражение в символической политике. Так, например, в 2015 г. в Беларуси отказались от использования символа Дня Победы, придуманного в 2005 г. в России — георгиевской ленточки. Георгиевская ленточка, ставшая одним из символов Дня Победы в России и затем объединившая весь «русский мир» за рубежом, выражает память о доблести и героизме солдат, павших в борьбе с фашизмом. В Беларуси для демонстрации памяти о Великой Отечественной войне используются красно-зеленые ленты (в цвет флага Беларуси) с цветком яблони.

В 1996 г. была предпринята попытка увековечить еще одну память о войне — об участии белорусов в войне в Афганистане. Однако мемориал, выполненный в виде «Острова слез», приобрел скорее абстрактное значение и стал символизировать «сынов и дочерей Беларуси, павших в разное время в результате войн».

Приблизительно с 2003 г. начинается новый этап в «политике памяти» Беларуси. Во многом он связан с переосмыслением места Беларуси в мире, а также «перезагрузкой» ее взаимоотношений с Евросоюзом и дистанцированием от российского влияния, в том числе осуществляемого посредством «мягкой силы». Провал очередного этапа интеграции с Россией в рамках Союзного государства, а также взаимодействие с Европой в рамках политики ЕС «европейское соседство» стали основаниями для «мягкой белорусизации» и попытке выстраивания национальной идентичности путем обоснования «особого» исторического пути Беларуси. Необходимо отметить также и социаль-

ный аспект, связанный со сменой поколений и появлением молодых «евробелорусов».

Новые принципы «политики памяти» и подходов к истории Беларуси были озвучены А.Г. Лукашенко 14 марта 2003 г. на встрече со студентами Белорусского государственного университета, где президент прочел лекцию «Исторический выбор Беларуси» [15]. В своем выступлении он остановился на важнейших этапах белорусской государственности, отметив роль европейского и российского компонентов в истории и государственности Беларуси. Таким образом, А.Г. Лукашенко была сделана попытка совместить две версии истории Беларуси, официальную и неофициальную. Он также предпринял попытки обозначить роль белорусского народа на каждом этапе развития, выделил белорусских национальных героев.

В 2005 г. центральные улицы Минска вновь были переименованы: проспект Франциска Скорины (до 1991 г. — Ленинский проспект) в Проспект Независимости, а проспект Петра Машерова — в Проспект Победителей.

В 2000-е гг. также появился ряд новых зданий с модерновой архитектурой, призванных символизировать независимость Беларуси, стать отражением ее новой эпохи, национальной культуры. В 2006 г. завершилось строительство «белорусского алмаза» — Национальной библиотеки, в 2013 г. введен в эксплуатацию Дворец независимости, в 2014 г. открыт новый музей Великой Отечественной войны. Фактически, это означало вытеснение «советского прошлого» из градостроительной и архитектурной среды страны, было призвано создать новые символы в формировании белорусской идентичности. Стирание «советского облика» осуществлялось параллельно с восстановлением зданий, имеющих отношение к европейскому наследию Беларуси (например, здания ратуш), а также активно стала производиться «псевдоисторическая» застройка Минска [4, с. 23].

В 2013–2014 гг. были установлены новые памятники в Минске и Витебске, посвященные европейским событиям в истории Беларуси: так, в Минске был установлен памятник получению городом магдебурского права (1499 г.), а в Витебске — памятник князю Ольгерду [3, с. 14].

В 2016 г. в Беларуси была принята Государственная программа «Культура Беларуси на 2016–2020 гг.», в которой была предпринята попытка совместить несколько видов исторической памяти (включающих «европейский» и «советский» компоненты).

«Политика памяти», проводившаяся А.Г. Лукашенко в 2000-е гг., способствовала росту числа белорусов, ориентирующихся на Европу и

считающих себя «европейскими людьми». В то же время в попытках «совместить» несколько вариантов истории Беларуси А.Г. Лукашенко удалось относительно гомогенизировать общество с точки зрения идентичности: несмотря на то что идентичность современных белорусов остается амбивалентной, в ней появился собственный национальный компонент, основанный на особой цивилизационной роли белорусов и национальном характере белорусов и выражающийся в «нации пограничья».

На протяжении 1991–2020 гг. «политика памяти» Минска претерпела существенные изменения. «Историческая политика» Беларуси демонстрирует уникальный характер своего развития. После распада СССР «политика памяти» Беларуси шла в русле тенденций других постсоветских стран: политическими кругами Беларуси была предпринята попытка построения собственной национальной идентичности путем обращения к национальной истории и попытке ее «удревнения», ревизии основных исторических этапов. В настоящее же время, в результате изменения внешнеполитического курса и подходов к «политике памяти», Беларусь стала единственным государством на постсоветском пространстве, не отрицающим «советское наследие» и активно использующим его в исторической политике. Уникальностью Беларуси является сочетание нарративов европейской и советской истории.

Отличительной чертой «политики памяти» Беларуси также является переработанный специфический не национальный, а белорусско-советский миф о стране как «Республике-партизанке», «стране-мученице», а также углубление этого мифа, выразившееся в том, что этот постулат стал центральной идеей не только «политики памяти» постсоветской Беларуси, но также и центральным звеном в формировании белорусской идентичности. В то же время идея «особой роли белорусского народа в победе над фашизмом, в Великой Отечественной войне» несколько противоречит не только декларируемым чертам национального характера белорусов («миролюбивость», «терпеливость»), но и официальной идеологии («Мы, беларусы, мірныя людзі»).

Литература

1. Shevel O. The Politics of Memory in a Divided Society: A Comparison of Post-Franco Spain and Post-Soviet Ukraine // Slavic Review. Vol. 70. No. 1 (Spring 2011). P. 137–164.

2. Lewis S. “The Partisan Republic”: Colonial Myths and Memory Wars in Belarus // War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / Eds.

J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Springer International Publishing, 2017.

3. Шадурский В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого // Труды факультета международных отношений БГУ: научный сборник. Минск, 2014. Выпуск V. С. 9–24.

4. Браточкин А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множества памятей» // Історія, пам'ять, політика. Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. Київ, 2016. С. 9–52.

5. Чернявская Ю.В. «Заклятые друзья»: к проблеме репрезентации отношений белорусов и россиян в белорусской блогосфере // Неприкосновенный запас. 2010. №3. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6964-zaklyatye-druzya-k-probleme-reprezentacii-otnoshenij-belorusov-i-rossiyan-v-belorusskoj-blogosfere.html

6. Біч М.В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларус. гіст. часопіс. 1993. №1. С. 15–24.

7. Нордберг М., Кузио Т. Построение наций и государств. Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине (Сравнительный анализ). Белоруссия и Россия: общества и государства. М., 1997. С. 376–393.

8. Уварова Н.Б. Новое российское пограничье: постсоветская Беларусь в социально-антропологическом ракурсе // Россия и мир в XXI веке. 2018. № 1 (98). С. 172–187.

9. Bekus N. Struggle over Identity: The Official and the Alternative «Belarussianness». Budapesht, 2010. URL: http://books.openedition.org/ceup/632?lang=en

10. Бикетова Е.А., Чернышов Ю.Г. Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 94–103.

11. Борисов Н.А. Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима на примере белорусского государства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. №1 (81). С. 29-40.

12. Радлінг П. Вялікая Айчынная вайна ў сьвядомасці беларусаў // ARCHE. 2008. №5 (68). С. 43–64.

13. Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. №4. С. 88–99.

14. Лашук И.В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Социологический альманах. 2015. Вып. 6. С. 210–220.

15. Лукашенко А.Г. Лекция «Исторический выбор Республики Беларусь» в БГУ. 14 марта 2003. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/lektsija-istoricheskij-vybor-respubliki-belarus-v-bgu-5819.

Г.П. Григорян
Память о Великой Отечественной войне в системе коллективной памяти постсоветского общества Армении

После распада СССР, в первые годы независимости, почти во всех постсоветских государствах началась борьба против символов советского прошлого, причем главной мишенью этой борьбы стали памятники революционеров и вождей советского режима [1]. Появление новых государств стало побудительным мотивом для деконструкции и реконструкции истории и общественной памяти на всем постсоветском пространстве [2, с. 149], в том числе и в Армении. Символические ландшафты городов подверглись большим изменениям. Памятники Великой Отечественной войны — единственные с советских времен памятники, которые сохранили свой прежний контекст и хотя бы раз в году являются объектами коммеморативных практик [1]. Но, осознанно или неосознанно, в некоторых кругах общества памятники героям и жертвам Великой Отечественной войны (ВОВ) представляются как символы советского прошлого в контексте негативных явлений, имевших место в годы существования СССР, как материализованное присутствие духа советского тоталитарного прошлого, которое может возродиться в лице российской гегемонии на постсоветском пространстве.

Комплекс коллективной памяти общества Армении

Одним из важнейших составляющих армянской идентичности, наряду с армянским языком, культурой и историей, является память о геноциде армян (1915–1923), имевшем место в период Первой мировой войны и в последующие годы [3, с. 95]. После ужасов геноцида перед армянским народом встала новая угроза, которая исходила от Турции и Германии, являвшихся наследниками Османской империи и кайзеровской Германии — союзников во время Первой мировой войны. Примечательно, что определенное место в памяти о геноциде за-

нимает вопрос соучастия в этом преступлении кайзеровской Германии. Общепринятой точкой зрения является то, что в годы Первой мировой войны Германия могла принудить Османскую империю — свою союзницу — остановить массовое истребление армянского народа, однако не предприняла подобных попыток [4], и даже наоборот, немецкие офицеры принимали активное участие в модернизации османской армии, направляли ее действия на Кавказском и Сирийском/Месопотамском фронтах (подробнее см., напр.: [5–9]). Соответственно, не случайно, что уже в рамках ВОВ и борьбы против фашисткой Германии на фронт ушло так много армян, не только из Советской Армении и других советских республик, но и из диаспоры: согласно официальным данным, на 1941 год население тогдашней Армении составляло 1 млн 300 тысяч человек. Только из Советской Армении на фронт ушли 300 тысяч армян (более 23% населения)[1], из других республик СССР в войне приняли участие 200 тысяч армян (армянонаселенный Карабах продемонстрировал беспрецедентную степень мобилизации — 30%), еще 100 тысяч из диаспоры. Свой вклад в дело победы внесла и Армянская Апостольская церковь. По инициативе архиепископа Геворка Чорекчяна армяне собрали средства, с помощью которых были созданы танковые колонны «Давид Сасунский» и «Ованес Баграмян». Это была национальная мобилизация. В борьбе против гитлеровского режима погибли, по разным источникам, от 200 [10] до 300 тысяч [11] армян. В частности, интересный факт запечатлела история — военный подвиг армянского села Чардахлу. 1250 жителей этого села (50% населения деревни) ушли на фронт. 853 из них были награждены орденами и медалями, 452 пали смертью храбрых на поле боя. Это село дало Родине двух маршалов (Баграмяна и Бабаджаняна), четырех (по другим источникам — семерых) героев Советского Союза, 12 генералов, многих офицеров старшего командного состава. По всей вероятности, не только в нашей бывшей единой стране Советов, но и за ее пределами трудно найти село, подобное 16-вековому арцахскому Чардахлу [12].

А уже в конце XX века Армения встала перед новыми вызовами и угрозами, которые исходили в том числе и от той же Турции, которая в начале века пыталась реализовать планы по уничтожению армянской нации. Погромы против армянского народа в Сумгаите, Баку и других местах проживания армян пополнили картину ужасов и восстановили память о прошлом геноциде. Как пишет по этому поводу А. Марутян, спустя неделю после начала Карабахского движения произошли события в Сумгаите, когда варварскими, можно сказать, турецкими мето-

[1] В среднем по СССР этот процент составлял 18–20% населения страны.

дами геноцида армян начала XX века были убиты порядка трех десятков, а может и более, граждан Азербайджана армянской национальности. Эти погромы (продолжением которых была резня армян города Баку в январе 1990 г., унесшая, по неполным данным, жизни более 400 граждан Азербайджана армянской национальности) были однозначно восприняты армянами как проявление очередного геноцида и пробудили самый мощный слой исторической памяти — слой геноцида 1915 года [13, с. 49]. Таким образом, Карабахское движение, первоначально направленное на восстановление исторической справедливости, получило новый импульс. Анализ различных источников (выступления ораторов, статьи в прессе, транспаранты и плакаты) Карабахского движения показывает, что тема геноцида армян, из-за геноцида начала XX века и новых погромов и резни конца XX века, в годы Движения продолжала оставаться важнейшим проявлением исторической памяти армян. Рассмотрение материала одновременно привело к убеждению, что эта память находилась в процессе видоизменения: попытка выхода из кризиса конца XX века сочеталась с борьбой за преодоление кризиса начала XX века, одним из проявлений чего является то, что символ жертвы, просящей справедливости и сочувствия, уступает место образу борца, осознающего, что осуществления национальных целей можно достичь лишь путем борьбы. И может быть, именно это изменение в идентичности армян привело к успеху в борьбе за освобождение Нагорного Карабаха [14, с. 53–54]. Таким образом, освободительную борьбу можно считать ответной реакцией на травму и попыткой ее преодоления на основе исторического опыта. Образ борца за справедливость и против чудовищных проявлений дискриминации по национальным, религиозным, культурным и иным признакам был еще свеж, а многими борцами в освободительной борьбе стали бывшие борцы против фашизма. Таким образом, эти события переплетались в коллективном сознании армянского общества, дополняя друг друга и составляя части одной логической цепи и, соответственно, формируя коллективную память и идентичность армянина XX века. Не случайно особо подчеркивается место рождения великих военачальников времен ВОВ, рожденных в Карабахе и/или в армянонаселенных местах АзССР (таких как Чардахлу).

Соответственно, в коллективной памяти общества Армении действуют две модели, согласно классификации известного ученого в области исследований коллективной памяти, профессора Констанцского университета в Германии Алейды Ассман. Модель «Помнить, чтобы забыть» (Remembering in order to forget), предполагающая признание и извинение преступника в содеянном, действует по отношению к

немцам и Германии, поскольку «сегодня в постсоветских обществах и в обществах Восточной Европы больше не считают современную Германию и немцев «нацистами» и «фашистами» благодаря официальному признанию и извинению за преступления фашизма со стороны Германии, хотя о фашистской Германии эпохи Гитлера пишется во всех учебниках по истории, об этом снимают фильмы и т.д.». А модель «Помнить, чтобы избежать забвения» (Remembering in order to prevent forgetting), предусматривающая взаимоотношения между преступником и жертвой преступления, когда преступник признается в содеянном и, раскаиваясь, проявляет уважение к памяти жертв, действует по отношению к туркам и Турции, тем более, что Турция не принесла извинений Армении и армянскому народу за геноцид, и, соответственно, армяне не могут себе позволить его забыть [15]. По своей сути, вторая модель предполагает более «агрессивную консолидацию», чем первая модель, поэтому вторая модель (память о геноциде) в армянском общественном сознании преобладает над первой (памяти о ВОВ). Соответственно, общественная «потребность» в активно действующем инструментарии памяти о ВОВ отступает перед «потребностью» в активном инструментарии памяти о геноциде. В плане инструментально-прикладного характера, мобилизующей на восстановление поведенчески-культурных границ между «своими» и «чужими», коллективная память в Армении имеет заметно сниженную чувствительность по отношению к ВОВ, поскольку действует не логика мобилизации против явления, а логика мобилизации против виновников, что в основном продиктовано практикой геноцида армян в Османской Турции и логикой коллективной национальной памяти о нем — основным элементом современной коллективной памяти армян. В этом контексте, в свете наследственности, у нынешних армян нет никаких претензий по отношению к современным немцам, не только по поводу нацизма, но и по поводу геноцида армян, особенно учитывая официальную позицию современной Германии по вопросу признания геноцида армян [16].

Наличие «врага» — реального или вымышленного — становится стимулом для национальной мобилизации [14, с. 49], а в случае с геноцидом — это реальный и активно действующий враг. Сегодня, в условиях нерешенности карабахского конфликта и прямой вовлеченности Азербайджана и Турции в антиармянскую экономическую, энергетическую, военную и информационную политику, восприятие Турции в качестве прямой наследницы Османской империи с аналогичной антиармянской политикой не позволяет армянам в Армении и во всем мире забыть и простить. Вместе с тем, необходимость соседствования со странами, не признающими своих преступлений против человечества

(именно так характеризуется геноцид в международном праве), закрытость границ Турции и Азербайджана для Армении в качестве перманентных экономических санкций в той или иной степени могут усиливать негативную историческую память армян [13, с. 49]. Будучи составляющей коллективной идентичности, память о геноциде армян является одним из объединяющих факторов, функциональным как в Армении, так и на диаспоральном уровне. Армяне всего мира, будь то граждане Армении, представители армянской диаспоры или трудовые мигранты, временно проживающие на территории других стран, чтят и помнят жертв геноцида и воспринимают себя как их прямых потомков [13, с. 53].

Но в случае с ВОВ этот враг «не материальный», источника угрозы как такового нет, а виновные признали свою виновность и покаялись. Соответственно, память о геноциде и борьба за его признание является более мобилизующим фактором. Поэтому в процессе реконструкции институционализации коллективной памяти о ВОВ в Армении стоит подчеркнуть и сделать акцент на борьбу против явления фашизма и нацизма, результатом которых, кстати, в том числе и может являться геноцид. Таким образом, сохранение коллективной памяти о ВОВ как о борьбе против фашизма и нацизма является и борьбой против явления, приведшего к геноциду и геноцидальным явлениям. Но, стоит подчеркнуть, что в современных обществах историческая память нередко вытесняется прагматикой бытового мышления, нацеленностью на получение всевозможных благ, на развлечения и потребление (логика потребительского общества), тогда как память об исторических событиях (нередко трагичных) не очень-то и вписывается в систему потребительских преференций современного человека. Иными словами, сегодня человек менее, чем раньше, готов встраиваться в традиционные формы и императивы социального бытия и предпочитает не ограничивать свое индивидуальное (нередко индивидуалистическое, в значении эгоизма) бытие рамками коллективной скорби или гордости, не имеющих конкретных ощутимых плюсов [13, с. 47].

С другой стороны, память о ВОВ является одним из объединяющих факторов коллективных идентичностей обществ постсоветских стран. В этом контексте, в пору современных геополитизированных подходов, память о ВОВ может быть недооценена, во избежание идентификации со всем «недоразвитым советским и отсталым постсоветским», соотносясь при этом с более «развитыми реалиями». На государственном уровне в Армении такая политика не проявляется, но из-за снижения организованной активности в пользу памяти о ВОВ, на

индивидуальном уровне начинает превалировать вышеупомянутое «мещанское» поведение.

Сохранность коллективной памяти

9 мая в Армении празднуется как день тройного праздника: не только Победы против фашизма/нацизма, но и освобождения города Шуши в Арцахе (НКР), что символизирует победу в освободительной войне и формирование Армии обороны. В этом контексте празднование (в результате и институциализация памяти) победы в ВОВ становится производным от празднования (в результате и институциализации памяти) победы в освободительной борьбе. Стоит признать, что мало каждый год в преддверие праздника Великой Победы сдувать пыль с архивных документов, вспоминать своих отцов и дедов, матерей, сестер и братьев, которые внесли свой вклад в это дело. Необходимо, как минимум, уменьшить упомянутую периодичность. Необходимо перенастроить коллективную память в Армении формулой «память и празднование победы в ВОВ = борьба против дискриминации = память о геноциде = память и празднование победы в освободительной войне», что приведет к уравновешиванию составляющих коллективной памяти. Этому способствует то, что после карабахско-азербайджанской войны памятники в память о погибших армянских воинах, как правило, стали устанавливать на территориях памятников Великой Отечественной войны. Старые и новые герои, старые и новые жертвы, таким образом, соединялись на одном священном месте [3, с. 102]. Инициативами местных властей многих населенных пунктов постсоветской Армении и разных благотворителей многочисленные монументы жертвам Арцахской войны появились на территориях памятников Отечественной войны, создавая пантеоны нового типа. Таким образом, монументы «мучеников, павших героической смертью против врагов», не переосмысливаются, а «удваивают» свой исходный смысл [17, с. 281]. Однако практика возведения памятников жертвам Арцахской войны на территориях монументов Великой Отечественной войны начала приобретать другой акцент, когда эти пантеоны начали принимать еще и памятники в память о жертвах геноцида армян. Благодаря созданию таких пантеонов памятники ВОВ не только приводятся в порядок, но снова начинают играть важную роль во время мемориальных церемоний. Были зафиксированы случаи, когда люди, посетившие памятники жертвам Арцахской войны, заметив памятники Великой Отечественной войны на той же территории, также возложили цветы к этим памятникам [1]. Построение таких пантеонов входит в логическую формулу, обозначенную выше.

Но, тем не менее, есть монументы, которые продолжают оставаться на своих местах, при этом переставая быть частью праздников и коммеморативных ритуалов, превращаются в обычные атрибуты городских ландшафтов постсоветской Армении. Некоторые памятники ВОВ либо больше не существуют вовсе, либо, в лучшем случае, находятся в таком состоянии, что об их существовании не знают даже живущие по соседству граждане [1]. Следовательно, необходимо обновить информацию о памятниках, хотя бы установив информационные таблички.

Память о ВОВ, значение борьбы и победы как ценности нуждаются в пиаре в кругу молодежи, поскольку сейчас иные «ценности» больше и легче воспринимаются. Молодое поколение должно знать и помнить о подвиге своих предков и о недопустимости явлений нетерпимости по национальным признакам. Можно констатировать, что ныне для молодого поколения интереснее и привлекательнее европейские, западные явления, а память о ВОВ преподносится как не западное, то есть не модное и не современное. Продвижению памяти о ВОВ среди молодежи могут содействовать такие акции, как «Бессмертный полк», также в 2020 г. пройдет патриотическая акция Министерства обороны России «Дорога памяти», приуроченная к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, в которую вовлечена и Армения. В последние годы сформировалась новая практика, когда кроме представителей городских и государственных властей, однотипные мероприятия организуют руководители административных районов постсоветской Армении, высокопоставленные военные и даже благотворители, которые со своими сотрудниками посещают другие монументы и осуществляют стандартные ритуалы, делая некоторые памятники, прежде забытые, объектами упоминания [1]. Но всего этого недостаточно. Увековечение памяти героев ВОВ, с одной стороны, и недопустимость дискриминации по национальным, религиозным, языковым, расовым признакам должны преподноситься новым поколениям современно, по понятным для них и интересным каналам: видеоигры, мультфильмы и современные художественные фильмы, современные методы преподавания и информирования о причинах и фактах ВОВ. Все это должно быть преподнесено как патриотическая составляющая, как факт о спасении мира, в котором мы, в лице наших предков, принимали участие. Для молодого поколения Армении победа в ВОВ и в освободительной войне Арцаха должны быть представлены рядом, как продолжение друг друга, как два этапа борьбы против дискриминации возрожденной нации, которая в начале этого тысячелетия стала жертвой дискриминации по национальным, религиозным признакам, проявленной в

виде геноцида. Память о ВОВ не «прошлое», это не для «стариков», и если в доме нет ветеранов, то восприимчивость не должна становиться ниже.

Итак, Великая Отечественная война как составляющая коллективной памяти, которая является активным прошлым и формирует нашу идентичность [14, с. 5], должна быть неотъемлемой частью будущих поколений, формируя среди индивидов и состоящего из них общества чувство нетерпимости ко всем типам дискриминации и их проявлениям. Как неотъемлемый компонент национальной идентичности коллективная память, основанная в том числе и на фактах о ВОВ, должна стать одной из основных частей национальной культуры и, наконец, одним из факторов, которые формируют систему ценностей, доминирующую в рамках данного общества.

Память о ВОВ и празднование победы над фашизмом не должны рассматриваться с ракурса двусторонних отношений: как знак хорошего тона в отношениях с Россией и как подозрительный знак в отношениях со странами, у которых непростые отношения с Москвой. Есть асимметрия восприятия ВОВ и ее места в системе коллективной памяти обществ постсоветских стран: если в российском обществе она занимает первое место, то для армянского — третье, после памяти о геноциде и освободительной войне. Восприятие ВОВ трансформировалось в разных республиках по-разному в постсоветский период, из-за приоритетов национальной повестки отдельных государств [2, с. 157]. В России, для которой память о Великой Отечественной войне является одним из ключевых элементов сохранения общности стран СНГ[1] [2, с. 164], асимметрия восприятия и символические разъединения являются проявлением желания отдалиться от России. В Армении такого движения или тенденции не наблюдается, а восприятие ВОВ и ее место в коллективной памяти общества является объективным последствием складывания исторических событий.

Память о ВОВ и празднование Победы — это память о возможности и необратимости наказания за дискриминацию по национальным, религиозным, языковым, расовым, культурным признакам. Празднование Победы над подлежащим презрению явлением мировой истории, в осуществлении кого и/или против кого бы оно ни проявилось, должно быть данью не только перед прошлым, но и обещанием перед будущим. Сохраняя память о ВОВ, мы не боремся против образа прошлого Германии, а вдохновляемся образом прошлого наших предков.

[1] По данным соцопросов, празднование Дня победы входит в тройку самых важных для россиян праздников: Великая Отечественная война // Левада-Центр. 29.04.2015. URL: https://www.levada.ru/2015/04/29/velikaya-otechestvennaya-vojna

Литература

1. Атанесян Г. Судьба памятников Великой Отечественной войны в постсоветской Армении // Человек и культура. 2018. №3. С. 1–6. DOI: 10.25136/2409-8744.2018.3.26168 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26168

2. Петровская О. Национализация памяти о Великой Отечественной войне в исторической политике постсоветских государств // Studia Podlaskie. T. 24. Białystok, 2016. S. 149–169, DOI: 10.15290/sp.2016.24.07. URL: https://www.researchgate.net/publication/314980043_Nacionalizacia_pamati_o_Velikoj_Otecestvennoj_vojne_v_istoriceskoj_politike_postsovetskih_gosudarstv

3. Марутян А. Как помнят Великую Отечественную в Армении: некоторые наблюдения // Plural. Vol. 4. No. 2 (2016). URL: https://plural.upsc.md/wp-content/uploads/2017/03/05-МАРУТЯН.pdf

4. Резолюция германского Бундестага – "Remembrance and commemoration of the genocide of the Armenians and other Christian minorities in the years 1915 and 1916", принятая 2-го июня 2016 г. URL: https://www.reddit.com/r/armenia/comments/4myli7/full_english_translation_of_the_Bundestag

5. Германские источники о геноциде армян: Период первой мировой войны. Сборник документов и материалов в двух томах. Т. I / Сост: С.С. Степанян, Н.К. Багдасарян. Ереван, 1991.

6. Dadrian V.N. German Responsibility in the Armenian Genocide. A Review of the Historical Evidence of German Complicity. Cambridge, MA, 1996.

7. Густ В. Геноцид армян. Трагедия древнейшего христианского народа мира. Ереван, 2002 (на арм. яз.).

8. Густ В. Геноцид армян в 1915–1916 гг.: Из документов политического архива Министерства иностранных дел Германии. Ереван, 2005 (на арм. яз.).

9. Ihrig S. Atatürk in the Nazi Imagination. Cambridge, MA; L., 2014.

10. Макарян Л. Армянский народ и Великая Отечественная война: память и современность // Dalma.news. 11.05.2018. URL: http://dalma.news/ru/armyanskiy-narod-i-velikaya-otechestvennaya-voyna-pamyat-i-sovremennost

11. Микоян К. Армяне во Второй мировой войне (К 55-й годовщине Победы советского народа над фашистской Германией) // Observer. 2000. No.8 (127). URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N08_00/08_24.htm

12. Микоян К. Армения и армяне в Великой Отечественной войне. К 65-летию великой победы. URL: https://docplayer.ru/29787792-Armeniya-i-armyane-v-velikoy-otechestvennoy-voyne.html

13. Атанесян А.В. Культура памяти и некоторые модели памяти о Геноциде армян в современном армянском обществе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. №4. Часть 1. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. URL: http://ysu.am/files/kultura.pdf

14. Марутян А. Историческая память в диалоге между культурами // XXI век. 2007. №2 (6). URL: http://noravank.am/upload/pdf/275_ru.pdf

15. Assmann A. From Collective Violence to the Common Future: Four Models for Dealing with the Traumatic Past // Banber. Bulletin of Yerevan University. No.134-5 (2011). P. 16–19. URL: http://ysu.am/files/02A_Assmann.pdf

16. Бундестаг Германии принял резолюцию о признании геноцида армян // Armeniasputnik.am. 2.06.2016. URL: https://ru.armeniasputnik.am/politics/20160602/3701955.html

17. Харатян Г., Шагоян Г., Марутян А., Абрамян Л. Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность. Ереван, 2015 (на арм. яз.).

А.Д. Дерендяева
Политика памяти: опыт Республики Казахстан

В результате трансформаций политической системы Советского Союза образовались новые независимые государства, актуальным для которых стало формирование национальной идентичности, выстраивание новой модели исторического прошлого народа.

При построении социальной реальности, как отмечает социолог П. Бурдье, важна символическая политика, нацеленная на ретроспективную реконструкцию прошлого в рамках потребностей настоящего [1, с. 95]. Исследователь О.Ю. Малинова подчеркивает, что важной областью такой политики является политика памяти, которая рассматривается как совокупность публичных взаимодействий мнемонических акторов, т.е. «политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого» [2].

Актуальным становится изучение феномена политики памяти в бывших союзных республиках, особое место среди которых занимает Республика Казахстан, руководство которой сразу скорректировало политическую повестку дня в пользу строительства нации на основе прошлого и будущего.

Для изучения казахстанского опыта мы обратили внимание на методы, приемы и технологии, используемые акторами государственной власти с целью оказания влияния на массовое сознание.

К таким методам относятся, например, переписывание учебников по истории, создание новых интерпретаций событий, которые противоречат советской историографии. Знания, которые преподаются в школе, не являются единственным источником формирования политики памяти, но именно они закладывают определенный образ прошлого у новых поколений. На уровне государственной политики подчеркивается, что «настоящая» история казахов, поскольку она создавалась «не казахами», раскрыта не до конца, либо она имеет не всегда правильную трактовку. Исследователь М. Сембитов отмечает, что важным для Республики Казахстан стало не только переписывание исторических событий, но и преодоление стереотипа, связанного с тем, что кочевничество — «варварство», «отсталость». Важным было создать респектабельное прошлое [3, с. 180]. Так, например, вместо термина «формация» в истории казахов стала употребляться категория «номадическая цивилизация».

В 2009 г. исследовательским агентством «Евразийский монитор» было проведено социологическое исследование на тему «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств». Исследователи пришли к выводам, что произошла переоценка национальных героев СССР во всех бывших советских республиках. Так, в Казахстане 30% респондентов в возрастной категории от 18 до 30 лет ничего не слышали об императоре Николае II, 22% не знают о событиях Февральской революции 1917 г., а 21% не знают, кто такой Г. Жуков. Иная картина наблюдается в некоторых других постсоветских странах: всего лишь 7% украинской и 3% белорусской молодежи ничего не слышали о последнем императоре династии Романовых. Про Г. Жукова в Беларуси не знает 5% опрошенных респондентов, а в Украине — 7%. Аналогичная ситуация складывается и с событиями Февральской революции 1917 г.: лишь 7% украинской и 4% белорусской молодежи не сохраняют данную историческую память, остальные опрошенные знают значимость этого процесса [4].

В 2013 г. в Казахстане началась работа по созданию двух базовых учебников: первый рассказывает об истории с древнейших времен до сегодняшнего дня, второй — о новейшей истории государства [5]. В созданных книгах роль России в национальной истории зачастую изображается как негативная. Так, вхождение казахских жузов в состав Российской империи, начавшееся в 1731 г., в российских учебниках

интерпретируется как добровольное, основанное на собственной инициативе племенных союзов казахов. В учебниках по истории Казахстана при описании данных событий используются термины «завоевание», «принуждение», «колонизация». Подчеркивается, что этим процессам противостоял хан Кенесары Касымов.

Стоит отметить, что в украинских учебниках воссоединение Украины с Россией в 1654 г. рассматривается как процесс признания независимости Украины от Москвы. Вводятся «искусственные термины», показывающие независимость государства: «Украинская казацкая держава», «Гетманщина» и «Гетманская Украина» [6, с. 139–140].

Если в советской историографии восстание среднеазиатских народов 1916 г. носило классовый характер, было направлено против царской власти, то в истории Казахстана другая формулировка: восстание обозначается как национально-освободительное движение казахской интеллигенции. Если процесс коллективизации 1930-х гг. в советских учебниках описывается как переход кочевых казахских народов к более передовым формам социально-экономических организаций, то в книгах Республики Казахстан коллективизация носит исключительно насильственный характер, сопровождается голодом и гибелью в казахских аулах [5]. Украинские учебники также квалифицируют голод 1932–1933 гг. как геноцид, «голодомор», отмечается большое количество жертв от сталинских репрессий [7, с. 279–282]. Беларусь в данном аспекте нейтральна, сохраняет описание коллективизации такое, как в советской историографии.

Участие казахов в Великой Отечественной войне в советских учебниках истории показывалось как проявление массового героизма. Создатели казахстанских учебников подчеркивают демографическую трагедию, большую убыль среди мужского населения.

Таким образом, при описании исторических событий, происходящих в Республике Казахстан, используется еще один метод политики памяти — в официальной идеологии для консолидации общества практикуется бинарная формула враг/герой, где в роли врага подчас выступают «царская Россия», Советский Союз, которые были оккупантами и колонизаторами.

Украинские учебники также негативно описывают влияние русского языка и культуры на становление национальной истории. Белорусская историография дает сбалансированную оценку российско-белорусских отношений, сохраняется уважение к совместной истории [8].

В рамках политики памяти важным становится и переименование населенных пунктов, улиц и других территориальных и географиче-

ских объектов. Решение данной проблемы приводит к созданию таких топонимов, которые соответствуют государственной языковой политике.

Таких примеров в Республике Казахстан достаточно много. Нынешняя столица государства, которая является одним из главных символов страны, в советское время до 1961 г. называлась Акмолинск, затем город был переименован в соответствии с политической повесткой СССР в Целиноград. В 1992 г. город был переименован в Акмолу («Белая Могила»), с 1998 г. он стал называться Астана, что в переводе с казахского означает «столица». С 2019 г. город был переименован в Нур-Султан в честь первого президента Республики Нурсултана Назарбаева. Несмотря на недовольство среди общественности, власть таким образом обозначила значимость национального лидера.

К другим примерам топонимов можно отнести переименование в 1991 г. города Гурьева в Атырау («урочище», «устье реки»), город Шевченко в Актау («белый холм»). В 1993 г. город Ермак стал называться г. Аксу («белая чистая вода»), а в 1995 г. город Ленинск стал Байконуром («богатая долина»). В 2002 г. Лениногорск был переименован в Риддер, в честь горного инженера Ф. Риддера, который нашел в 1786 г. здесь руду [9, с. 77]. Такие переименования характерны не только для городов, но и для других географических объектов. Прежде всего они направлены на укрепление роли казахского языка, а также отражают процесс дерусификации.

Аналогичные процессы мы можем наблюдать в языковой политике Украины: принятый в 2015 г. закон о декоммунизации запустил ряд топонимических преобразований [10]. Так, в 2016 г. город Днепропетровск был переименован в Днепр, Кировоград в Кропивницкий и т.д. [9, с. 78]. В Беларуси за последние 30 лет не было переименовано ни одного города, что показывает лояльность правящих кругов к истории Советского Союза [11].

Еще одним аспектом политики памяти является появление собственных государственных праздников, праздничных дат и церемоний. С 1 мая 1996 г. в Республике Казахстан отмечается Праздник единства народа Казахстана. Тем самым данный праздник отменил празднование Дня труда, который отмечался раньше, когда Казахстан входил в состав СССР. С 1998 г. в Республике Казахстан был учрежден День столицы. Праздник отмечается ежегодно, 6 июля. В 2008 г. Мажилис подчеркнул, что данный день носит историко-культурное значение для народа и является символом страны [12]. С 2011 г. стал праздноваться День Первого Президента Республики Казахстан. Этот государствен-

ный праздник направлен на признание достижений бывшего президента Н.А. Назарбаева.

Важной областью политики памяти является смена алфавита, то есть переход с кириллицы на латиницу. Эта проблема была поднята казахской интеллигенцией еще с 1990-х гг. В поиске своей национальной идентичности было решено обратиться к тюркским корням. Академик-языковед А. Кайдар подчеркивает, что латиница должна стать фундаментом для казахов, на котором они смогли бы построить свои культурные, духовные связи. Исследователь Р.К. Кадыржанов также считает, что латиница выступает как фактор укрепления тюркской идентичности [13, с. 100]. Еще в 1995 г. бывший президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул актуальность данных изменений в языке, однако конкретных реформ не последовало. В 2006 г. лидер страны на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана вновь отметил, что латинская орфография преобладает в коммуникативном пространстве, и поэтому необходимо перевести казахский язык на латинскую графику [14]. В настоящее время официально одобрен вариант казахского алфавита на латинице. Переход на латиницу происходит постепенно — роль русского языка уменьшается в школах, увеличивается время на изучение английского. Такие процессы демонстрируют языковой разрыв Республики Казахстан с советской властью, стремление к коммуникации с европейскими странами. В то же время языковая реформа воспринимается в казахском обществе неоднозначно: филологи отмечают, что это нелегкий процесс, что уже возникают трудности с новым алфавитом, продолжают оставаться сильными позиции русского языка.

Большую роль в политике памяти играют и коммеморативные практики, которые формируют социальное пространство и влияют на массовое сознание. Проект «Актуальные практики памяти: концептуализация прошлого и конструирование идентичности в современной культуре Казахстана» стал одним из первых в данной области. В рамках проекта в течение трех лет (2015–2017 гг.) исследователи собирали данные о музеях и «местах памяти» государства [15, с. 452]. Помимо строительства новых музеев, направленных на сохранение истории казахского народа, происходит снос и установление новых памятников, создание мемориалов, работа с которыми имеет глубокий символический смысл, связанный с формированием национальной идентичности. В Казахстане происходит постепенный демонтаж памятников советского прошлого. За последние годы там были снесены два бюста революционера М. Калинина в Талгарском районе Алматинской области, памятники В.И. Ленину в Акмолинской области, первому руково-

дителю Казахской ССР Левону Мирзояну в Актобе и т.д. Взамен этого появляются собственные мемориалы, которые связаны с казахской историей. Так, в 1996 г. был установлен памятник казахскому поэту Джамбулу Джабаеву в г. Алма-Ата, в 2001 г. в Астане (Нур-Султан) был сооружен памятник хану Кенесары, который считается символом независимого казахского государства. В 2010 г. в Астане (Нур-Султан) был открыт памятник основателям Казахского государства ханам Керею и Жанибеку. По всей стране устанавливаются памятники партии «Алаш», которая также считается символом национально-освободительной борьбы. В 2020 г. в столице был установлен памятник первому президенту — Нурсултану Назарбаеву и т.д. Символом столицы стал построенный в 2002 г. монумент — «Байтерек». Башня предстает как «древо жизни», которое стоит у Мировой реки и подпирает собою небо. Даже торгово-развлекательный центр в Нур-Султане — «Хан Шатыр», построенный в 2010 г., представляет собою шатер в тюркском стиле [16].

Демонстративный снос памятников наблюдается и в Украине, а с 2015 г. данные практики стали узаконенными. За три года (2015–2018 гг.) было снесено около 2,5 тысяч советских памятников, из них 1,5 тысячи памятников В.И. Ленину [17]. В Белоруссии устанавливаются новые мемориалы, снос старых происходит крайне редко.

Много проектов, посвященных процессам коммеморации в Казахстане, имеют характер цикла публичных выступлений. Таковым является проект «Места памяти» в современной культуре Казахстана: процессы коммеморации в публичных пространствах». В его рамках преподаватели университетов ведут лекции, рассказывая об культурно-историческом наследии казахов [18].

В сфере кинематографа также проводится политика памяти, появляется национальное кино, которое отображает историю казахского народа. Одной из центральных киностудий страны является АО «Казахфильм» им. Ш. Айманова — киноплощадка, созданная в 1934 г. в городе Алма-Ата. В 2019 г. первым президентом Н.А. Назарбаевым был подписан закон «О кинематографии», в котором прописывается создание Государственного центра поддержки национального кино [19]. К таким фильмам можно отнести «Войско Мын Бала» (2012 г.), «Кочевник» (2015 г.), «Казахское ханство. Алмазный меч» (2016 г.), «Казахское Ханство. Золотой трон» (2018 г.), «Томирис» (2019 г.) и другие. В таких лентах отражается специфика казахской культуры через различные символы — национальная одежда, быт, архитектура, обычаи и традиции, тюркские ценности.

Политика памяти отражается и в фильмах украинского кинематографа: «Молитва о гетмане Мазепе», «Тот, кто прошел сквозь огонь», а также белорусского кино — «Брестская крепость» и т.д. Однако, в отличие от Республики Казахстан, таких фильмов немного, власть Украины и Беларуси не пытается в такой степени регламентировать кинематограф в своей стране.

Наконец, политика памяти представлена в Казахстане разными национальными героями — страна славится именами казахских ханов, баев, деятелей партии «Алаш», представителями репрессированной казахской интеллигенции. В казахском героическом эпосе немало сказаний о батырах — героях, доблестных воинах — Кобыланды Токтарбайулы, Жалантос-батыр, Карасай-батыр, Букенбай Карабатырулы, Богенбай-батыр, Кабанбай-батыр, Отеген-батыр, Райымбек-батыр, Наурызбай-батыр и т. д. К историческим личностям, выступающими символами нации, прежде всего относятся основатели государства — Керей и Жанибек, правитель хан Касым, мудрый военачальник и государственный деятель хан Абылай, исследователь казахских земель Чокан Валиханов, основоположник казахской литературы Абай Кунанбаев, ученый Каныш Сатпаев и т.д. [20].

Подводя итог, можно сказать, что выработанные модели политики памяти в Республике Казахстан носят системный и масштабный характер, так как они сочетают в себе разные направления: историография, языковая, символическая, культурная практики. Все это говорит о том, что для государственной власти важно сформировать национальную идентичность, подчеркнуть особенность своей страны в рамках современного устройства мира.

Литература

1. Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

2. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2019. С. 285–312.

3. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003.

4. Каракулов М. Школьная история в учебниках народов бывшего СССР и общественное мнение // История и геополитика. 9.02.2015. URL: https://medium.com/history-and-geopolitics/-f9295c417758

5. Кудабаева Р. Казахстан: как пишут учебники истории // BBC NEWS Русская служба, 28 октября, 2013 г. URL:

https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_kazakhstan

6. Струкевич А.К. История Украины. Учебник для 8-го класса общеобразовательных учебных заведений. Киев: Грамота, 2008.

7. Турченко Ф.Г. Новітня історія України. Частина перша. 1914–1939. Підруч. для 10-го кл. серед. загальноосвіт. навч. закл. Київ, 2006.

8. Бич М.О. История Беларуси. XX век. Учебное пособие для 10–11 кл. средних школ. Минск, 1992.

9. Питина С.А. Особенности переименования топонимов в России, Казахстане и на Украине в контексте языковой политики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. С. 74–81.

10. Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text

11. Бочкарев А. Переименования городов на постсоветском пространстве // Полит.Ру. 4.11.2018. URL: https://polit.ru/article/2018/11/04/ps_renaming/

12. Отныне День столицы – 6 июля. Мажилис одобрил данную поправку в Закон «О праздниках в Республике Казахстан». URL: https://nomad.su/?a=3-200806190326

13. Кадыржанов Р.К. Выбор алфавита — выбор идентичности // Известия НАНРК. Серия общественных наук. 2009. № 5. С. 97–110.

14. Назарбаев Н.А. Речь Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на сессии народов Казахстана // Астана. 24.10.2006. URL: https://www.zakon.kz/77635-vystuplenie-prezidenta-respubliki.html

15. Медеуова К.А. К вопросу о типологии практик памяти в Казахстане // Мир Большого Алтая. 2016. С. 450–457.

16. Гольник О. Астана: достопримечательности, «Байтерек» // NUR.KZ. 28.06.2018. URL: https://www.nur.kz/1739583-astana-dostoprimecatelnosti-bajterek.html

17. Князев С. «Демонстративный вандализм»: как на Украине борются с советским наследием // RT, 8 декабря, 2018 г. URL: https://russian.rt.com/ussr/article/580867-ukraina-snos-pamyatnika-leninu

18. Цикл лекций по проекту ГФ МОН РК на 2018-2020 гг. — «Места памяти» в современной культуре Казахстана: процессы коммеморации в публичных пространствах». URL: https://www.tselinny.org/monumentslectures

19. Закон Республики Казахстан «О кинематографии» от 15.02.2019. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39029378

20. Гольник О. Выдающиеся исторические личности Казахстана // NUR.KZ. 12.03.2019. URL: https://www.nur.kz/1782903-vydausiesa-istoriceskie-licnosti-kazahstana.html

С.Д. Кленова, Ю.Г. Чернышов
Позиция Турции в отношении признания геноцида армян

Политика памяти во многих государствах нередко выстраивается вокруг таких событий, которые оставили наиболее «славный» или, наоборот, наиболее «травматичный» след в истории тех или иных народов. Бывают и такие эпизоды, связанные с «чужими травмами», о которых, наоборот, либо предпочитают не вспоминать, либо вынужденно выражают «раскаяние». При этом рациональное осмысление ситуации зачастую сменяется эмоциональными всплесками. Самый свежий пример — волна «антирасистских» выступлений, прокатившаяся в июне 2020 г. (после гибели афроамериканца, задержанного полицией Миннеаполиса) не только в США, но и в ряде других стран. Память о «вековом рабстве», замешанная на эмоциях, вылилась в массовые беспорядки, разграбление магазинов и т.д. Параллельно от другой стороны конфликта в США шли извинения, увольнения полицейских и снос памятников тем историческим деятелям, которых кто-то заподозрил в «расизме». В таких вопросах в ряде демократических стран большую роль играют попытки не отрицать «историческую вину», а сгладить старые обиды. Пожалуй, в наибольшей степени это проявилось в теме геноцида евреев, которая приобрела наиболее широкую известность в связи Холокостом, массовым истреблением евреев в нацистской Германии. Обвинение в геноциде стало одним из самых тяжких в политической риторике со второй половины XX века. Однако, если Холокост уже давно официально признан преступлением в «раскаявшейся» Германии, то в других случаях (например, с геноцидом армян) все не так просто. В данной статье ставится цель выявить те основные факторы и аргументы, которые повлияли на официальную турецкую позицию в отношении непризнания геноцида армян в Османской империи.

Во многих странах сейчас наблюдается тенденция, когда под «неудобным» прошлым хотят подвести черту и стереть его из коллективной памяти, если такое возможно. Такие стремления зачастую прикрыты лозунгами «проработки прошлого», однако по сути непризнание вины прошлых режимов за проведение геноцида является ложной проработкой, это «бегство» от прошлого. Такое явление, по мнению ряда исследователей, наблюдается, в частности, в Турции, в которой офи-

циальная позиция заключается в том, что массовое уничтожение армянского населения в Османской империи в 1915 году нельзя считать геноцидом.

В июне 1997 г. Международная ассоциация ученых по исследованию геноцида закрепила за массовым уничтожением армян на территории Османской империи статус «геноцида» [1]. Статус геноцида также подтверждается «Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. в Париже. Исходя из этого, в настоящей работе мы придерживаемся доминирующей в академических кругах точки зрения о том, что массовое уничтожение армян имело признаки геноцида.

Под термином «геноцид» подразумевается комплекс агрессивных действий, направленных против всех сторон жизни национального сообщества для его истребления [2, p. 52]. «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» определяет геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», а именно «убийство членов такой группы; причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» [3].

В академическом сообществе еще не сложилась однозначная позиция по вопросу периодизации геноцида армян. Рассмотрим несколько наиболее часто встречающихся периодизаций в современном академическом дискурсе:

• многие исследователи придерживаются хронологических рамок 1914–1918 гг., включая в них начало массовых преступлений против армянского населения и считая завершающей датой начало процессов над военными преступниками [4];

• наиболее широкая и распространенная среди исследователей-геноцидологов периодизация разделяет геноцид на два этапа: 1876–1914 гг. и 1915–1923 гг.; она охватывает, таким образом, период от 1870-х гг. до 1923 г., в качестве исходной точки указывается Русско-турецкая война, последствия которой сформировали импульс к последующему массовому уничтожению армян [5];

• еще одна периодизация охватывает период 1915–1923 гг., с момента начала физического уничтожения армянского населения до формирования турецкого национального государства [6].

Несмотря на то что геноцид армян признан многими странами мира и ООН, в настоящее время существуют государства, которые отрицают проведение геноцида на территории Османской империи, в частности, особняком в этом вопросе стоит Турция [7]. Центральное место в усилиях, предпринимаемых с целью отрицания геноцида, занимают меры, направленные на то, чтобы не допустить соответствующую международно-правовую его оценку [8, с. 107].

Согласно социологическому опросу, проведенному в Турции в 2015 г., только 9% опрошенных согласны признать массовое уничтожение армян геноцидом, еще порядка 9% считают, что правительство Турции должно принести извинения армянскому народу, 44% выразили мнение о том, что турецкому правительству не следует предпринимать никаких шагов или же что во время событий 1915 г. погибли не только армяне, но и турки [9]. Таким образом, среди широкой общественности превалирует позиция, которую представляет турецкое правительство, а именно о непризнании уничтожения армян геноцидом.

Стоит заметить, что признание геноцида армян Турцией может повлечь финансовые последствия, так как формально жертвы геноцида не получили компенсаций и извинений со стороны официальных представителей Турции [10, с. 161]. В связи с этим признание геноцида армян может повлечь принятие определенных законов, позволяющих потомкам жертв геноцида запрашивать компенсации. Тем не менее, на наш взгляд, это не основная причина непризнания геноцида армян со стороны Турции.

Гораздо более важными факторами выступают турецкая идентичность и стереотипы массового общественного сознания. Как отмечалось выше, лишь небольшая часть населения Турции готова закрепить за событиями конца XIX — начала XX в. статус геноцида, а значит, само турецкое общество не вполне готово заняться проработкой прошлого, признать и принять коллективную вину за совершенные преступления [ср.: 11, с. 363]. Наиболее сложным для турецкой идентичности остается тот факт, что именно значимая для турок фигура Мустафы Кемаля Ататюрка табуировала тему уничтожения армян, поэтому в массовом сознании возникают непреодолимые противоречия: как «Отец турок» мог бы оправдывать военные преступления?

В настоящее время на территории Турции критика кемалистской версии истории преследуется по закону, что делает невозможным ши-

рокое обсуждение некоторых аспектов турецкой истории в академических кругах и в обществе [см.: 12, p. 4].

Основными утверждениями, которые поддерживает турецкая сторона, являются следующие:

• гибель армян произошла по неосторожности во время высылки из зоны боевых действий;

• целенаправленная политика по уничтожению армян не проводилась;

• это была гражданская война в Османской империи, вследствие которой погибли не только армяне, но турки [13, p. 21].

В поддержку своей позиции турецкая сторона приводит несколько аргументов. Один из тезисов, так называемый «тезис провокации», заключается в том, что армяне спровоцировали репрессивные меры правительства младотурок тем, что среди них было развито стремление к сепаратизму, то есть, действия турецкого правительства были обусловлены армянскими восстаниями. В дополнение к этому исследователи, отрицающие геноцид армян, заявляют о том, что перемещение армянского населения проводилось в рамках договоров об обмене населением [14, p. 128].

Сторонники турецкой позиции также приводят демографический аргумент, опираясь на переписи населения того времени, замечая, что в Османской империи проживало не так много армян, как принято считать, и что число погибших преувеличено [15, p. 275]. В свою очередь, критики этого аргумента заявляют, что Турция целенаправленно занижала цифры в переписях [16, p. 267].

Следующий аргумент, который приводят исследователи в поддержку отрицания геноцида, — это недостаточность доказательной базы, поскольку отсутствуют документальные подтверждения геноцида, в частности, приказы лидеров младотурецкого движения об уничтожении армян на территории Османской империи [17, с. 157].

Для продвижения своей позиции Турция, прежде всего, активно пропагандирует ее среди своих союзников. В частности, историография Азербайджана поддерживает турецкую версию событий [18, с. 4]. Кроме того, Турция использует различные методы давления на международное сообщество. Примечателен недавний пример: когда Сенатом США была принята резолюция об осуждении геноцида армян, турецкий лидер Реджеп Тайип Эрдоган резко отрицательно высказался в сторону союзников по НАТО, отвергнув резолюцию и пообещав принять ответные меры [19]. Еще один пример –заметное ухудшение французско-турецких отношений после заявлений Эмманюэля Макрона об учреждении дня памяти геноцида армян [20] и положительной

оценки закона об уголовном преследовании отрицания геноцида армян (был отменен в 2012 г.) [21]. Ранее президент Турции уже заявлял о том, что турецкая нация не совершала подобного преступления.

Известно также, что Турция спонсирует университетские программы и исследования, направленные на критику и отрицание геноцида армян, а в 1970–1980-х гг. Турция проводила политику «разрушительного восстановления» памятников армянской архитектуры, когда последние уничтожались вследствие археологических раскопок или неправильной реставрации [см.: 22, p. 56].

Турция активно продвигает утверждение о том, что геноцид армян — это компетенция историков и что он должен исследоваться и обсуждаться на академическом уровне, а не на уровне политическом [23, p. 101]. В качестве поддержки этого тезиса турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган предложил идею о совместном изучении геноцида турецкими и армянскими историками с целью установления «исторической правды» [24].

В целом можно сделать вывод, что в отношении темы геноцида армян процесс проработки прошлого в Турции находится на начальном этапе. Турция не готова признать преступления прошлого режима, так как это угрожает турецкой идентичности, которая во многом строится на почитании личности Мустафы Кемаля Ататюрка. В настоящее время Турция активно поддерживает и пропагандирует позицию о том, что геноцид армян на территории Османской империи не осуществлялся. Правительство Турции подготовило историографическую и теоретическую базу для обоснования своей позиции. В то же время стоит отметить, что Турция во многом старается избежать политизации событий 1915 года, чтобы заполучить определенные очки на международной арене. Создается некий парадокс: Турция не признает геноцид армян, понимая, что это наносит некоторый урон ее международному имиджу, так как в международном сообществе осуждаются факты геноцида, но и подвергнуть критике пласт истории, сформировавший современную турецкую идентичность, она не может. Авторитарные режимы в целом в гораздо меньшей степени, чем демократические, склонны признавать ошибки и преступления прошлого, тем более, если они могут бросить тень на их собственную политику. А современная политика Турции отнюдь не отличается мягкостью по отношению к некоторым национальным меньшинствам (например, курдам). Следует помнить и о так называемом Севрском синдроме (по названию мирного договора, заключенного во Франции в 1920 г.), которым принято обозначать «опасения турецкого этнического большинства страны относительно того, что внешние державы пытаются использовать

внутренние проблемы Турции, особенно в вопросе прав национальных и религиозных меньшинств, для дестабилизации политической власти и даже расчленения Турции» [25]. Таким образом, пока турецкое общество не будет готово к признанию и широкому обсуждению событий 1915 г., правительство Турции будет настойчиво поддерживать ту версию событий, которая господствует уже больше столетия.

Литература

1. The Armenian Genocide Resolution Unanimously Passed by the Association of Genocide Scholars of North America // Armenian National Institute. URL: https://www.armenian-genocide.org/uploads/Affirmation/69.pdf

2. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. L., 2008.

3. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

4. Dadrian V.N. The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. N.Y., 2003.

5. Levene M. Genocide in the Age of the Nation State: Meaning of Genocide. L., 2008.

6. Gerlach C. Extremely Violent Societies: Mass Violence in the Twentieth Century World. Cambridge, 2010.

7. ЕС призывает Турцию признать геноцид армян // BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4290000/4290524.stm

8. Егиков А.А. 100 лет геноциду армян. Современное состояние проблемы // Научный альманах. 2016. № 3-4 (17). С. 104–109.

9. Turks Regretful over the Armenian Tragedy of 1915 but Refuse to Qualify It as a Genocide // EDAM. URL: https://edam.org.tr/en/turks-regretful-over-the-armenian-tragedy-of-1915-but-refuse-to-qualify-it-as-a-genocide

10. Салоян Г.В., Салоян Л.В. Геноцид армян: современные проблемы международно-правовой ответственности // Власть в логике и риторике межнациональных и межконфессиональных отношений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (с международным участием) / Под ред. Д.С. Будановой. 2017. Иваново, 2017. С. 160–165.

11. Guzel A. Building Collective Memory of Turkey: the Place of the Armenian Genocide // Актуальные проблемы мировой политики. СПб., 2019. P. 360–371.

12. Taylor T. Denial: History Betrayed. Melbourne, 2008.

13. Totten S., Bartrop P.R., Jacobs S.L. Dictionary of Genocide. A–L. Westport, 2008.

14. McCarthy J. Muslims and Minorities: The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire. N.Y., 1983.

15. Shaw S.J., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 2. Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808–1975. Cambridge, 1977.

16. Kevorkian R. The Armenian Genocide: A Complete History. L., 2011.

17. Карапетян Л.Л. Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913–1919): материалы политического архива министерства иностранных дел кайзеровской Германии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 1996. №2. С. 155–160.

18. Иманов К. «Армянский геноцид» или армянский террор? Баку, 2016.

19. Администрация Эрдогана осудила принятие Сенатом США резолюции о геноциде армян // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7337619

20. Макрон учредил день памяти геноцида армян // Euronews. URL: https://ru.euronews.com/2019/02/06/macron-armenian-genocide

21. Саркози потребовал нового закона о геноциде армян // Газета.Ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2012/02/29_a_4016413.shtml

22. Bevan R. The Destruction of Memory: Architecture at War. L., 2007.

23. Auron Y. The Banality of Denial: Israel and the Armenian Genocide. New Jersey, 2004.

24. Эрдоган критикует папу Франциска за слова о геноциде // BBC. URL:
https://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150414_turkey_erdogan_pope_genocide_row

25. Ахметов Т. Государство и нацменьшинства в Турции: в поисках общего языка в вопросе образования // Idel.Реалии. URL: https://www.idelreal.org/a/ethnic-minorities-in-turkey-and-their-political-rights/28817690.html

О.Ю. Курныкин
Коллаборационизм и историческая память о Второй мировой войне в Индии

Проблематика и терминология феномена «политика памяти» стали разрабатываться с 1980-х годов на основе европейского исторического опыта, связанного с итогами Второй мировой войны. Самая ожесточенная и кровопролитная во всемирной истории война, вышедшая за рамки «исторической нормальности», стала потрясением для десятков государств и народов, вовлеченных в водоворот вооруженного противоборства. Вторая мировая война дала богатейший материал для актуализации концепта «военные преступления», подведя под него политико-правовую базу. Более того, вокруг таких идейно-политических явлений как фашизм и нацизм воздвигаются морально-этические барьеры и табу, изначально деморализовавшие любые попытки оправдания сотрудничества с преступными оккупационными режимами. Коллаборационизм ставится в один ряд с военными преступлениями и выносится за рамки политически допустимого и возможного. Обвинения в коллаборационизме легли несмываемым пятном на тех, кто в той или иной форме был причастен к сотрудничеству с «державами оси» в период войны. Однако события, связанные с распадом «социалистического лагеря» и Советского Союза, выявили неоднозначное отношение к некоторым историческим фигурам, обвинявшимся в коллаборационизме (в частности, в странах Прибалтики, Украине). Выявилось, что коллективная память избирательна, национально окрашена и в значительной степени утилитарна, она откликается на текущие запросы и политические реалии, связанные с формированием национального самосознания. Показательно, что неоднозначность и «нюансировка» проблематики коллаборационизма во Второй мировой войне, пожалуй, впервые проявилась на политико-историческом материале стран Юго-Восточной и Южной Азии, подвергшихся японской агрессии в годы войны на Тихом океане. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть место и роль событий Второй мировой войны и восприятие феномена коллаборационизма в исторической памяти на примере Индии.

Необходимо отметить, что Индия внесла крупный вклад в военные усилия антигитлеровской коалиции. Было мобилизовано более 2,5 млн индийских солдат (индийскую армию называют крупнейшей добровольческой армией в мире, поскольку вступление на военную службу было для индийцев добровольным), индийские формирования сражались на фронтах в Европе, в Северной и Восточной Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Британская администрация ак-

тивно использовала финансовые ресурсы Индии для покрытия расходов на войну, вследствие чего у Британии появился крупный долг перед Индией. Окрепшая в годы войны оборонная промышленность Индии пополняла арсеналы Британии. Благодаря созданной военной инфраструктуре (аэродромы, военно-морские базы и т.д.), Индия превратилась для союзников в надежный оплот для осуществления военных операций на Ближнем Востоке против Германии и Италии и в Юго-Восточной Азии против японцев. Все вышесказанное дает основание индийцам уверенно и достойно ощущать себя в стане победителей.

Вместе с тем, как представляется, общая историческая память о Второй мировой войне — скорее абстракция, сводимая к немногим консенсусным положениям (признание вины Германского рейха за развязывание войны, осуждение военных преступлений нацистской Германии и имперской Японии, совместный вклад союзников по антигитлеровской коалиции в разгром антидемократических, тоталитарных режимов и т.д.). Впрочем, уже на этом «консенсусном» уровне проявляются заметные разночтения, в частности, относительно вклада тех или иных государств и народов в общую победу над противником, роли и значимости тех или иных театров военных действий и пр. Историческая память о Второй мировой войне неизбежно «национализируется», приобретает дробный, «мозаичный» формат, состоящий из национально акцентированного исторического нарратива. Она распадается на множество региональных, национально-государственных, локальных вариантов исторической памяти. Причем в индийском случае военная история и память о ней в последующем оказались разделенными между Индией, Пакистаном, Бангладеш, Непалом и другими странами Южной Азии. Все это ставит под сомнение результативность попыток навязать «единственно верную» (собственную) трактовку событий Второй мировой войны, поскольку память о ней у разных народов преломляется через собственный опыт проживания и осмысления этого самого масштабного в истории человечества военного столкновения.

Очевидно, в коллективной памяти индийцев о Второй мировой войне система приоритетов выстроена иначе, чем для других, прежде всего, европейских народов. По сути, Вторая мировая война не стала для индийцев «своей», эмоционально освоенной, вошедшей в глубинные пласты коллективной памяти; схватка великих держав воспринималась скорее как внешний фон, а внимание индийского общества было сконцентрировано на внутриполитических событиях, связанных с борьбой за ликвидацию Раджа (британского правления) и обретением статуса независимого государства.

События военных лет в коллективной памяти индийцев в большей степени ассоциируются не с участием сотен тысяч индийских военнослужащих в военных операциях в составе британской армии, а с заключительным раундом борьбы за независимость, в частности, с развернутой по призыву М.К. Ганди в августе 1942 г. антибританской кампанией «Вон из Индии!» с требованием немедленной передачи власти национальному правительству, а также с последующим арестом и тюремным заключением лидеров и десятков тысяч участников массовых антибританских выступлений. Актуализация колониального вопроса и деколонизация не были запрограммированы войной, но стали непосредственным ее следствием. Таким образом, в сознании индийского обывателя значимость и эмоциональное восприятие победы над державами оси отодвигаются на второй план на фоне борьбы за независимость своей страны. Индийские историки стремятся «очеловечить» память о Второй мировой войне через судьбы не только индийских военнослужащих (летчиков, моряков и т.д.), но и индийцев-некомбатантов (повара, механики, прачки и прочие обслуживавшие потребности военных формирований), строителей, прокладывавших в годы войны дороги, женщин, занятых на добыче угля и т.д. [1]. Однако эти попытки не приобрели системного характера, и, по словам К.С. Наир, «сознание Индии о войне остается прерывистым» [2].

Определенная «расколотость» коллективной памяти индийцев о Второй мировой войне нашла свое отражение в парадоксальном восприятии самого значительного за период Второй мировой войны сражения на индийской территории. Речь идет о битвах за Кохиму и Импхал весной 1944 года между англо-индийской и японской армиями, завершившимися разгромом японцев. Эти военные операции, развернувшиеся в приграничных с Бирмой районах Индии, подчас называют «Сталинградом Востока» [3], хотя подобное сопоставление не выглядит бесспорным. Дело не только в несопоставимости задействованных военных ресурсов и стратегической значимости битвы за Сталинград и боев на восточных окраинах Индии. Японское командование для прорыва из Бирмы в Индию выделило три дивизии общей численностью 84 тыс. человек, что не свидетельствовало о стратегическом характере данной операции [4, с. 221]. Более существенным обстоятельством, затрудняющим инкорпорирование битвы за Импхал в национальную историко-символическую мифологию, является тот факт, что в этих сражениях индийцы оказались по разные стороны баррикады — одни воевали в составе британской армии, сохранив лояльность империи, в то время как на стороне японцев сражались 8-ми тысячные формирования Индийской национальной армии (ИНА) под командованием од-

ного из видных индийских лидеров С.Ч. Боса. Последний в октябре 1943 г. возглавил правительство Свободной Индии в изгнании, союзное с Японией. Для британских властей Бос и бойцы ИНА являлись коллаборационистами, сотрудничавшими с врагом; английская пропаганда изображала Боса как квислинга, «получившего нацистскую подготовку» [4, с. 228]. Однако столь однозначная трактовка деятельности той части индийских националистов, которая считала допустимым сотрудничество с Японией в годы Второй мировой войны, нашла определенное сочувствие в основном среди индийских военных, сражавшихся на фронтах, но не была воспринята индийским обществом в целом. Представителям британской администрации в Индии суждено было одними из первых столкнуться с непредвиденным вызовом в виде сочувственного отношения со стороны широких слоев общества к коллаборационистам. Показательный суд над тремя офицерами ИНА в конце 1945 г. вызвал общенациональную волну солидарности с подсудимыми и закончился для британских властей политическим конфузом (суд вместо предполагавшихся смертных приговоров вынес неожиданно мягкое решение об их разжаловании и увольнении из армии). Это был своеобразный политический реванш Индийской национальной армии за военное поражение под Импхалом. Вместе с тем, по признанию Г. Харриса, битва за Кохиму и Импхал «была в значительной степени забыта в Индии как символ колониального прошлого страны» [5]. Она была вплетена в контекст имперского, колониального периода индийской истории и оказалась вытеснена на периферию формировавшегося после обретения независимости национального самосознания индийцев.

Показательны место и роль главнокомандующего ИНА С.Ч. Боса в коллективной памяти индийцев. В рамках данной статьи нет необходимости останавливаться на идейных конструкциях Боса, приведших его к союзу с державами оси. Отметим лишь его непреклонное стремление к освобождению Индии от британского господства, причем (в отличие от мнения Ганди и поддержавшей последнего индийской политической элиты) необязательно ненасильственными средствами. Если для М.К. Ганди и Дж. Неру существовали морально-политические ограничители, не позволявшие пойти на союз с нацистской Германией или имперской Японией, то для С.Ч. Боса и его сторонников политические и моральные приоритеты были расставлены иначе: все, что приближает освобождение родины — оправдано. Подобная позиция была вызовом военным усилиям Британии в годы войны. Как отмечается в англоязычной версии Википедии, «попытка во время Второй мировой войны освободить Индию от британского

правления с помощью нацистской Германии и имперской Японии оставила тревожное наследие» [6].

Коллаборационизм в значительной степени подпитывался усилиями Германии и Японии, порождавшими у лидеров национальных движений в странах Востока надежду (по сути, иллюзорную) на обретение независимости их странами в случае поражения западных колониальных держав. При активном участии С.Ч. Боса в Европе из пленных индийцев, захваченных в Северной Африке, был сформирован Индийский легион (примерно 4,5 тыс. военнослужащих), включенный в состав формирований вермахта, а затем войск СС. Оказавшись в 1943 г. в Японии, а затем в Бирме, Бос встал во главе Индийской национальной армии. Андаманские и Никобарские острова (единственные оккупированные японцами территории Индии, формально переданные правительству Свободной Индии, но фактически контролировавшиеся японским командованием) по инициативе Боса были переименованы в острова Шахид (Мучеников) и Сварадж (Независимости), что должно было оказать мобилизующее воздействие на индийское общество и индийскую диаспору в странах Юго-Восточной Азии.

Коллаборационизм в его восточном (азиатском) проявлении не вписывался в этику жесткого противостояния сил добра и зла, свободы и угнетения, демократии и тоталитаризма, свойственную европейскому восприятию опыта Второй мировой войны, он возник в колониальных странах как один из вариантов стратегии борьбы за национальное освобождение. Бос, полагавший, что не гандистское ненасилие, а вооруженная борьба и сотрудничество с наиболее сильными в данный момент мировыми державами приведут Индию к свободе, совершил роковую ошибку не только в выборе союзников, но и в уповании на неизбежность общеиндийского восстания, как только на землю Индии вступят формирования ИНА. Его ожидания не оправдались — индийцы, несмотря на нелюбовь к британскому раджу, сохранили в своей массе лояльность Британской империи, а индийские формирования оказали упорное сопротивление японскому вторжению на индийскую территорию. В противостоянии «идеалистической» позиции М.К. Ганди и Дж. Неру в отношении ко Второй мировой войне и «реалистической» позиции С.Ч. Боса, учитывающей расклад сил в мировой политике в данный момент, в конечном итоге более прагматической оказалась первая. Тем не менее, Бос занял прочное место в исторической памяти индийцев как один из национальных героев, приблизивший освобождение страны. Для индийцев Бос навсегда останется автором призыва «Delhi Chalo» (Вперед, на Дели!) и приветствия «Jai Hind» (Да здравствует Индия) принятого впоследствии в индийских вооружен-

ных силах. На популярность Боса работала также таинственная и до конца не проясненная история его исчезновения (официальной версии о его гибели в результате аварии японского самолета на Тайване в августе 1945 г. многие почитатели Боса не поверили).

Таким образом, концепт «коллаборационизм» применительно к тем индийцам, которые сочли возможным сотрудничество с державами оси, не был воспринят индийским обществом. Показательно, что формула Ганди (Бос, несомненно, был патриотом, хотя и заблуждался) в массовом сознании индийцев была скорректирована (Бос был патриотом и героем, и даже если он ошибался в выборе союзников, он достоин быть причисленным к пантеону национальных героев). Не случайно в независимой Индии фигура Боса становится неотъемлемым компонентом мифологизированной национальной истории, особенно в его родной провинции — в Бенгалии. Его именем назван один из калькуттских аэропортов. В 2018 г. один из островов Андаманского архипелага назван в честь Боса. Ему были посвящены биографические фильмы и сериал о жизни и таинственной смерти Нетаджи («Полководец», почетное прозвище С.Ч. Боса).

В отношении индийцев к Босу, несомненно, превалирует национальный контекст, нивелирующий проблему коллаборационизма. Среди индийских масс существует запрос на «героизацию» национальной истории, соответствующий современному возрастанию мощи Индии как нового гиганта Азии. Этот подъем национального самоуважения сумела оседлать «Бхаратия Джаната парти» (Индийская народная партия), что позволило ей отодвинуть от власти прежде доминировавший на протяжении трех десятилетий Индийский национальный конгресс. Сам облик Боса-полководца оказался созвучен новым трендам в выстраивании индийской идентичности с акцентированием на героических страницах национальной истории. Сторонники «индусского правления» (Hindu Rashtra) называют Боса «отцом индийской свободы», «одним из самых любимых лидеров Индии» [7]. «Реализм» политического мышления Боса, рассматривавшего мировую политику через призму шахматной партии между сильными игроками и порывавшего с «неруанским идеализмом», не только оказался более созвучным амбициозным внешнеполитическим установкам правительства БДП во главе с Н. Моди, но и резонирует с умонастроениями значительной части индийского общества. Политика памяти в современных индийских реалиях предполагает культивирование военной мощи Индии, восстановление индуистской мужественности.

«Героизация» исторического прошлого разворачивается на фоне все более активного выставления счетов Великобритании за колони-

альное унижение Индии и беззастенчивую выкачку ресурсов из страны в период британского правления. Раздаются требования о финансовых компенсациях со стороны бывшей метрополии. Символическое значение придается официальным извинениям со стороны Лондона за трагические события в Амритсаре в 1919 г. (расстрел сотен мирных демонстрантов). Колониальное прошлое — неизжитый комплекс самосознания индийцев и, видимо, не перевернутая страница во взаимоотношениях Индии с бывшей метрополией.

Подводя некоторые итоги рассмотрения данного сюжета, отметим, что память о Второй мировой войне в Индии, в отличие от многих европейских и азиатских стран, не стала определяющим фактором национального самосознания и идентичности. События глобального военного кризиса в восприятии индийцев были значимы в той мере, в какой они приближали освобождение их родины от иностранного правления.

Историческая память — значимый и вместе с тем сложный объект изучения. Она является результирующим следствием рационального и эмоционального освоения конкретного для каждого индивидуума, этнической или социальной группы, той или иной страны исторического опыта. Вместе с тем, историческая память — в значительной степени результат целенаправленного конструирования для решения внутри- и внешнеполитических задач. Обоснованной представляется констатация М.Ч. Миллера о том, что «связь между исторической памятью и индийской внешней политикой в основном ограничивается убеждениями и идеями элит, будь то нерувианизм, реализм или хиндутва» [8, p. 71]. Перспективным также представляется анализ исторической памяти как рефлексии и отражения национальных комплексов, амбиций, представлений о своем месте в мировом сообществе и миропорядке.

Литература

1. Kha Y. Has India’s Contribution to WW2 Been Ignored? // BBC News. 17 June 2015. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-india-33105898

2. Nair K.S. Why the Second World War Remains Relevant for India Today // The Wire. 1 Sept. 2019. URL: https://thewire.in/history/why-the-second-world-war-remains-relevant-for-india-today

3. Kanchan S. Operation D-Day: The Role India Played // Deccan Herald. 5 June 2019. URL: https://www.deccanherald.com/international/world-news-politics/operation-d-day-the-role-india-played-738349.html

4. Райков А.В. Опаснейший час Индии. Липецк, 1999.

5. Harris G. A Largely Indian Victory in World War II, Mostly Forgotten in India // The New York Times. June 21, 2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/06/22/world/asia/a-largely-indian-victory-in-world-war-ii-mostly-forgotten-in-india.html

6. Subhas Chandra Bose. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Subhas_Chandra_Bose

7. Life History of Subhash Chandra Bose: Father of the Indian Freedom. URL: https://www.hindujagruti.org/articles/47_subhash-chandra-bose.html

8. Miller M.Ch. Exploring Historical Memory and Indian Foreign Policy // New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis / Edited by V. Pant. Cambridge, 2019.

Обсуждение в Интернете

Tony Rocchi
29 июня 2020 в 18:51

Рекомендую эту книгу: Fascism outside Europe: the European impulse against domestic conditions in the diffusion of global fascism. Boulder CO; New York: Social Science Mongraphs, 2001. Авторский коллектив показывает размах фашиствующих движений и коллаборационизма в Азии, Африке, Ближнем и Среднем Востоке, Америках.

Н.С. Малышева
Режим Виши (1940–1944 гг.) в политике памяти Франции

22 июня 1940 года в Компьенском лесу начальник штаба Верховного главнокомандования Германии В. Кейтель и командующий арденнской группой французских армий генерал Ш. Хюнтцигер подписали акт о капитуляции Франции. Он предусматривал расчленение страны: в ее северной и западной частях устанавливался немецкий оккупационный режим, а южная часть и колонии сохраняли суверенитет и оставались под властью французского правительства в г. Виши. В течение первого года своего существования вишистское правительство пересмотрело Конституцию 1875 г., передав всю полноту власти главе государства маршалу Ф. Петэну, приняло ряд антиеврейских законов, а также приостановило деятельность политических партий. Эти меры в совокупности с продемонстрированной Петэном на встрече в г. Монтуар готовностью сотрудничать с Гитлером в экономической сфере

закрепили за режимом Виши репутацию режима коллаборационистского, прогерманского, «марионеточного».

Вопрос о сущности вишистского режима и его отражении в коллективной исторической памяти представляет большой интерес для исследователей. К первым попыткам проанализировать отношение французов к политике правительства Виши относятся работы французского историка Г. Руссо, который ввел в научный оборот понятие «синдром Виши» — осознание коллективной вины за национальное предательство [1]. Историю города Виши второй половины XX в. исследовал француз О. Малле, охарактеризовавший политику властей как «желание забыть» годы вишистского режима [2].

Работы отечественных авторов также посвящены переосмыслению сущности вишистского режима, его политических характеристик. По мнению российского исследователя А.Н. Бурлакова, вишистское правительство не являлось профашистским, а Ф. Петэн смог избежать втягивания Франции в войну на стороне стран гитлеровской коалиции и использования Германией французского военного флота в своих интересах [3]. Непосредственно политике памяти посвящены статьи Н.В. Поляковой [4], Д.В. Шмагина [5], О.Е. Орленко [6].

Необходимо отметить, что историческая память о Второй мировой войне формировалась вокруг нескольких событий: капитуляция Франции в 1940 г., оккупация Германией части французской территории, сотрудничество режима Виши с Германией и движение Сопротивления. И если участники Сопротивления считались героями, то над коллаборационистами в 1944–1945 гг. прошли судебные процессы. Однако возникшая сложность с выработкой критериев оценки их преступления и меры наказания привела к тому, что большинство приговоров было смягчено. Более того, в 1951 г. и 1953 г. Национальное собрание проголосовало за принятие двух законов об амнистии, позволивших вернуться в общественно-политическую жизнь французам, ранее осужденным за сотрудничество с германскими властями [7, p. 30]. К примеру, был амнистирован отбывавший тюремный срок за государственную измену и имевший репутацию ярого антисемита писатель, сторонник вишистских властей, Л.-Ф. Селин. В 1957 г. он издал автобиографическую повесть «Из замка в замок», повествующую о последних месяцах правительства Виши. (В сентябре 1944 г. по распоряжению А. Гитлера правительство Виши было эвакуировано на юго-запад Германии, в замок Зигмаринген, где еще в течение нескольких месяцев представляло собой правительство в изгнании. — Н.М.). Еще одним примером переосмысления событий военного времени стало учреждение в 1951 году «Ассоциации по защите памяти маршала

Петэна», появившейся после смерти отбывавшего пожизненное заключение за государственную измену Ф. Петэна. Основатели Ассоциации пытались донести иной образ маршала — как спасителя Франции.

Законы об амнистии были призваны поставить точку в оценке прошлого, примирить французскую нацию. После прихода в 1958 г. к власти Ш. де Голля, героя Сопротивления, период 1940–1944 г. все чаще стал упоминаться как годы патриотической борьбы с фашизмом, а не сотрудничества с ним, пусть и вынужденного. В основу официальной политики памяти было положено представление о том, что в военные годы подавляющее большинство французов так или иначе участвовало в Сопротивлении. Что же касается годов оккупационного режима, то правительство Франции предпочло сохранять молчание. Во французской политике памяти ответственность за сотрудничество с фашизмом возлагалась на ограниченный круг лиц. По замечанию Г. Руссо, коллективная память во Франции создавалась путем умелой организации «забвения» таких «неудобных» сюжетов, как время оккупации [1, p. 12].

Попытка вернуться к общественному обсуждению ответственности правительства Виши за военные преступления была предпринята в конце 1960-х гг. Массовые студенческие волнения 1968 г., за которыми последовала отставка Ш. де Голля, ознаменовали собой не только конфликт поколений, но и потребность молодежи открыто обсуждать «неудобные» темы. В 1969 г. появился документальный фильм М. Олфуса «Печаль и жалость» [8]. Фильм был основан на интервью с участниками Сопротивления, с французами-добровольцами, воевавшими на стороне фашистской Германии, с женщинами, вступившими в брак с немецкими военными. Фильм не предполагал однозначной трактовки поступков как коллаборационистов, так и участников Сопротивления; его задачей было показать, что стояло за выбором человека. Фильм был запрещен к показу во Франции и был показан на телевидении только в 1981 г.

Перемены начали происходить лишь в последнем десятилетии XX века. В 1993 г. президент Ф. Миттеран объявил 16 июля — день, когда в 1942 г. начались массовые аресты евреев в Париже при участии французской полиции, — днем памяти о жертвах антисемитских гонений [9]. По указу президента был открыт мемориал жертвам арестов «Вель д'Ив», у которого в 1995 г. президент Ж. Ширак выступил с речью, признав ответственность Франции за депортацию евреев. В 1997 г. начался судебный процесс над Морисом Папоном, который в годы режима Виши занимал должность начальника полиции Бордо и

обвинялся в депортации более 1600 евреев в концлагерь Аушвиц. Перед обвинением предстали и другие деятели времен режима Виши.

С одной стороны, можно сделать вывод о том, что коллаборационистское прошлое перестало замалчиваться. С другой стороны, признание на официальном уровне ответственности Франции не означало принятие ее всеми французами; более того, тема Виши в последние годы стала инструментом в политической борьбе. Преемник Ж. Ширака на посту президента Н. Саркози заявил о необходимости положить конец «покаянию» французов, которое граничит с «ненавистью к самим себе» [10]. В 2007 г. под впечатлением от фильма о семнадцатилетнем герое Сопротивления коммунисте Г. Моке Саркози распорядился, чтобы предсмертное письмо Моке зачитывалось в школах в годовщину его смерти. Против этой инициативы выступили левые партии Франции, подчеркивая, что лидер правоцентристской партии Саркози цинично пытается использовать наследие левых в своих политических интересах [11]. Неоднозначную реакцию вызвали и другие инициативы Н. Саркози. Его решение провести в 2008 г. саммит ЕС для обсуждения вопросов о мигрантах и беженцах в г. Виши было раскритиковано оппозиционными партиями, указывающими на ужесточение миграционной политики президента и проводящими параллели с режимом Ф. Петэна. Еще более жесткой была реакция левых на проведение Саркози в рамках своей избирательной кампании 2012 г. митинга в защиту прав трудящихся 1 мая — традиционного праздника профсоюзов, а также его заявление о том, что лидер националистических сил Мари Ле Пэн «вполне совместима с Республикой». Газеты левого толка «Либерасьон» и «Юманите» опубликовали статьи, в которых сравнивали Саркози и Петэна, обвиняя первого в заигрывании с правыми силами [12].

Таким образом, вопрос о сущности режима Виши продолжает оставаться актуальным в общественной и политической жизни Франции. При этом по-прежнему нет однозначной трактовки коллаборационистского прошлого времен Второй мировой войны, что дает возможность политическим партиям использовать этот сюжет в своих интересах. Вместе с тем, в последние годы было сделано немало шагов, чтобы французы стали принимать вишистский период как часть своего исторического наследия, и в этом изучение французского опыта интерпретации болезненных вопросов своей истории представляет несомненный интерес и для России.

Литература

1. Rousso H. Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours. Paris, 1990.

2. Malley A. Vichy contre Vichy. Une Capitale sans memoire. Berlin, 2019.

3. Бурлаков А.Н. Политическая природа режима Виши (1940–1944 гг.) // Локус. Люди, общества, культуры, смыслы. 2017. №1.

4. Полякова Н.В. Политика памяти в современной Франции: между коллаборационизмом и Сопротивлением // Вестник ТГУ. 2016. №3.

5. Шмагин Д.В. «Синдром Виши»: политические проблемы переосмысления коллаборационистского прошлого // Вестник РУДН. 2012. №2.

6. Орленко О.Е. Проблемы коллаборационизма и международного права во Франции на примере судебного процесса над Морисом Папоном // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. №1.

7. Scullion R. Unforgettable: History, Memory, and the Vichy Syndrome // Studies in 20th Century Literature, 1999. Vol. 23: Iss. 1, Article 3. URL: https://doi.org/10.4148/2334-4415.1452

8. Jeffries S. A Nation Shamed: Why Does France Keep Making Films that Glorify the Resistance and Gloss over the Truth about Collaboration? // The Guardian. January 22, 2004. URL: https://www.theguardian.com/film/2004/jan/23/1

9. Décret n°93-150 du 3 février 1993. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000162544

10. A French Debate over Guy Môquet // Time. October 23, 2007. URL: http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1674710,00.html

11. Ghosts of Collaboration Haunt Vichy's Attempt to Rehabilitate Its Image // The Guardian. July 12, 2008. URL: https://www.theguardian.com/world/2008/jul/12/france.secondworldwar

12. Sarkozy Compared to Vichy Leader for Courting Far Right. URL: https://www.france24.com/en/20120425-sarkozy-likened-vichy-petain-nazi-collaborator-courting-far-right-vote-ump-national-front-liberation-humanite

П.Г. Нелюбин
«Свои» и «чужие» в эпоху Мэйдзи: антихристианская общественно-политическая мысль в Японии

Рассказывая об искаженном образе конфуцианства в отражении популярной литературы периода Эдо (1603–1868 гг.), Д. Кин заметил, что зеркало «может увеличивать, уменьшать или сильно искажать, [но] единственное, что можно сказать с уверенностью, — это то, что пока

что-то появляется в его отражении, каким бы кривым или искаженным оно ни было, это все еще существует в обществе» [1, p. 137].

Одной из наиболее болезненных тем в изучении социально-политической истории Японии XVII и XVIII вв. является память о христианстве. Сёгунат умело применял приемы и механизмы, используемые для проведения политики памяти (направленной против христианства). В 1614 г. был издан *«Указ о депортации священников» (Батэрэн цуихо но фуми),* официально запрещавший христианство и необоснованно обвинявший христианских священников в посягательствах на японскую государственность, несоблюдении законов и игнорировании местных порядков [2, p. 56]. На досках объявлений появлялась информация о том, что «злая секта христиан» строго запрещена, а также о хитроумной схеме варваров, стремящихся овладеть Японией с помощью религии, которая была странным синтезом причудливых доктрин и могущественной магии [3, p. 106]. Кроме того, политики и философы, работавшие на сёгунат, сочинили огромное количество антихристианских работ, направленных на искажение истории христианской миссии в Японии и христианства в целом, что не могло не отразиться в памяти народа.

Долгое время считалось, что после того, как христианство было запрещено в 1610-х гг., большинство христиан в Японии отреклось от своей веры, а те немногие, кто этого не сделали, ушли в подполье. При этом, сложно отрицать, что даже в период запрета христианство и христиане оказывали значительное влияние на японское общество. Так, христианство было признано «опасной сектой», насаждаемой «южными варварами», а японские христиане — предателями своего народа.

Японские исследователи сёгуната Токугава в целом преувеличивают эффективность усилий сёгуната по искоренению презираемого вероучения и имеют тенденцию представлять религиозную жизнь общества данного периода так, будто бы христианство просто исчезло [2, p. 132].

Более поздние западные исследования бросили вызов этому утверждению, чаще косвенно, сосредоточив внимание на антихристианской полемике начала XVII в. Работы Дж. Эллисона [4] и К. Парамор [2] демонстрируют, как антихристианская мысль способствовала формированию и развитию японского государства раннего Мэйдзи. Но в этих работах не был рассмотрен интригующий вопрос: сохранилось ли то, что Ч. Боксер и др. называли «Христианским веком Японии» (1549–1650 гг.), в народной памяти последующих веков, и если да, то в каком виде.

Наибольший интерес в контексте нашего исследования вызывает работа Я. Лейхтенбергера [5], автор которой рассматривает отношение к японским христианам через их карикатурное появление в трех работах: «*Батэрэнки»*, «*Кириситан моногатари»* и *«Кириситан сюмон райтё дзикки»*. Затем Я. Лейхтенбергер расширяет границы исследования, анализируя дискурс позднего Эдо. Однако, к сожалению, период Мэйдзи в данном исследовании практически не был затронут.

Главными источниками для написания нашей работы послужили труды известных авторов периода Мэйдзи — Аидзава Сэйсисай и Фукудзава Юкити. Они помогут выяснить, какие аргументы в пользу антихристианской риторики были у представителей двух разных политических течений.

Основное наше внимание фокусируется на особенностях образов «своего» (японца) и «чужого» (христианина/европейца) в японском обществе XVIII и XIX вв., тем самым приводя нас в мир идеологии, политической риторики и народной памяти Японии периода Мэйдзи. Прежде чем переходить к особенностям понятия «чужой» в эпоху Мэйдзи, необходимо разобраться в том, кто являлся «своим». Важнейшим комплексом идей, идеологическим конструктом, слагающим национальную идентичность японцев, является *кокутай* [6, с. 301] (яп. 国体, «Тело нации»).

Термин *кокутай* был предложен последователем школы Мито Аидзава Сэйсисай (25 мая 1782 г. — 14 июля 1863 г.), одним из самых известных политических и научных деятелей Княжества Мито. Он написал труд *«Новая Теория»* (*Синрон*) в 1825 г., призванный предупредить японцев об опасности «западных варваров» [7, с. 33–34]. Вследствие «открытия» Японии в 1853 г. этот термин распространился по всей стране и завоевал немалую популярность.

Аидзава начинает свое повествование в *«Новой теории»* так:

«Наша Божественная Земля — это место, где восходит солнце и берет начало первородная энергия. Наследники Великого Солнца [Аматэрасу] занимали Императорский Трон из поколения в поколение без изменений с незапамятных времен. Положение Японии на краю земли делает ее стандартом для всех народов мира. В самом деле, она проливает свой свет на мир, и расстояние, которое достигает великолепное имперское влияние, не знает границ. Сегодня западные варвары, занимающие скромное положение ног и ступней мира, снуют по морям, топчут ногами другие страны и осмеливаются своими косыми глазами и хромыми ногами одолеть благородные нации. Что за высокомерие!» [8, с. 7].

Известно, что контраст между цивилизованными людьми и варварами — это образ мышления, которого придерживались многие мыслители в Японии периода Мэйдзи. Аидзава интересен тем, что он взглянул на «западных варваров» как на идеологических врагов, а христианство он считал опасным орудием для вторжения «западных варваров». Например, в *«Новой теории»* Аидзава задается вопросом, почему варвары могут расширять свои территории и исполнять свои желания, и сам себе отвечает, что они ведут себя так не потому, что преуспевают в мудрости и храбрости, и даже не потому, что их политические институты более развиты. Христианство — единственная причина их успеха [9, p. 213].

Разумеется, Аидзава не верит в превосходство христианства. Для Аидзава христианское учение — зло и не заслуживает серьезного обсуждения, но оно настолько простое для понимания, что «глупые простолюдины» могут быть обмануты и склонны к принятию этой веры [8, с. 10]. Его логика строится на таких предположениях: когда хитрые варвары устремятся захватить страну, они начнут торговать. Если эта страна окажется слабой, они отправят войска для вторжения, а если нет, они начнут распространять христианство, чтобы захватить страну изнутри[1]. Аидзава боится, что варвары соблазнят «глупых простолюдинов» на разрушение их родины, используя христианство. Аидзава настаивал на том, что для предотвращения такой угрозы недостаточно наращивания военной мощи. Он считал, что для защиты от христианства у японцев должна быть своя собственная национальная идеология, и поэтому он сформулировал концепцию *кокутай*.

Центральная идея идеологической стратегии Аидзава базируется вокруг конфуцианского понятия — *«Тэн»* (Небеса). Аидзава умело трансформирует его значение и включает в миф о предках императора (*тэнно*) и неразрывной имперской линии. В главе *«Кокутай»* в *«Новых тезисах»* Айзава пишет следующее: «В древности, Небесная прародительница Аматэрасу изложила предписания, на которых базируется наш народ. Ее Императорский Трон был установлен Богом, Ее добродетель была дарована Богом, и через них Она осуществляла Небесные Дела. Все Ее достижения были делом рук самих Небес» [8, с. 24]. Миф о создании Японии Аматэрасу трансформируется таким образом,

[1] Следует сказать, что эта мысль не нова. Еще в 1610-х гг. «теория христианского вторжения» была основным аргументом, позволившим сёгунату Токугава начать всестороннюю антихристианскую кампанию. То, что мысли, содержащиеся в этой теории, оказались актуальными спустя столько лет, лишь доказывает эффективность проведенной сёгунатом политики памяти, направленной против христианства.

чтобы представить его как желание самих Небес. Тактика этой трансформации основана на схожести слов *тэн* (Небеса) и *тэнно* (император). Затем Аидзава настаивает на праведности императорской линии Аматэрасу, т.к. наличие трех регалий (ожерелье, зеркало и меч), наследуемых из поколения в поколение от Аматэрасу, означают добродетель, мудрость и отвагу. Аидзава замечал, что основными элементами, необходимыми для правителя, являются культ предков (обряды), назидание и правление. Их совокупность — есть *кокутай*. Итак, если правителем соблюдается неразрывная связь обрядов, правления и назидания, простолюдины не будут соблазнены христианством.

В 1875 г. известный японский писатель, переводчик и философ Фукудзава Юкити (10 января 1835 г. — 3 февраля 1901 г.), изучавший западные науки, использовал термин *кокутай* в своей работе *«Краткий очерк теории цивилизации»* (*Буммэйрон-но гайряку*) [10], однако в несколько ином значении. В тексте Аидзава *кокутай* изначально связывают с мифом об Аматэрасу и ее происхождении, но Фукудзава дал ему новое значение, переведя термин «национальный суверенитет» в трудах Джона Стюарта Милля как *кокутай* [11, p. 260]. Фукудзава явно отрицал этнический оттенок этого термина и считал память народа «стержнем» *кокутай*. Но в *«Комментариях к текущим проблемам» (Дзидзи Сёгэн)* [12], опубликованных в 1881 г., Фукудзава изменил свое мнение. Он яростно критиковал христианство и поддерживал миф о непрерывности имперской линии, который ранее называл «глупой выдумкой». Нам необходимо выяснить, почему в трудах Фукудзава произошли столь резкие изменения.

Среди ученых Мэйдзи Фукудзава был самым известным критиком традиционных националистических идей. В своем *«Кратком очерке теории цивилизации»* он объяснил идею *кокутай* так: «Кокутай означает состояние нации, в котором люди независимы от других, наслаждаются и скорбят вместе, дискриминируют других людей в пользу своих собственных интересов и управляют собой под своим собственным правительством» [13, p. 104]. В отличие от традиционной идеи *кокутай*, поддерживаемой властью, Фукудзава делает акцент на различие между категориями «свой» и «чужой», через призму которых он стремится раскрыть *кокутай*. Фукудзава освободил идею *кокутай* от неразрывной связи с имперской линией. Он следует логике Дж. Милля: «Существует много источников национального суверенитета: раса, религия, язык, география и т. д. Но самый сильный фактор — это история, благодаря которой люди помнят о своей нации» [10].

Фукудзава представляет новую идею *кокутай*, которая соответствует современному национальному государству, трансформируя

традиционную идею, возникшую в *«Новой Теории»* Аидзава. Миф о непрерывной императорской линии был теоретической основой для японской интеллигенции, желающей противопоставить себя иностранным врагам, продемонстрировав превосходство нации, где традиционная идея *кокутай* является центральной. Фукудзава осознавал важность этой идеи, но считал, что независимость нации не может быть достигнута без использования достижений западной цивилизации. Аидзава же настаивает на уникальности Японии и отвергает достижения «варварских» цивилизаций. Фукудзава критикует эти идеи, называя их «глупыми выдумками» [13, p. 105], но не отрицает важность национального суверенитета. Напротив, он заканчивает свой *«Краткий очерк теории цивилизации»* главой о национальной независимости, где утверждает, что достижения западных цивилизаций должны стать средством для получения независимости, критикует христианство и обязательность обучения китайскому языку. Так почему христианство препятствует достижению национальной независимости? Более предметной критике христианство подвергнется в *«Комментариях к текущим проблемам»* 1881 г.

В данной работе Фукудзава заявляет: «Единство языка, родины, морали и нравов может усилить патриотизм, но больше всего его поддерживает историческая память народа» [12]. Подобная мысль появлялась в *«Кратком очерке теории цивилизации»*, но в *«Комментариях к текущим проблемам»* она дополняется критикой христианства: «Те, кто исповедуют христианство в современной Японии, оказались в долгу перед западными людьми и следуют за ними» [12]. Фукудзава опасается, что японцы будут ментально оторваны от своего народа, ведь люди, находящиеся под влиянием христианства, не могут быть частью единой японской нации, а их патриотические настроения будут разрушены изнутри.

Теперь аргументы Фукудзава схожи с аргументами Аидзава: «Если варвары завоюют сердца и умы нашего народа, они захватят страну без боя» [12]. Однако это не говорит о том, что Фукудзава проникся идеями Аидзава. Скорее Фукудзава опирался на мысли, бытующие в народе еще со времен жесткой антихристианской политики (например, «Теория христианского вторжения»), проводимой сёгунатом Токугава. Это сходство может быть связано с пересмотром отношения к христианству со стороны Фукудзава. «Христианство не препятствует политике западных стран, потому что для них это традиционная религия, тесно связанная с правительством. Христианство является внешней религией для Японии, и тот, кто исповедует его в Японии, становится умственным рабом иностранцев, а умственное рабство обязательно при-

ведет к физическому рабству и, в конечном итоге, к колонизации» [12]. Примечательно, что для Фукудзава политическая система западных стран представляется союзом государства и религии и поэтому христианский эгалитаризм не является препятствием для властей западных стран. Отсюда следует, что Японии тоже необходимо создать союз политики и религии. Он предполагает, что буддизм и синтоизм должны объединиться ради общей цели, чтобы отказаться от внешней религии. Итак, «правильная религия» и «правильный образ жизни» должны объединиться против христианства.

В 1882 г. Фукудзава приветствовал указ, в котором говорилось о том, что синтоизм не является религией [14, с. 16]. В своем комментарии, озаглавленном *«Обязанности синтоистских священников»*, он утверждает, что их обязанности должны состоять в том, чтобы укреплять общую историческую память нации, читая лекции по истории Японии. «Никогда не подвергаясь вторжению иностранцев с момента основания страны, мы, японцы, придерживаемся императорской линии. Когда синтоистские священники учат людей древней истории Японии, это усиливает народ…» [14, с. 17].

Примечательно, что он впервые рассматривает общенародную память как нечто неотделимое от непрерывной императорской линии. Ранее мы говорили о том, что он отверг мифы об Аматэрасу и ее потомках и назвал их «глупыми выдумками». Теперь же он считает это важным элементом национального суверенитета. Спустя неделю после публикации указа он публикует знаменитую работу *«Об императорской семье»* (*Тэйшитсу-рон*), в которой намеревается освободить миф о непрерывной императорской линии от монополии школы Мито и закрепить его в народной памяти. Фукудзава утверждает, что императорская семья должна находиться вне политики, но быть «центром объединения народа» [15], однако из этого не следует, что он не признавал ее политическую роль. В тексте *«Об императорской семье»* Фукудзава замечает: «Наша Императорская семья — это безупречный драгоценный камень, который ни разу не пострадал с момента своего основания. Под его блеском мы, люди, собираемся вокруг, чтобы поддерживать общественный порядок внутри и расширять нашу национальную мощь за его пределами» [15].

В 1884 г. внешнеполитический курс Японии изменился, и Фукудзава опубликовал труд *«Открытие или изоляция?»*, в котором предлагает две возможные стратегии, между которыми ему трудно выбирать. «Политика открытости» означает приспособление Японии к западным странам во всех отношениях, в то время как «политика изоляции» ведет к управлению всем «по-японски». Политика изоляции означает

требование от Запада равных прав по отношению к другим странам. Это было бы вызовом для западных стран, которые считают азиатские страны «ниже себя». Фукудзава не считает недопустимым выбор политики изоляции, хоть она и предполагает соперничество с западными странами.

Через две недели после публикации *«Открытие или изоляция?»* Фукудзава опубликовал статью *«Мы также должны следовать западным людям в религии»*, в которой отрицает опасность христианства. Он утверждает, что японцы обязаны защищать себя, подражая западному образу жизни, потому что в нынешней ситуации жители Запада считают отличные от них образы жизни варварскими: «Мы должны затруднить жителям Запада возможность дискриминировать нас, подражая им в социальных институтах, манерах, религии и т.д.» [16].

Он ожидал, что в ближайшем будущем договоры с западными странами будут пересмотрены и запретить христианство будет затруднительно. Так, Фукудзава признает, что лучше «принять» христианство, чем опрометчиво противиться ему.

Подводя итоги, важно заметить, что Аидзава и Фукудзава, имевшие абсолютно разные взгляды на политику, согласились с формулировкой *кокутай*, согласно которой императорская семья должна быть главной опорой нации. В немалой степени на них повлияла (и нашла отражение в их трудах) политика памяти, проводимая против христианства сёгунатом Токугава. Оба признавали христианство западной идеологией и не только критиковали его со стратегической точки зрения, но и апеллировали к *кокутай*. Они, как и многие японские интеллектуалы, обнаружили «своего» в мифе об Аматэрасу и ее происхождении после того, как столкнулись с грозными «чужими» — христианами.

Литература

1. Keene D. Characteristic Responses to Confucianism in Tokugawa Literature. Mānoa, 1997.

2. Paramore K. Ideology and Christianity in Japan. L., 2009.

3. Cary O.A. History of Christianity in Japan: Roman Catholic and Greek Orthodox missions. N.Y., 1909.

4. Elison G. Deus Destroyed: The Image of Christianity in Early Modern Japan. Massachusetts, 1988.

5. Leuchtenberger J. Conquering Demons: The “Kirishitan”, Japan, and the World in Early Modern Japanese Literature. L., 2013.

6. Klaus J.A. Shinto und die Konzeption des Japanischen Nationalwesens, Kokutai. Leiden, 1998.

7. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009.
8. Такасу Ё. Синрон Кова. Токио, 1941.
9. Tadashi Wakabayashi B. Anti-Foreignism and Western Learning in Early-Modern Japan. Cambridge, 1986.
10. Фукудзава Ю. Буммэйрон-но гайряку. URL: https://dcollections.lib.keio.ac.jp/ja/fukuzawa/a23/77
11. Brownlee J. S. Japanese Historians and the National Myths, 1600-1945: The Age of the Gods and Emperor Jinmu. Vancouver, 1999.
12. Фукудзава Ю. Дзидзи Сёгэн. URL: https://dcollections.lib.keio.ac.jp/ja/fukuzawa/a33/97
13. Craig A.M. Civilization and Enlightment: The Early Thought of Fukuzawa Yukichi. Cambridge, 2009.
14. Фукудзава Ю. Гакумон но сусумэ. Токио, 1942.
15. Фукудзава Ю. Тэйшитсу-рон. URL: https://dcollections.lib.keio.ac.jp/ja/fukuzawa/a35/99
16. Фукудзава Ю. Дзидзи тайсэйрон. URL: https://dcollections.lib.keio.ac.jp/ja/fukuzawa/a34/98

А.М. Савоськин

Косовский миф в исторической памяти сербов и албанцев

Косовская битва 1389 года стала ключевым событием для сербской истории. Явившись наиболее ярким моментом южнославянского сопротивления османской экспансии, битва стала олицетворять собой связь с подлинной сербской государственностью и быть символом национальной свободы. Косовский миф считается краеугольным камнем исторического сознания сербов, примером коллективного героизма и самопожертвования во имя будущего нации. В основе косовского эпоса, получившего широкое распространение на Балканах в XIX веке и ставшего важной частью процесса национального возрождения, лежат сразу несколько легенд библейского звучания. Главная из них — встреча Лазаря в ночь накануне сражения с посланцем неба в облике сокола. Он предложил князю выбор между счастливым для Сербии царствием земным, но только пока Лазарь живет на этом свете, и царствием небесным, плата за которое — гибель на поле брани и поражение в решающей битве с врагом. Князь выбрал второе, не снес головы и был канонизирован. Важными составляющими Косовского мифа также являются легенда о Милоше Обиличе, лично убившем султана Мурада I для обеления собственного имени, гибель девяти братьев Юговичей, славной смерти витязя Павла Орловича и т.д.

Особо громкие эпитеты были слышны от сербских историков и представителей общественности в конце 1980-х гг. Приобретя особую значимость накануне 500-летия, Косовская битва по сей день остается объектом споров в среде сербской и албанской интеллигенции, став примером активного влияния политических тенденций на историческую науку.

По мнению основоположника этносимволического подхода к нации, английского исследователя национализма и исторического социолога Энтони Дэвида Смита, основным критерием нации является наличие общего культурно-исторического сознания, чаще всего выраженного в т.н. «символах памяти». Принимая во внимание опыт примордиалистов и модернистов, Смит, являясь в первую очередь критиком их концепций, утверждал, что национальная культура гораздо менее динамична, чем принято полагать. Нация — одновременно и абстрактная идея, и реально существующая общность людей, основанная на культурной близости. Смит определяет нацию как «человеческое сообщество, обладающее названием, члены которого разделяют и поддерживают общие мифы, воспоминания, символы, ценности и традиции, проживают на установленной территории и идентифицируют себя с ней, создают и распространяют определенную публичную культуру, соблюдают общие права и законы» [1, p. 29].

Косовская битва и Косово поле являются яркими примерами мифологизации исторического пространства, создания исторического символа сербского народа, определяющего дальнейшее развитие национальной культуры и сербских коллективных ценностей. Нетипичной является попытка двустороннего использования данного события со стороны сербов и албанцев. Сербский миф о битве сформировался в течение нескольких десятилетий после нее. Сербский историк Сима Чиркович, даже будучи критиком сложившихся в академической среде представлений о битве, отмечает ее как «наиболее популярное историческое событие, ярче прочих врезавшееся в народное сознание сербов» [2, с. 110]. Как указывает другой исследователь Димитрие Богданович, несмотря на противоречивые данные об исходе битвы, она приобрела мифологический статус еще во времена современников [3].

Косово являлось культурным, политическим и экономическим центром средневековой Сербии. Помимо зачастую располагавшихся там княжеских резиденций, регион был славен своими серебряными и золотыми рудниками в Ново Брдо. Также Косово можно назвать торговым центром Балкан того времени. Помимо прочего, регион был религиозным центром, о чем свидетельствует множество древних церквей и монастырей на его территории. Демографическая структура

региона начала меняться после османского завоевания. Особенно заметен этот процесс был в период между 1690 и 1740 годами, когда Порта проводила активную внутреннюю миграционную политику в рамках дехристианизации Балкан. Вторая волна демографических изменений настигла регион в XX веке. Независимая Албания, помимо собственной заинтересованности в поддержке своей заграничной диаспоры в Косово, в 1910-х гг. также была инструментом давления на восток со стороны Австро-Венгрии. Косовские албанцы также заметно укрепились в регионе во время Второй мировой войны, когда лояльная Третьему рейху Албания стремилась к аннексии Косова и Метохии [4].

Сербские культурные традиции плотно связаны с Косово. Еще в конце XIV века Косовской битве был посвящен песенный цикл, а также несколько литературных произведений, в частности, воспевающих князя Лазаря [1]. Таким образом, можно отметить, что Косовский миф не был мифологическим конструктом нового времени, он имеет глубокие корни в сербской культуре с XIVвека. Помимо прочего, Косовский миф был важной частью черногорской культуры. В частности, ему частично посвящена одна из поэм Петра Негоша «Горный венец». Миф также стал предметом широкого интереса со стороны хорватов и словенцев в период увлечения югославизмом на Балканах.

Более того, пример использования Косовского мифа в качестве обоснования политических амбиций сербского государства не является уникальным. В частности, именно к Косовской битве апеллировал сербский идеолог и политик периода уставобранителей Илия Гарашанин (1812–1874) в своей политической программе Начертание в 1844 г. Косовский миф также активно использовался во время сербского национального возрождения в XIX веке, особенно после 1860-х годов. С этого времени миф стал центральной темой сербского национализма, как и его использование в качестве оправдания сербских требований в отношении Косова. В частности, Сербия использовала миф как оправдание завоевания Косова и Метохии в процессе Балканских войн.

Албанская версия мифа, по мнению некоторых исследователей, является, скорее, контр-мифом. В первую очередь, она базируется на отрицании ключевой роли сербов в той битве и ее неочевидном значении для сербского государства. Примечательно, что один из наиболее известных героев Косовской битвы Милош Обилич в албанской версии зачастую упоминается как албанский «горный герой» Милеш Копили (или Милан Кобилич) из Дреницы. В конце 1980-х годов в среде косовской интеллигенции были широко распространены идеи, интерпретировавшие битву как совместную победу сербских и албанских воинов, однако впоследствии эта концепция не закрепилась. При рас-

смотрении самой битвы, как правило, фигурирует множество албанских военачальников. Албанцы в своей трактовке чаще стараются подчеркнуть свою приверженность европейской, христианской традиции антиосманского сопротивления, хотя существует и другое, происламское направление. На данный момент интерес к Косовской битве в среде албанских исследователей значительно ниже, чем в 1990-х годах [5].

Изучение истории Косовской битвы стало особенно активным в момент перед празднованием ее 500-летия. В Югославии было организовано множество научных конференций, в рамках которых сформировался особый подход к косовской проблематике. Особенно стоит выделить конференцию «Косовская битва и ее последствия», в организации которой принимала участие Сербская православная церковь. Националистическая риторика некоторых ученых вскоре стала общепринятой при обсуждении косовского вопроса.

Сербская политическая верхушка была, безусловно, заинтересована в подобных настроениях. Вновь остро вставший вопрос о принадлежности Косова обсуждался не только в кругах сторонников Милошевича, но и в рядах оппозиции, что неудивительно, ведь конец 80-х годов можно характеризовать как пик националистических настроений во всех республиках СФРЮ. И хотя в тот момент находилось достаточное число критиков сложившихся представлений о Косовской битве (например, упомянутый выше С. Чиркович), в рядах общественности господствовала национально-патриотическая риторика.

Важно отметить, что в этот момент ключевой тенденцией в подходах к Косовскому мифу является сращивание исторического нарратива с попыткой обоснования сербских притязаний на Косово. Более того, кажется логичным предположение о том, что столь широкий интерес к исторической теме не был бы возможен без соответствующего политического подтекста, который был явно выражен в момент празднования 500-летия битвы. Смерть Тито позволила пересмотреть его административную политику, согласно которой Косово и Воеводина были выделены из состава Сербии в отдельные автономные края, ради «ликвидации великосербской политической гегемонии». Пиком данной тенденции стало знаменитое выступление Слободана Милошевича на Косовом Поле в 1989 г., ставшее манифестом возрожденной идеи о Великой Сербии и, соответственно, принадлежности Косова к Сербии [6].

После окончания Косовской войны и, в дальнейшем, провозглашения независимости Косова интерес к мифу на некоторое время снизился. Сербская интеллигенция стремилась сгладить углы противоречий,

тем более что это также было продиктовано политическими тенденциями того времени. Организация традиционных мероприятий на территории Косова виделась затруднительной в связи с необходимостью разрешения албанских властей. Более актуальным стали сюжеты о сербской Боснии.

Сейчас Косовский миф вновь обретает популярность как инструмент политического действия. Несмотря на предложенные А. Вучичем еще в бытность премьер-министром попытки договориться с Косово «без мифологического подхода», становится очевидным сложившийся в этой политической партии цугцванг. Курс на попытку договора с республикой был следствием политики, ориентированной на вступление в ЕС. Теперь же, на волне евроскептицизма данный путь выглядит спорным, притом, что принадлежность Косова остается насущным общественным вопросом. Новый виток интереса к косовским сюжетам описан в опубликованной сербским министерством культуры «Стратегии развития культуры в Сербии на 2017–2027 годы». В документе говорится о разных направлениях сербской культуры: упоминаются «старославянская», «византийская», «европейско-просветительская», «демократическая» и «героическая». Внутри «героического» направления фигурирует «косовский завет», предназначенный для охраны национального исторического наследия [7]. Косовский миф актуален для молодых сербов, отвергающих необходимость политкорректности в этом вопросе. Причиной этого может служить достаточно консервативная в вопросах культуры образовательная система в стране.

В самом Косово актуальность средневековых сюжетов еще заметнее. Еще со времен Тито были заметны серьезные тенденции в среде культурного преобразования в регионе. Большинство косоваров, ныне составляющих более 90% населения Косова, еще во времена Югославии редко изучали сербский язык. Средневековая история Косова трактуется, разумеется, в проалбанском ключе.

Образование в республике сепарировано, а потому и сербы, и албанцы имеют диаметрально разные точки зрения относительно исторических событий. Тем не менее, для косовских сербов сюжет Косовской битвы и связанная с ним мифология занимают ключевое место в рамках изучения истории и культуры. Сербские школы в Косово, по мнению множества албанцев, продолжают получать материальное обеспечение из Сербии. Косово получает финансовую помощь на нужды образования от разных фондов, включая Международный институт образовательного планирования UNESCO, Министерство международного сотрудничества Канады и Организацию экономического сотрудничества и развития [8].

Современное положение материальных памятников, связанных с косовским сюжетом, достаточно плачевно. Большинство из них либо разрушено, либо, будучи недоступными для обслуживания, находится в плохом состоянии. Однако интерес сербов к ним сохраняется. Например, наиболее известный косовский монумент «Газиместан», заминированный во времена Косовской войны, все еще привлекает множество посетителей, особенно в дни годовщины Косовской битвы.

Косовский миф, представляющий собой целый массив различного рода культурных символов и традиций, является прочным атрибутом национальной идентичности сербов, а также предметом особого интереса среди албанцев. На протяжении истории сербской государственности с XIV века миф был основой формирования особого этнического самосознания и повлиял на современный этнокультурный облик сербов и Сербии. На текущий момент он переживает очередной пик интереса со стороны общественности, особенно в связи с вновь обострившейся ситуацией в регионе. Являясь средством мобилизации, Косовский миф действительно активно используется в качестве инструмента особой культурно-образовательной политики, являясь ярким примером связи прошлого с настоящим.

Литература

1. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. N.Y., 2009.

2. Чиркович С. История сербов. М., 2009.

3. Bogdanović D. Knjiga o Kosovu. URL: https://www.rastko.rs/kosovo/istorija/knjiga_o_kosovu/index_c.html

4. Tančić D.Lj., Elezović D.M. Political Processes in Kosovo and Metohija in a Comparative-Historical Perspective // Баштина. Приштина – Лепосавић. Св. 50 (2020). P. 109–120. URL: https://aseestant.ceon.rs/index.php/bastina/article/view/25562/15138

5. Колосков Е. Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. №2 (20). С. 152–168. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kosovskiy-mif-v-sovremennoy-serbskoy-i-albanskoy-istoriografii-etapy-i-osnovnye-tendentsii/viewer

6. Govor Slobodana Miloševića na Gazimestanu. Стенограмма. Pristina, 1989. URL: http://www.pecat.co.rs/2011/06/govor-slobodana-milosevica-na-gazimestanu-1989-godine/

7. Смерть на Косовом поле. URL: https://www.svoboda.org/a/29006556.html

8. Sommers M., Buckland P. Parallel Worlds: Rebuilding the Education System in Kosovo. 2004. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000136152

9. Di Lellio A. The Battle of Kosovo 1389: An Albanian Epic. L., 2009.

10. Кузнецова С. О некоторых принципах этносимволистской концепции: идеальные типы и «время большой длительности» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №4 (3). С. 141–147. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-printsipah-etnosimvolistskoy-kontseptsii-idealnye-tipy-i-vremya-bolshoy-dlitelnosti/viewer

11. Майничева А. Этносимволизм: возможности использования в этнографических исследованиях // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. №1. С. 16–19.

Н.Ю. Самойлов
Колониальный дискурс, распад и наследие Британской империи в документальных фильмах Великобритании (2000–2012 гг.)

События, связанные с выходом Великобритании из ЕС, актуализировали внутри Соединенного Королевства дискуссию о месте и роли страны в мире. Так, сторонники выхода, партия UKIP и ее лидер Найджел Фараж, обосновывали Brexit в том числе идеей о возвращении статуса суверенного и мощного игрока на мировой арене [1, pp. 64–65, 67, 70–71]. Обращение к прошлому величию оказалось весьма эффективным, учитывая результаты референдума. И поскольку Британия по сей день сохраняет тесные культурные, экономические, политические связи с бывшими колониями в рамках Содружества, вопрос об отношении к имперскому прошлому с его неоднозначным наследием остается одним из ключевых в национальном дискурсе. В связи с этим, интерес представляет то, какой образ империи формировался в Великобритании в годы, предшествовавшие референдуму о выходе из ЕС. В качестве объекта изучения были выбраны документальные фильмы, поскольку документальное кино в контексте формирования представлений о прошлом выступает важным и своеобразным инструментом, который находится на стыке научного исследования, журналистики и развлечения. Создатели документального кино способны как представлять зрителю отдельные факты, так и интерпретировать их определенным образом. Автором были выбраны четыре документальных фильма, произведенные в Великобритании и затрагивающие роль Бри-

танской империи в прошлом и настоящем. Все фильмы были созданы при участии «Британской вещательной корпорации» (BBC). Это следующие фильмы: «Саймон Шама: История Британии» («Simon Schama: A History of Britain», режиссеры: К. Беван, М. Холл, Й. Бремнер, 2000–2002) [2]; «История современной Британии от Эндрю Марра» («Andrew Marr's History of Modern Britain», режиссеры: Т. Гилс, Ф. Салариа, Ф. Уотли, Р. Дашвуд, 2007) [3]; «Создание современной Британии от Эндрю Марра» («Andrew Marr's The Making of Modern Britain», режиссеры: Р. Дашвуд, Ф. Салариа, Ф. Уотли, Р. Парсонс, 2009) [4]; «Империя» («Empire», режиссеры: Д. Хэй, Р. Парсонс, Р. Дашвуд, Д. Винсент, 2012) [5].

Представленную в перечисленных фильмах информацию, формирующую у зрителя представление о Британской империи, можно структурировать в три хронологических блока. Первый — период от формирования империи в XVIII веке до середины XX века. Второй — период распада империи в середине XX века. Третий — роль империи в современном мире в целом и в Великобритании в частности.

Говоря о времени от формирования империи до середины XX века, создатели выбранных картин представляют как негативные, так и положительные стороны колониального правления. Освещаемые авторами негативные черты можно условно разделить на «эмоциональные», проявляющиеся в поведении колонизаторов и их чувстве превосходства над покоренными народами, и на конкретные действия, ухудшавшие жизнь коренного населения колоний. В числе первых упоминается расизм: «Многие сторонники империи считали, что британцы эволюционировали настолько, что стали высшей расой и могут управлять другими» [5, 5 серия, 29:40–30:00]. Повествуя о причинах восстания сипаев в 1857 году [6], С. Шама говорит: «Наиболее оскорбительным было все более высокомерное отношение британцев к вещам, которые они считали несущественными» [2, 14 серия, 26:55–27:07]. Еще одной причиной авторы фильма называют оторванность британцев от настроений коренного населения и показную отгороженность от местных жителей за стенами резиденций [2, 14 серия, 28:02–29:00]. Д. Паксман также упоминает высокомерие как причину недовольства индийцев, при этом делая вывод, что «показное превосходство колонизаторов было блефом и показателем их слабости» [5, 1 серия, 13:43–14:12]. В числе конкретных действий империи авторы фильмов упоминают жестокие поступки британцев по отношению к покоренному населению. Так, говоря о подавлении восстания сипаев, создатели фильма «Империя» упоминают жестокости и пытки, которые применяли британцы, а также то, что «Британская империя на протяжении всей своей

истории жестоко подавляла бунты» [5, 1 серия, 17:40–18:52]. Д. Паксман подвергает критике захват земель аборигенов «хитростью или обманом» [5, 2 серия, 35:20–35:56]. Зачастую авторы прибегают к эмоционально окрашенным высказываниям. Например, Д. Паксман называет Британскую империю «самой нечистоплотной в мире» [5, 5 серия, 38:04–38:14]; выдвигает тезис о том, что «главным топливом империи были алчность и жажда власти» [5, 1 серия, 00:37–00:44]; он же высказывает мнение, что «торговля и воровство в масштабе целой империи сделали Британию финансовой столицей мира» [5, 4 серия, 01:26–01:36].

В качестве отрицательных черт империи выделяются работорговля и отношение к рабам: «Владельцы плантаций в Вест-Индии обогащались, используя людей как вьючных животных» [5, 4 серия, 08:00–08:55]. Торговля опиумом и заключение неравноправных договоров с Китаем также упоминаются в негативном ключе [5, 4 серия, 28:55–33:56]. В числе темных сторон империи показана жестокость по отношению к местному населению, в частности, Э. Марр называет Г. Китченера создателем первых в мире концентрационных лагерей [4, 1 серия, 08:26–10:52]. Расправа с лидерами Пасхального восстания в Ирландии [7] преподносится как неоправданно жестокая [4, 3 серия, 33:23–34:26]. В то же время некоторые темные страницы прошлого авторы оправдывают убеждениями государственных деятелей. Так, Великий голод 1845–1849 гг. в Ирландии и эпидемии голода в Индии [8] показаны как чудовищные трагедии, однако фактическое бездействие Великобритании в тех ситуациях с точки зрения создателей фильма [2] отчасти нивелируется тем, что правители страны руководствовались принципами свободной торговли и верой в то, что вмешательство государства лишь усугубит ситуацию [2, 14 серия, 15:35–15:50]. Вера британцев в свою особую миссию несколько раз преподносится в негативном ключе. Д. Паксман показывает британские иллюстрированные журналы начала XX века «Широкий мир» («Wide World»), «Болваны» («Chumps») и др., в которых содержатся проявления откровенного расизма, а также декларируется, что Британия несет знания невежественным народам [5, 3 серия, 37:20–39:34]. Уверенность империи в своей особой миссии демонстрируется на примере Декларации Бальфура [9] и действий британцев в Палестине: «Появилось убеждение, что интересы Британии совпадают с волей Господа»; «…британцы вообразили себя посланниками судьбы» [5, 1 серия, 42:40–46:46].

Хотя описание негативных сторон империи занимает значительную часть хронометража, авторы наделяют положительными каче-

ствами некоторых из деятелей прошлого — как политиков, так и общественников. Наиболее положительно характеризуется Д. Ливингстон [5, 5 серия, 09:45–13:44]. Создание империи обосновывается не только жаждой наживы, но и благими целями: «Британцы верили, что у них есть моральная миссия нести цивилизацию миру» [2, 14 серия, 05:01–06:57; 5, 1 серия, 00:44–00:51].

Процесс распада Британской империи преподносится во всех 4-х фильмах как неоднозначное событие, которое тяжело переживали как сами британцы, так и коренное население колоний. Э. Марр высказывает следующую мысль: «Смириться с потерей статуса и падением престижа на мировой арене — одна из важнейших вещей, что нам пришлось выучить в настоящее время, и отказ от империи положил этому начало» [3, 1 серия, 25:27–25:54]. Вместе с тем, Э. Марр упоминает о том, что для миллионов британцев расставание с империей, которую они создавали и обороняли, было горьким [3, 1 серия, 26:43–]26:55], и, хотя Британии больше не было места среди великих держав, «мы продолжали держаться за свое имперское прошлое» [3, 1 серия, 53:40–53:50]. Д. Паксман представляет иную точку зрения на восприятие распада империи в бывшей метрополии: «Британия теряла интерес к империи и способность ее поддерживать» [5, 5 серия, 51:25–51:35]. Он же говорит: «Британцев перестала заботить империя. Страну после Второй мировой войны интересовало улучшение жизни собственных граждан» [5, 1 серия, 56:00–56:47]. А уже в 1960-х гг. рефлексия об имперском наследии нашла отражение в юморе: «Крушение империи вызвало крах благоговения перед ней в самой Британии». Главным способом осознать потерю империи стали насмешка над ней и высмеивание ее абсурдности [5, 3 серия, 49:55–53:14].

Кроме эмоциональных переживаний, распад империи вызвал и политические последствия. Об этом упоминает Э. Марр: «Получение Индией независимости привело к трагедии — разделению страны и колоссальной миграции» [3, 1 серия, 27:40–28:09]. В самой Великобритании был принят Акт о британском подданстве [10], который вызвал огромный приток мигрантов со всех концов бывшей империи. Это спровоцировало массовые беспорядки на расовой почве, первый из которых случился в 1958 году, и недовольство значительной части населения Соединенного Королевства [3, 3 серия, 28:45–30:48]. Рост недовольства привел к взлету популярности крайне правого политика Э. Пауэлла, получившего известность благодаря своей речи «Реки крови» [3, 3 серия, 30:03–32:48]. Авторы показывают и двойственность восприятия британцами внешней политики в отношении бывших колоний и протекторатов империи. Попытки правительства Э. Идена

проводить политику в отношении Египта старыми, «имперскими» методами, привели к расколу в обществе [3, 2 серия, 06:03–12:15]. Однако, сохранение у Соединенного Королевства амбиций отстаивать свои заморские территории показал Фолклендский конфликт 1982 г., военное разрешение которого правительством М. Тэтчер было встречено в Великобритании с ликованием [3, 4 серия, 27:24–28:09].

Оценки наследия империи в современности в каждом из фильмов несколько отличаются. Так, Д. Паксман говорит о том, что ее положительным наследием в бывших колониях стали «дороги, спорт, религия, архитектура, образование и язык». Из негативного — «кровь, слезы и отчуждение» [5, 5 серия, 52:40–55:40]. Что касается самой Британии, то «империя выковала фундаментальную часть национального характера» [5, 3 серия, 00:08–00:32], миграция из стран Содружества изменила городскую культуру Великобритании [5, 2 серия, 52:00–52:47]. У современной Великобритании остались «имперские привычки», заключающиеся в постоянном участии в конфликтах за рубежом [5, 1 серия, 56:55–57:57]. По мнению Э. Марра, «Британия прошла путь от крупнейшей мировой империи до острова, являющегося домом для людей со всего мира» [5, 5 серия, 58:00–58:15]. С. Шама называет положительным наследием империи закон, язык и либеральную демократию [2, 14 серия, 57:45–57:52]. В то же время автор говорит, что после ухода империи последовали религиозные конфликты, вспышки эпидемий и нищета, но «не во всем этом исключительно наша вина» [2, 14 серия, 56:59–57:34]. Наследие империи в самой Великобритании — союз востока и запада, который стал возможен не в колониях, а на территории бывшей метрополии [2, 14 серия, 57:35–58:11].

Рецепция рассмотренных фильмов зрителями была в целом положительной. Так, оценка фильма «Саймон Шама: История Британии» на сайте IMDb (Internet Movie Database) составляет 8,2 балла из 10 [11], «История современной Британии от Эндрю Марра» оценивается в 8,4 балла [12], «Создание современной Британии от Эндрю Марра» — в 7,9 балла [13], у фильма «Империя» рейтинг составляет 7,4 балла [14]. Обобщая содержательную часть фильмов, отметим, что Британская империя представлена в них как в положительном свете, так и в отрицательном. Хотя демонстрации отрицательных аспектов колониальной системы авторы не избегают, они зачастую сглаживают негативный эффект ремарками. Например, говоря о том, что вспышки голода приобретали широкий размах не в результате злого умысла, а в силу приверженности идеям свободной торговли и невмешательства государства в экономику. Другой пример — расширение империи хотя и приводило к печальным последствиям, но происходило зачастую из бла-

гих побуждений, желания просвещать другие народы. Происходивший после Второй мировой войны распад империи на волне процесса деколонизации также предстает многоаспектным. Хотя получение колониями независимости представлено в положительном тоне, упоминается о трудностях, которые переживали как они сами, так и бывшая метрополия. В целом, создаваемый данными фильмами образ Британской империи можно охарактеризовать как положительный. Во всех четырех фильмах показано, что существование империи принесло пользу как ее колониям, так и самой Великобритании, хотя в имперской истории были и темные пятна.

Литература

1. United Kingdom Independence Party (UKIP) Manifesto, 2015. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ukipdev/pages/1103/attachments/original/1429295050/UKIPManifesto2015.pdf

2. Simon Schama: A History of Britain – The Complete BBC Series [Электронный ресурс]: документальный фильм. 2000–2002. [Б.м.]: 2 Entertain, 2006. Продолжительность: 14:50:00 мин. 6 электрон. опт. дисков (DVD-ROM).

3. Andrew Marr's History of Modern Britain [Электронный ресурс]: документальный фильм, 2007. [Б.м.]: 2 Entertain, 2009. Продолжительность: 04:54:00 мин. 2 электрон. опт. диска (DVD-ROM).

4. Andrew Marr's The Making of Modern Britain [Электронный ресурс] : документальный фильм, 2009. [Б.м.]: 2 Entertain, 2009. Продолжительность: 05:45:00 мин. 2 электрон. опт. диска (DVD-ROM).

5. Empire [Электронный ресурс]: документальный фильм, 2012. [Б.м.]: 2 Entertain, 2012. Продолжительность: 04:50:00 мин. 2 электрон. опт. диска (DVD-ROM).

6. Biswamoy P. The Great Rebellion of 1857 in India: Exploring Transgressions, Contests and Diversities. N.Y., 2010.

7. McGarry F. The Rising: Ireland: Easter 1916. N.Y., 2010.

8. Gray P. Famine and Land in Ireland and India, 1845-1880: James Caird and the Political Economy of Hunger // Historical Journal. Vol. 49. Iss. 1 (March 2006). P. 193–215.

9. Balfour Declaration (November 2nd, 1917) // Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp

10. British Nationality Act 1948 // Legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted

11. Simon Schama: A History of Britain (2000–2002) // IMDb. URL: https://www.imdb.com/title/tt0273359

12. Andrew Marr's History of Modern Britain (2007) // IMDb. URL: https://www.imdb.com/title/tt1047142

13. Andrew Marr's The Making of Modern Britain (2009) // IMDb. URL: https://www.imdb.com/title/tt1632699

14. Empire (2012) // IMDb. URL: https://www.imdb.com/title/tt1996620

Х.М. Турьинская

От самоуправления к «национальному социализму»: Танганьика и «Год Африки»

В 1960 г. большая группа африканских стран, главным образом в западной и центральной частях континента, обрела суверенную государственность. 1960-й был назван «Годом Африки». В 2020-й юбилейный год, который оказался также очередной вехой повторяющихся циклов кризиса мировой системы капитализма, обостряется обстановка и на периферии глобальной экономики. Очевидна неспособность буржуазных элит адекватно решать текущие проблемы, обеспечить безопасность, здоровье и благосостояние большинства граждан. Наступившую глобальную рецессию усугубила так называемая пандемия коронавируса, что дополнительно обнажило факт отсутствия или критической слабости «социального государства». Африка ожидаемо оказалась менее других регионов подготовленной к подобным экономическим, социальным и гуманитарным потрясениям. Знаковый для Африки год – повод осмыслить сделанный или намеченный 60 лет назад выбор направления развития в тех странах, которые в 1960-м обрели суверенитет либо готовились освободиться от колониальной зависимости. В 1960 г. в подопечной Танганьике вводится частичное внутреннее самоуправление, а Джулиус Ньерере, лидер победившей на выборах партии (ТАНУ), становится главным министром первого правительства африканского большинства. В следующем году территория получает полную автономию, в затем политическую независимость в составе британского Содружества наций; через год Ньерере избирается президентом Танганьики [1, с. 55, 56].

Танганьика, Танзания (результат союза Танганьики и Занзибара в 1964 г.) являет пример африканского социума, выбравшего так называемый третий путь: здесь и идеи борьбы с расизмом и эксплуатацией человека человеком, и антикапитализм, и осторожное отношение к марксизму, и внятно артикулируемый национализм, и провозглашенная в Арушской декларации 1967 г. самобытная модель «африканского социализма» на бесклассовой основе и с опорой на собственные силы [2]. Судьба ньереревской философии и практики уджамаа, танзаний-

ского социализма – показатель движения «с низкого старта». Одна из беднейших стран континента последовала «некапиталистическому» курсу, который обеспечил позитивные результаты не столько в экономике, сколько в общественной сфере, в системе здравоохранения и образования, в развитии инфраструктуры.

С начала 1980-х годов Объединенная Республика Танзания вынуждена была отказаться фактически от «социализма» и – через переходный период – пришла к неолиберальной модели. При этом в тексте действующей конституции сохраняется пункт о приверженности танзанийцев принципам демократии и социализма. Вопрос «что это было?» в отношении танзанийского социализма по-прежнему вызывает споры среди ученых, разделяющих противоположные воззрения. Продолжаются дискуссии о советской концепции социалистической ориентации и о перспективах социализма в условиях рецидивирующего кризиса капитализма, а также о возможности и необходимости «перезагрузки» социализма в Африке. Российские обществоведы либерального направления в девяностых считали танзанийский «кейс» популистско-общинным экспериментом, а Революционную партию – проводника уджамаа, называли «оплотом антиперестроечных сил». И отмечали, что «опыт развивающихся стран второй половины XX в. приводит к предположению, что историческая миссия социализма как способа модернизации/развития, преодоления отсталости/периферийности исчерпана» [3, с. 196, 197, 221, 229].

В начале нулевых советский и российский дипломат, африканист, организатор науки В.Г. Солодовников, рассуждая о Ньерере как теоретике социалистической ориентации, попытался примирить индифферентность к классовому подходу с неприятием капитализма, которые сочетались в воззрениях танзанийского лидера. В цитируемом в статье Солодовникова интервью 1979 г. замбийскому СМИ Ньерере говорил: «Я определяю нашу идеологию как социалистическую. Этим сказано всё. Все мы воевали против капитализма… Моя проблема состоит в том, чтобы приспособить социализм как форму развития в моей стране, и должен ли я для этого выращивать капитализм до тех пор, пока не появится пролетариат, так как в Танзании господствующим классом является не пролетариат, а крестьянство… Мы в своей стране должны построить социализм, опираясь на крестьянство. Мы ничего не хотим наследовать от капитализма». По Ньерере, несправедливость – порождение капитализма. Солодовников в «африканском социализме» Ньерере видел «родного брата “некапиталистического развития” Ленина». От имени советских марксистов автор отмечал, что было бы странным, «если бы мы – марксисты» выступали против «просоциали-

стического выбора» народов колониальных и освободившихся стран и если бы (мы) «защищали капиталистический выбор». Ученый подтвердил свою веру в то, что социализм является наиболее справедливой формой организации общества, и напомнил о всё увеличивающемся разрыве в уровнях экономического благосостояния между богатыми странами капиталистического мира и беднейшими странами. В.Г. Солодовников был уверен, что «западные и наши отечественные противники теории социалистической ориентации слишком поспешили с ее похоронами»; соцориентация будет востребована, поскольку это ответ на «чаяния и надежды миллионов людей в так называемом третьем мире на выход их стран и народов из экономической отсталости и нищеты» [4, с. 22–26].

В 2010-е годы высказывалось мнение, что социалистическая ориентация в качестве теоретической разработки советских ученых описывает в большей степени политику и идеологию, чем экономику и конкретные меры по решению проблем развития освободившихся стран, по преодолению отсталости. Судьба соцориентации как общественного явления в Африке была определена в 80-е и 90-е годы такими факторами как, во-первых, нарастание «экономических трудностей, показавших иллюзорность расчетов на “некапиталистическое развитие”»; во-вторых, распад СССР и мировой социалистической системы, в результате чего страны соцориентации остались «без прежней моральной, политической и экономической поддержки» [5, с. 690].

С оговорками подтверждая «доверие марксистов к социалистической ориентации национально-освободительных движений», востоковед и организатор науки Р.А. Ульяновский, работавший заместителем начальника международного отдела ЦК КПСС в середине 60-х годов, напоминает, что социализм – понятие классовое, политическое. Социализм – не механическое следствие определенных экономических показателей и не сводится к ним. По мнению Ульяновского, без коренных революционных преобразований структуры общества, без приобщения трудящихся к политической власти «национальный социализм», провозглашенный многими лидерами и партиями в странах Азии и Африки, неминуемо вырождается в национал-буржуазный реформизм, эксплуатирующий популярность социалистических идей, тягу народных масс к подлинной социальной справедливости. Вместе с тем автор предупреждает, что вредными для революционной перспективы оказываются попытки руководствоваться исключительно политическими соображениями, пренебрегая нуждами экономического развития, попытки покончить со смешанной экономикой немедленно и

сосредоточить в руках государства все экономические ресурсы [6, с. 7, 8].

В 1970-е годы советские марксисты-ленинцы пытались защитить концепцию соцориентации от нападок критиков справа и слева. Так, по Г.Б. Старушенко, крайне левые «и другие авантюристические элементы, отрицая возможность некапиталистического развития ("это – пустые разговоры"), считают, что в освобождающихся странах путь к социализму лежит только через вооруженную борьбу и создание социалистического государства. А поскольку условия для социалистической революции еще не созрели, получается, что нужно или отложить борьбу за социальное освобождение на неопределенное время, подставив шею под капиталистическое ярмо, или вести нескончаемые войны против империализма…». Но сам же Старушенко заметил, что термин «некапиталистический путь» в работах Ленина не встречался [7, с. 83, 33].

К середине 80-х советские африканисты демонстрировали ещё больше реализма по поводу перспектив социализма в развивающихся странах. Г.Б. Старушенко характеризует социалистическую ориентацию (= «некапиталистический путь развития» = «переходный этап предсоциалистического развития») как начальный этап общественного прогресса в направлении социализма в странах, где народ отвергает капитализм как систему, но условия для социалистической революции и строительства социализма ещё отсутствуют. Идёт ли речь о желательности (пролетарской?) революции для Африки? Для сравнения, события 1974 г. в Эфиопии квалифицировались не как социалистическая, а как «национально-демократическая» революция. Только в Южной Африке, по мнению африканских коммунистов, был возможен переход к социализму непосредственно через социалистическую революцию. Аргумент – наличие здесь сравнительно большой армии пролетариата, возглавляемого ЮАКП. Но и в этом случае не исключался переходный период [8, с. 389]. Середина 80-х в ЮАР – политика апартеида в разгаре, компартия в подполье.

Существовали ли в ОРТ необходимые условия для строительства социализма, могли ли танзанийцы выбрать научный социализм в качестве ориентира? Сам Ньерере отрицал классовую борьбу и подчеркивал, что он не марксист, а в слаборазвитой аграрной Танзании не было ни более или менее значительного пролетариата, ни авангардной партии, тем более не могла идти речь о диктатуре пролетариата. В Танзании («демократическое социалистическое однопартийное государство») правящей была Революционная партия, но в перечне ее целей социалистическая революция не значилась. В период развертывания

социализма в ОРТ, с 1967 г. госконтроль в ключевых отраслях экономики усиливался, однако правительство не форсировало национализацию. Сохранялась многоукладность в экономике; в сельском хозяйстве к началу 80-х существовали единоличные, коллективные/кооперативные (деревни уджамаа), государственные и капиталистические, главным образом иностранные, формы. К 1984 г. доля госсектора в ВВП оценивалась лишь в 24 %. В сельском хозяйстве было занято 83% населения страны. При социализме земля в Танзании находилась в госсобственности [9, с. 434, 436].

Политолог-африканист Джон Сол оценивал экономические меры, проводимые правительством Ньерере, как сравнительно мягкие социально-демократические. Недоверчивость Мвалиму к идеям марксизма и классовой борьбы в известной мере объяснялась его религиозными убеждениями [10, p. 1395]. Подобная связь прослеживается и у танзанийских историков. Так, Х. Мапунда в книге «История борьбы африканца» (1976, на яз. суахили) пишет, что методологической базой его работы является «научный социализм», но принимает его с оговорками, например, в вопросе об отношении к религии [11, с. 200]. Но Ньерере был настроен скептически и по поводу «благих намерений» Запада в отношении Африки и критиковал капитализм вплоть до своей смерти в 1999 г. Джон Сол считает, что глобальный капитализм показал свою непродуктивность в социально-экономической трансформации в Африке; за продолжающийся на континенте кризис африканцы платят всё более высокую цену [10, p. 1395, 1396]. Вообще, Сол призывает не путать социализм в Африке с африканским социализмом (ср., напр., мозамбикскую модель с танзанийской) [12].

Могло бы движение развивающихся стран к социализму быть в полной мере поддержано Советским Союзом? С начала 60-х годов освободившиеся африканские государства нуждались в идеологической поддержке со стороны «уже состоявшихся» соцстран. Как раз в то время, в послесталинский период, советскую науку начали упрекать в ревизионизме, в искажении марксизма. Первое в мире социалистическое государство – Союз ССР сам оказался на пути к реставрации буржуазного строя, что и наступило в 1991 г. Тем не менее СССР в меру возможностей помогал странам соцориентации. Так, технико-экономическое сотрудничество Танзании и Советского Союза осуществлялось на основе соглашения 1966 г., в соответствии с которым ОРТ получила долгосрочный заем на льготных условиях. Страны взаимодействовали по линии торговли, геологоразведки, строительства, а также здравоохранения, образования, культуры. Отношения между ОРТ и СССР традиционно носили дружественный характер [1, с. 72].

Танзания продолжала сотрудничество и с коммунистическим Китаем. Всё это – на фоне идеологического противостояния Москвы и Пекина, которое не могло не сказываться на африканской политике и экономике.

В африканских событиях рубежа 50–60-х годов нельзя недооценивать фактор СССР как мировой державы. При предоставлении независимости Танганьике ее «опекуны» серьезно и небезосновательно опасались перехода молодого суверенного государства в орбиту влияния Советского Союза. Британия стремилась и в постколониальный период сохранить позиции в своих бывших владениях в Восточной Африке, возложив надежды на лояльность Ньерере. Губернатор Ричард Тернбулл прямо заявлял, что для Британии жизненно важно использовать Ньерере, пока он «в силе»; «если мы будем слишком долго ждать, его сместят экстремисты» [13, p. 192]. Метрополия беспокоилась о будущем зависимых территорий, о судьбе иностранного бизнеса, об участи белых поселенцев и «азиатов» (индийцев, арабов) с их имуществом и землей, экспроприированной у африканцев.

Но сначала британцы пытались отсрочить освобождение своих владений. По плану от января 1959 г. введение ответственного правительства (responsible government) в Танганьике намечалось на 1963–1964 гг., а предоставление независимости – на 1970 г. Однако обстановка в британских владениях в Центральной и Восточной Африке была напряженной, как и в самой Британии. Администрация вынуждена была отказаться от градуализма в отношении зависимых территорий, понимая, что у нее не остаётся времени на подготовку местных управленческих кадров для постепенной передачи власти африканцам. Британцы начали готовить транзит в пользу сравнительно умеренной националистической силы – массовой «всеохватной» партии ТАНУ и ее лидера Джулиуса Ньерере, которые требовали ускорить процессы деколонизации. По итогам выборов сентября 1960 г. в Законодательный совет (ТАНУ получил 70 мест из 71), Ньерере уже в октябре сформировал первый кабинет министров.

В противовес правительственному плану развития Танганьики на 1961–64 гг., в котором предлагалось расширять использование капиталистических методов в экономике, исполком ТАНУ в июле 1960 г., то есть за несколько месяцев до введения внутреннего самоуправления, заявил о несогласии с курсом на капитализм и о поддержке принципа «африканского демократического социализма» на основе «кооперативной модели». Историк Танзании Джон Айлифе полагал, что Ньерере был движим христианскими и социалистическими идеями, когда выражал обеспокоенность по поводу бедности, неграмотности, болез-

ней, царящих в отсталых районах страны, откуда он сам родом. «Год Африки» для танганьикцев стал еще и временем тяжелых испытаний: в центральных и северных областях не прошли сезонные дожди и разразился сильнейший голод, с последствиями которого пришлось справляться и в следующем году. А именно в 1961-м борьба за свободу (Uhuru) завершилась провозглашением независимости Танганьики [14, p. 564, 566, 575, 576].

Осмысляя свой опыт пребывания на посту губернатора Танганьики с 1949 по 1958 г., Эдвард Твайнинг, предшественник Тернбулла, в 1959 г. высказывал предположение, согласно которому «вестминстерская парламентская демократия» не обязательно окажется настолько подходящей для африканских территорий, что ее следует слепо копировать. Политические изменения в африканских социумах должны идти «снизу», «от корней»: Твайнинг имел в виду племенные системы и традиционную власть вождей. Но не все английские администраторы поддерживали идею опоры на племенных вождей в Танганьике, считая племенные структуры нерелевантными в изменившихся условиях и отстаивая необходимость формирования нового слоя современных управленцев на местном уровне [15, p. 82].

В ноябре 1961 г. Твайнинг, выступая в Палате лордов, отозвался о Ньерере как о признанном национальном лидере, добром христианине, человеке высоких принципов и проч., одним из достижений которого стало сохранение племенной системы. Даже будучи, по выражению экс-губернатора, пламенным националистом, Ньерере был готов подчинить Танганьику интересам будущей Федерации Восточной Африки, которая включала бы также Кению и Уганду. И снова Твайнинг не настаивал на «рабском следовании» вестминстерской модели в Танганьике, поскольку «люди хотят» развивать свои собственные институты парламентаризма, соответствующие конкретной обстановке [16, p. 732-758]. По некоторым вопросам Джулиус Ньерере «послушал» бывших хозяев Танганьики и «сделал наоборот». Так, в первые же годы независимости были ликвидированы племенные территориальные единицы наряду с институтом вождей, который поддерживался британской администрацией. В 1963 г. правительство молодого суверенного государства приняло декрет о лишении племенных вождей всякой административной власти в целях предупреждения трайбализма и сепаратизма. «Обнуление» племенного вопроса было одним из пунктов национальной политики Ньерере.

По вестминстерской модели Ньерере был, наоборот, солидарен с британцами. Легальная оппозиция ни до, ни после достижения независимости действительно не играла заметной роли в политической жиз-

ни страны. Президент Танганьики «с полным основанием мог заявить о том, что народ отверг многопартийную систему “вестминстерского образца” и свободно высказался за однопартийную систему… Принятое в 1963 г. решение о признании ТАНУ единственной политической партией лишь закрепило ее фактическое положение» [17, с. 161, 162]. В последующие годы шло укрепление власти ТАНУ и ее наследницы – Революционной партии, которая направляла Танзанию к «африканскому социализму». Таким образом, 1960-й, «Год Африки», стал не только знаковым на пути Танганьики к суверенной государственности, но и годом, когда были декларированы идея отрицания капитализма и требование перехода к социализму, пусть и в его неортодоксальной, национальной, африканской версии.

Литература

1. Шлёнская С.М. Объединённая Республика Танзания. М., 2014.
2. The Arusha Declaration and TANU`s Policy on Socialism and Self-Reliance. Dar-es-Salaam, 1967.
3. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
4. Солодовников В.Г. Джулиус Ньерере – теоретик социалистической ориентации // Джулиус Ньерере: гуманист, политик, мыслитель. М., 2002.
5. Потёмкин Ю.В. Социалистическая ориентация // Африка: Энциклопедия. М., 2010. Т. 2.
6. Ульяновский Р. Предисловие // Государство социалистической ориентации. М., 1975.
7. Старушенко Г.Б. Социалистическая ориентация в развивающихся странах. М., 1977.
8. Старушенко Г.Б. Социалистическая ориентация // Африка: Энц. справочник. М., 1986. Т. 2.
9. Танзания // Африка: Энц. справочник. М., 1986. Т. 2.
10. Saul J. S. Socialism in Postcolonial Africa // Encyclopedia of African History. K. Shillington, ed. N.Y., L., 2005.
11. Историческая наука в странах Африки. М., 1979.
12. Saul J. S. Tanzania Fifty Years on (1961–2011): Rethinking Ujamaa, Nyerere and Socialism in Africa // Review of African Political Economy. Vol. 39, No. 131, 2012.
13. Platteau J.-P. Redistributive Pressures in Sub-Saharan Africa: Causes, Consequences, and Coping Strategies // Africa's Development in Historical Perspective. Cambridge, 2014.
14. Iliffe J. A Modern History of Tanganyika. Cambridge, 1979.

15. Hunter E. Political Thought and the Public Sphere in Tanzania: Freedom, Democracy and Citizenship in the Era of Decolonization. Cambridge, 2015.
16. Tanganyika Independence Bill HL Deb. 16, Nov. 1961. Vol. 235.
17. Государство социалистической ориентации. М., 1975.

П.В. Ульянов, Ф.Р. Лебаев

«Великая война»: образ Первой мировой войны в британском документальном кино

Первая мировая война во многих странах Европы вошла в историю как «Великая война», образ которой уже после окончания конфликта был подвергнут «ревизионизму». В современной исторической науке накопилось множество точек зрения и интерпретаций Первой мировой войны, роли в ней государств и личностей, гипотез происхождения вооруженного конфликта, что зачастую приводит к различным дискуссиям, в которых ученые-историки поднимают новые вопросы. В исторических исследованиях ее значимость заключена в том, что до начала XX века страны Европы не знали войн, в которых были задействованы столь огромные людские, информационные и материально-технологические ресурсы и которые носили широкомасштабный и «тотальный» характер. Предшествующие события не отличались и искусным применением средств пропаганды в широких масштабах. Американский ученый Г.Д. Ласвель (Лассуэлл) в своей диссертации подчеркивал, что современная война ведется на трех фронтах: «военный нажим» (действия сухопутными и морскими силами), «экономический нажим» (учинение препятствий к увеличению противником своих ресурсов) и пропаганда (непосредственное применение внушения) [1, с. 28]. Поэтому на протяжении Первой мировой войны, как впоследствии и Второй мировой войны, важную роль играл информационный фронт, на котором страны-участницы стремились побудить собственное население к борьбе с «врагом» и оказать информационное воздействие на войска неприятеля и войска союзников.

Как отмечено выше, во многих странах Европы Первая мировая война имела образ «Великой войны» и воспринималась двояко. С одной стороны, в начале военного конфликта был резкий рост уровня патриотической активности населения, сопровождавшийся романтическими представлениями о ней. С другой стороны, во время вооруженного конфликта на волне массовых потерь, материально-технологического истощения и затянувшегося военного конфликта у населения неоднократно вставал вопрос о смысле и значении для стра-

ны «Великой войны». Соответственно, ее образ менялся под влиянием объективных факторов образами «бойни» и «мясорубки», в частности из-за введения всеобщей воинской обязанности и системы нормирования продуктов питания. Зачастую это проявлялось в межвоенный период, когда о «Великой войне» вспоминали с целью почтить память о ее жертвах. Интерес к ней как к историческому событию проявился только после окончания Второй мировой войны, когда «Великая война» получила наименование «Первая мировая» и воспринималась в контексте Второй.

Данная тенденция была свойственна Великобритании. Именно в ней с целью сохранить историческую память о войне, о людях, которые погибли на ней, защищая Великобританию и Британскую империю, о духе единства британской нации и о самопожертвовании правительство и общественные организации предпринимали различные шаги к увековечиванию памяти. Но долгое время не затрагивались вопросы о том, что это была за война и почему она произошла, несмотря на издания исторических трудов и беллетристической литературы. И вот, в конце XX века британский кинематограф обратился к этому глобальному историческому событию с целью «возродить» образ «Великой войны» и сформировать целостное представление о ней в массовом сознании.

В связи с этим в статье рассматривается развитие образа Первой мировой («Великой») войны в Великобритании. Авторы ставят целью выявить особенности формируемых представлений об этой войне в контексте национального варианта политики памяти. В качестве материала авторами взяты произведения британского документального кино (фильмы, мини-сериалы) некоторых компаний, в частности BBC, WAG TV Ltd., которые получали поддержку государства, общественных организаций и объединений.

Почему выбран документальный кинематограф? Документалистика как вид кино выполняет несколько задач, направленных на формирование целостного представления о процессе, событии или человеке. Наряду с обучением и просвещением, исследованием и публикацией редких видеоматериалов, в документалистике присутствует пропаганда, в качестве деятельности по распространению и популяризации различных идей, взглядов, точек зрения. Документальное кино, как и игровое, зачастую направлено на формирование определенной точки зрения при помощи убеждения, фактов и даже мифов. Британское документальное кино в этом плане соответствует своей главной цели — показать роль Великобритании в Первой мировой войне, рассказав при этом о военном конфликте, о событиях и участниках, в общем осве-

тить широкий круг вопросов, что сложно сделать в игровом кино. Можно сказать, что в контексте проведения национального варианта политики памяти с целью формирования представлений о Первой мировой («Великой») войне британский документальный кинематограф достиг поставленной цели.

Если обращаться к истории кино в Великобритании, то документальный кинематограф берет начало со времен Первой мировой войны, хотя в то время корреспондентов старались не пускать на передовую в условиях установленной цензуры британским бюро прессы и в целях предотвращения попадания информации в руки неприятеля [2, с. 129–130]. И все же фильмы в условиях войны снимали. Первым фильмом, который по структуре был близок к документальному жанру, стала кинолента «Битва на Сомме» («The Battle of the Somme») 1916 года. Снятая военными корреспондентами «окопная жизнь» солдат должна была привлечь внимание населения. Но по сообщениям газеты “The Times” от 22 августа 1916 года, фильм привел к обратному результату: многочисленная аудитория заинтересовалась реалиями войны, но мнение о ней сложилось неоднозначное, так как часть населения не понимала, за что воюют и страдают солдаты [3, p. 3].

После окончания Первой мировой войны многие британские историки, в частности, Дж. Гуч [4], Г. Никольсон [5], Р. Ситон-Уотсон [6], обратились к Первой мировой войне, чтобы определить ее причины и степень влияния на общество страны. Развитие документального кино на время прервалось, так как после войны, несмотря на развитие игрового кино, многим ее участникам и очевидцам было тяжело смотреть на недавно прошедшие события. Первая мировая война привела к появлению не только такой болезни как «окопный синдром», но и группы людей «потерянного поколения 1914 года». К данному событию обратились лишь после Второй мировой войны, чтобы выявить особенности влияния войны 1914–1918 годов на массовое сознание и на политическую ситуацию в мире под влиянием событий 1939–1945 годов. Британские историки Дж. Джолл [7] и Б. Лиддел Гарт [8] считали, что ответственность за разжигание двух Мировых войн лежит на Германии.

В 90-е годы XX века возрождается интерес к истории Первой мировой войны, и с развитием киноиндустрии документальное кино становится широко распространенным способом формирования определенных представлений.

Наиболее целостная картина событий начала XX века была отражена в снятом при поддержке Британского музея военной истории мини-сериале из 8 серий компании BBC «Первая мировая война»

(“1914–18”) 1996 года, продюсера и режиссера А. Мизраи. В данной картине был представлен амбивалентный образ войны. С одной стороны, она показана в образе «Великой войны», во время которой был высокий рост патриотической активности населения Великобритании, Германии, Франции и России под влиянием романтических представлений о войне [9, p. 81-99]. С другой стороны, в фильме авторы приписывают ей черты войны «тотальной» и «империалистической», участники которой не имели представления, за что они сражаются. Данная тенденция свидетельствует о противоречивости авторских подходов к формированию образа Первой мировой войны. За счет рассекреченных кадров военной хроники, пролежавших в архивах Великобритании около 70 лет, на которых показаны искалеченные физически и психологически солдаты, создатели подчеркивают, что вооруженный конфликт имел множество негативных последствий для страны и ее населения, несмотря на сохранение Британской империи. Кроме того, по мнению создателей мини-сериала «1914–18», война носит неопределенный характер. Разумеется, она имеет огромное значение в истории Великобритании, как переломное событие, во многом оказавшее влияние на ее послевоенное политическое, социально-экономическое развитие, и как памятная дата.

Следующий документальный фильм (мини-сериал из 8 серий), который заслуживает особого внимания — это «Первая Мировая война в цвете» (“World War I in Colour”) режиссера Дж. Мартина 2003 года. В нем впервые, как заявляют создатели, представлены воспоминания ветеранов Первой мировой войны 1890-х годов рождения. Все эти представители «потерянного поколения 1914 года», рассказывают современникам о непростом и противоречивом, по их мнению, событии начала XX века. Сама же Мировая война в начале первой серии под названием «Катастрофа» ассоциируется со словами «резня», «новые технологии», «ужас», «свержение режимов», «победы», «поражения», «зеленые поля», «коричневая грязь», «яркое пламя». Все это свидетельствует о том, что образ войны будет носить отрицательный оттенок. И на протяжении всего мини-сериала можно увидеть, что в большей степени создатели стремятся донести до зрителя образ «мировой бойни», в которой Великобритания потеряла множество людей, тем самым «возрождая» коллективную память о глобальном событии XX века с целью предостеречь потомков от возникновения подобного военного конфликта в будущем.

Еще один фильм, который можно привести в качестве примера, также имеет особую значимость: «Шкала времени. Первый блицкриг» (“Time Watch. The First Blitz”) 2006 года, снятый при поддержке Им-

перского военного музея в Лондоне компанией BBC продюсером и режиссером Дж.Х. Фишером. Как и в предыдущем, в нем представлены воспоминания «детей войны», которые также стали представителями «потерянного поколения 1914 года». С помощью представленных археологических исследований, архивных материалов и компьютерной графики в фильме показаны события первой воздушной битвы, связанной с гибелью мирного населения во время воздушных бомбардировок Лондона немецкими цеппелинами (дирижаблями). Изучая влияние частных случаев на повседневную жизнь Великобритании, создатели преподносят образ Первой мировой войны как войны «ужасной», в которой страдали мирные жители, и даже фильм начинается с демонстрации мемориального памятника в парке лондонского Ист-Энда, на котором написаны имена восемнадцати детей, погибших в годы Первой мировой в результате бомбардировок. Данный фильм, как и предыдущий, ставит целью «возродить» коллективную память о войне как об «ужасном» событии.

Помимо сохранения исторической памяти о событиях и участниках, в британском документальном кино не забывают и о важных помощниках человека на войне — лошадях. Под влиянием художественного фильма американского режиссера С. Спилберга «Боевой конь» в 2012 году вышел фильм «Боевой конь. Реальная история» (“War Horse. Real Story”) режиссера Дж. Паглиеро. Главный тезис фильма заключается в том, чтобы наряду с памятью о подвигах людей сохранить память о «подвигах лошадей», внесших вклад в победу Великобритании в «Великой войне», хотя создатели «реанимируют» данный образ Первой мировой, но не делают на нем акцента. В целом можно увидеть, что представления о войне носят неоднозначный характер.

В год столетия начала Первой мировой войны были сняты два фильма (мини-сериала). Фильм «37 дней до войны» (“37 Days”) режиссера Дж. Харди снят в игровой форме, но с чертами документального кино. В нем рассказывается о кулуарных политических интригах последних мирных недель перед началом Первой мировой («Великой») войны на европейском континенте. Образ военного конфликта носит нейтральный характер из-за попытки создателей показать «миротворческую» деятельность министра иностранных дел сэра Э. Грея по предотвращению войны. Сама война представлена неизбежным событием, произошедшим в результате столкновения интересов европейских держав. Более конкретный образ войны представлен в фильме «Длинные тени Первой мировой войны» (“Long Shadow”) режиссера Р. Барнса. В нем английский историк Д. Рейнольдс путешествует по европейским странам, чтобы определить степень влияния Первой миро-

вой войны на эти страны и на их развитие за последние сто лет. В данном фильме Д. Рейнольдс тесно связал Первую мировую войну со Второй и рассматривает ее в контексте последней, продвигая точку зрения о том, что Вторая мировая является продолжением Первой. Именно поэтому в фильме нет упоминания о том, что война 1914–1918 годов носит образ «Великой войны» и представляется трагедией в истории Великобритании, оказавшей сильное влияние на сознание людей, ставших представителями «потерянного поколения XX века».

За последние три года деятели британской документалистики поставили целью ответить на вопрос о том, что представляла собой Первая мировая война. И в мини-сериале «Первая мировая война в цифрах» (“The Great War in Numbers”) 2017 года режиссера Я. Левисона попытались сделать это. «Совсем другой мир и совсем другая война» — слоган снятого компанией WAG TV Ltd. в рамках клиометрии, с приведением количественно-качественных показателей истории Первой мировой войны и осуществлением «цифровой» реконструкции фрагментов прошлого. Образ войны неоднозначен. Первая мировая война, хотя в названии фигурирует определение «Великая», показана «кровавой бойней», «ужасной мясорубкой», «тотальной войной», фактически представлена в негативном оттенке. Но сами создатели считают «Великую войну» явлением закономерным, делая акцент на политике милитаризации Германии и кайзера Вильгельма II, а также на деятельность Великобритании и ее союзников в борьбе с Германской империей как с «военной машиной» в Европе.

Последнее документальное кино, которое следует выделить, преподносит Первую мировую войну в образе «Великой войны» по своему масштабу и многосторонним аспектам солдатской жизни. Фильм американского режиссера П. Джексона «Они никогда не станут старше» (“They Shall Not Grow Old”) 2018 года производства посвящен его дедушке, сержанту У. Джексону, служившему в британской армии с 1910 по 1919 годы. На основе воспоминаний британских солдат и отраженных в них представлениях о военном конфликте отчетливо можно проследить изменение представлений от положительного образа «Великой войны», ассоциируемой с почетной службой своей стране и выполнением долга перед ней, до отрицательного образа «бойни», в которой не было ничего лицеприятного.

Подводя итоги, следует заметить, что практически во всех документальных фильмах нет устойчивого представления о Первой мировой войне, как например, было в СССР (образ «империалистической войны»). В качестве особенностей образа можно выделить его амбивалентный, дихотомический и стереотипизированный характер. Послед-

няя особенность проявляется в том, что в истории Великобритании Первая мировая сохранила за собой образ или клише «Великой войны» [10, p. 12–42], но с позиции методологического монизма (преобладания одного подхода) она не рассматривается. Из этого стоит сделать вывод, что британский вариант политики памяти предполагает сохранение исторической памяти о войне, причем в различных интерпретациях. В какой-то степени это свойственно политической системе Великобритании, в которой нет утвержденных интерпретаций исторических событий как доминирующих.

Литература

1. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М., 1929.
2. Селиверстов Д.М. Становление кинопропаганды в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского госуниверситета. 2015. №3. С. 129–131.
3. War's Realities on the Cinema // The Times. 1916. No. 24. 22 August.
4. Gooch J. Before the War. Studies in Diplomacy. N.Y., 1936.
5. Nicolson G. Sir Arthur Nicolson, 1st Baron Carnock. L., 1930.
6. Seton-Watson R. Sarajevo. A Study in the Origins of the Great War. L., 1926.
7. Джолл Дж. Истоки Первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998.
8. Лиддел Гарт Б. История Первой мировой войны. М., 2014.
9. Keegan J. The First World War. L., 2014.
10. Marwick A. War and Social Change in the Twentieth Century: a Comparative Study of Britain, France, Germany and Russia and the United States. N.Y., 1974.

Обсуждение в Интернете

Никита Самойлов
29 апреля 2020 в 18:04

Спасибо за интересную статью! Хотелось бы узнать следующее: в боях вместе с британскими солдатами участвовали разнообразные в этническом и религиозном отношении дивизии из различных частей Британской империи – из Индии, Ирландии, Австралии, Канады и т.д. Упоминается ли в представленных фильмах их вклад в победу?

Ольга Аршинцева

14 мая 2020 в 14:19

Очень интересный обзор. Однако поддерживаю предыдущий комментарий по поводу того, что войну вела не просто Великобритания, а Британская империя. Этот сюжет «За империю!» нашел отражение и в документалистике на завершающем этапе войны. Не в последнюю очередь мировой характер войны обусловлен был масштабом боевых действий, не только европейским, но и другими фронтами, на которых именно британское присутствие было определяющим. И частный вопрос по поводу заключительного тезиса — что это за особенность политической системы, о которой там говорится?

Ю.Н. Цыряпкина
«Эпоха социализма» в исторической памяти населения в контексте идей нациестроительства в постсоветском Узбекистане

В 2021 году исполнится 30 лет после распада Советского Союза, эта символическая дата подталкивает к новому переосмыслению недавнего прошлого и его отражения в исторической памяти жителей бывших советских республик. В странах Европы после распада социалистической системы началось систематическое изучение событий периода социализма и памяти об ушедшей эпохе в республиках, ранее входивших в так называемый коммунистический блок. Связано это в большой степени с перепрофилированием огромного штата советологов, вынужденных после завершения «холодной войны» искать новую «оптику» для своих научных исследований и экспертного анализа. Одним из плодотворных направлений стало изучение памяти (в рамках Memory Studies) о социализме, связанных с этой эпохой ностальгии и травмы на материале стран Восточной Европы и Прибалтики [1].

В современной России советский период истории является предметом повышенного общественного и научного интереса. При этом академическое осмысление феномена социализма, памяти об этом периоде, интерпретации нарратива о ностальгии по ушедшей эпохе не успевает за востребованностью символов советской эпохи в российской повседневности. Неослабевающая общественная рефлексия советского прошлого в 1990-е — 2000-е гг. привела к появлению целого культурного пласта, в рамках которого осмысливается период социализма (имеются в виду такие проекты, как «Намедни» Л. Парфенова, документальные циклы, посвященные советской истории и др.). В культурно-туристической сфере память об эпохе социализма в России

успешно коммерциализируется и монетизируется, особенно в рамках «парадного» варианта ностальгии по СССР.

Во всех публикациях, в которых так или иначе затрагивается отношение к советскому прошлому в России, огромный акцент делается на осмысление феномена ностальгии по советским временам, которая присуща российскому обществу [2; 3]. Часть экспертов сходится во мнении, что в России не удается создать дистанцию с советским прошлым, соответственно, не представлено объективное и всестороннее рассмотрение многих исторических процессов [4; 5]. Это приводит к излишней эмоциональности российского дискурса в исторических оценках советского периода.

В центральноазиатских республиках после распада СССР стала формироваться актуальная для постсоветского общества политика памяти. Ее повестка была связана с процессом укрепления идей национальной независимости. В республиках региона с самого начала был выбран вариант политики памяти, направленный на забывание советского, что позволяло суверенным государствам дистанцироваться от России и советского наследия. Один из вариантов символического абстрагирования от наследия Российской империи и СССР продемонстрировала национальная идеология суверенного Узбекистана.

После провозглашения независимости правительство Узбекистана берет курс на суверенизацию общественно-политической жизни. В республике строится узбекское национальное государство, базирующееся на идее ядра узбекского этноса, его истории, культуры и языка, при этом в Конституции Республики Узбекистан подчеркивается равенство всех граждан вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности (ст. 18).

Для легитимации идей независимости, которые легли в основу национальной идеологии первого президента И.А. Каримова, стала формироваться коллективная идентичность и целенаправленная политика памяти [4, с. 42]. Одним из неоспоримых элементов национальной идеологии Узбекистана считалась официальная жесткая критика имперской политики в регионе, а также отдельных мероприятий советского руководства (к примеру, критика репрессивной политики СССР воплотилась в основании Музея памяти жертв репрессий в 2008 г. в Ташкенте). По мнению российского антрополога С.Н. Абашина, Узбекистан в период нахождения у власти первого президента И.А. Каримова в этом вопросе занимал наиболее последовательную позицию среди республик региона. Это выражалось в десоветизации, десимволизации городского пространства, а именно переименовании улиц и

площадей, из публичной жизни вытеснялись советские праздники и др. [5].

В обновленной версии прошлого акцентировалось внимание на «теме страдания» в имперский период в Туркестане, что четко прослеживалось в публикациях отдельных узбекских авторов [7]. В 2010-е годы в исторических трудах узбекских исследователей смягчаются оценки периода вхождения Центральной Азии в состав Российской империи, наметилась тенденция признания многих позитивных для коренных народов последствий как имперского, так и советского периода истории региона [8, с. 7]. С избранием президента Ш.М. Мирзиёева в конце 2016 г. политика памяти в Узбекистане постепенно трансформируется и смягчается, особенно в отношении памяти о Великой отечественной войне.

Зафиксировав основные тенденции в формировании политики памяти как одного из средств построения новой национальной идентичности в Узбекистане, автор статьи основной задачей выделяет выявление альтернативного взгляда на память о социализме на микроуровне, а именно на основе воспоминаний старожилов о своей жизни в городской среде Узбекистана в советский период. Статья написана на основе привлечения воспоминаний респондентов из г. Ангрен Ташкентской области, находящегося примерно в 100 км от столицы Республики Узбекистан — г. Ташкент, в Ахангаранской долине между Чаткальским и Кураминским хребтами Тянь-Шаня в пойме одноименной реки.

Воспоминания русскоязычных респондентов о городе в советское время собирались в 2012–2015 гг. в рамках исследовательской программы автора, посвященной изучению этнокультурных особенностей «русских» в постсоветском Узбекистане. «Русские» / русскоязычные (в Узбекистане в повседневной жизни их чаще всего называют «европейцами». — Ю.Н.) — это некоренные этнические группы региона, к которым относятся кроме русских татары, корейцы, немцы, евреи и др. Это особый тип социокультурной идентичности, узбеки, таджики и другие этнические группы также могут разделять ее посредством приобщения к европейским ценностям через знание русского языка.

Необходимо пояснить, что Ангрен является конечным городом Ташкентской области на пути в Ферганскую долину. Его возникновение связано с открытием в 1933 г. залежей бурого угля во время всестороннего изучения и освоения природных ископаемых Средней Азии. Разведывательные работы в долине р. Ангрен начались в 1940 г., а через год полным ходом развернулось строительство рудника «Ангренуголь», возле которого сформировался поселок «Ангреншахтострой» [9, с. 110–111]. Архивные документы свидетельствуют, что

разведывательными операциями накануне войны в 1941 г. в Ахангаранской долине руководили лично секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин и заместитель председателя СНК Союза ССР Л.П. Берия [10, л. 63]. В преддверии войны руководство СССР убыстряло темпы индустриализации Средней Азии и Казахстана, активно занималось освоением новых залежей полезных ископаемых, чтобы превратить регион в самостоятельный народно-хозяйственный комплекс. На всех этапах индустриализации региона ощущалась острая потребность в угле.

В 1946 г. Ангрен был преобразован в город областного подчинения, который объявили народной стройкой. К началу 1980-х годов Ангрен превратился из шахтерского города в индустриальный центр с обеспеченной социальной инфраструктурой, быстро застраивающимися микрорайонами. В 1990-е годы произошло разрушение промышленной базы Ангрена в большей степени из-за разрыва народохозяйственных связей центра (Москвы) и союзных республик. В постсоветский период город заселяется жителями из близлежащих населенных пунктов, приезжих из городов и кишлаков Ферганской долины.

Какие элементы прошлого чаще всего вспоминали старожилы Ангрена о советском периоде? Ответы респондентов удивили тем, что в первую очередь упоминали ту городскую атмосферу, которая была сформирована в советское время и после этого акцент делался на существовавших бытовых условиях.

Воспоминания о городе записывались автором статьи в период с 2012 по 2015 год, во время президентства И.А. Каримова, в городе уже ощущались первые положительные изменения в связи с введением Свободной экономической зоны в Ангрене, но не все коммунальные проблемы удалось решить. В указанный период было записано около 27 интервью с русскоязычными жителями Ангрена, среди них большая часть проживала в городе в советское время.

В воспоминаниях старожилов можно выделить несколько общих нарративов, связанных с социально-экономическим развитием города, а также социокультурной ситуацией.

Развитая городская инфраструктура, бытовые условия в Ангрене в советское время и уровень жизни были выше, чем в небольших городах и сельской местности РСФСР и других союзных республик. Респондент Р. переехал в Ангрен в 1983 г. из Вакульевского района Курганской области, очень эмоционально описал свои ощущения во время первого посещения Узбекистана: *«Когда я первый раз приехал в Узбекистан я подумал, что попал за границу. До этого я был в Прибалтике, в Волгограде, Москве, Ленинграде… И я действительно поразился, насколько народ хорошо тут жил, насколько люди были здесь*

празднично одетые, веселые, ну Восток всегда любит яркую одежду, блестящую. Это не то что там грязные фуфайки, кирзовые сапоги, шапки-ушанки и вечно пьяные мужики. Когда я приехал в Ангрен, тут контраст еще больше. Тут рядом янгиабадские рудники, там было московское обеспечение. В Ангрене обеспечение было в 10 раз лучше, чем в городах Уральской России» [11].

Анализируя биографии ангренских старожилов, необходимо отметить, что они попадали в Ангрен через систему оргнаборов, когда в город отправлялись специалисты необходимых рабоче-технических специальностей (шахтеры, проходчики, водители, инженеры, строители и др.), учителя, воспитатели, медицинские работники, а также приезжали по рекомендации родственников, которые ранее обустроились в Ангрене, так как в таких стремительно строящихся городах можно было быстро получить жилье и работу. Восприятие бытовых условий и новых возможностей в Ангрене в советский период было позитивным, так как в местах исхода респондентов или их родителей условия жизни были хуже и менее перспективны.

В нарративах старожилов города неоднократно упоминались ***советские ценности***. Каждый из респондентов вкладывал свое понимание и приводил свои примеры той атмосферы, которая царила в Ангрене в кварталах, в частном секторе, в соседской микросреде. Советские ценности сводились к идеям интернационализма, дружбы народов, уважения к старшим, идеям подлинного равноправия.

Из интервью респондента А., немец, 38 лет: *«До 1990 г., до распада, конечно, было лучше. Ну как лучше, в то время было все стандартно, у всех есть квартира, у всех есть кружка, у всех есть пиалушка [чашка для чая без ручек полусферической формы. — Ю.Ц.], ну относительно, конечно. Люди были дружные тогда, это сейчас как кошки с собаками. Каждый своим бытом живет»* [12]. Респондент, рассуждая о разобщенности между соседями в своей нынешней микросреде, объясняет это социальным расслоением, свойственным для эпохи постсоциализма.

Из интервью Г., татарка, 32 г.: *«На праздник 9 мая, у нас он называется День памяти и почести, вот, я столкнулась с одним таким старичком-ветераном. И вот это вспоминал, мы же как дружили всеми народами, все было замечательно, никто ничего не делил, общей семьей жили дружно, другие принципы были»* [13]. Российские исследователи склоняются к мысли, что сложившаяся при И. Каримове республиканская идентичность во многом копирует идентичность, характерную для позднесоветской модели национального государства [14]. Она выражается в лозунгах «Узбекистан — страна межнациональной и

религиозной толерантности» и реализуется через мероприятия национально-культурных центров, входящих в Республиканский интернациональный культурный центр. Другими словами, советский интернационализм в несколько модифицированном виде возродился в постсоветском Узбекистане в формуле «Узбекистан — страна толерантности». Однако часть опрошенных респондентов с ностальгией вспоминают именно советский вариант межэтнического диалога.

В интервью И., татарин, 40 лет, на вопрос, какие изменения произошли после распада СССР в городе, ответил так: *«Народ стал злой, малообщительный, каждый стал жить своей жизнью, такого нету, как раньше. Раньше, если гулянки, праздники — народ весь, все вместе, как гуляли, отдыхали, общались. Сейчас такого нету…»* [15]. Респондент И. напрямую связывает изменения коммуникаций в социокультурной среде города после распада СССР с экономическими трудностями, которые свойственны всем республикам в Центральной Азии. Ностальгия по праздникам, отмечавшимся в СССР, затрагивалась не только этим респондентом. Массовые мероприятия во время официальных праздников, которые были свойственны советской эпохе с ее торжественными шествиями и парадами, в постсоветском Узбекистане ограничены по причинам безопасности. Хотя с 2014 г. в столице республики ежегодно проводится шествие «Бессмертного полка» 9 мая в День памяти и почестей. В 2020 г. в честь 75-летней годовщины в победе над фашизмом президент Ш.М. Мирзяёев открыл новый парк Победы в Ташкенте.

Отдельные респонденты отмечают, что культура уважения старших, которая присуща традиционным семьям стала размываться в повседневной жизни, отягощенной сложными социально-экономическими условиями жизни, тяжелой работой. Из интервью И., татарин, 40 л.: «*И.: Такого взаимопонимания среди людей нету и уважения к старшим нету.* ***Ю.Ц.: То есть Вы считаете, что нет уважения к старшим здесь?*** *И.: Практически уже не осталось. Все — нет уважения. Так ведут себя что националы, что европейцы — разницы нету. Уважения к старшим сейчас здесь нету, как раньше здесь было»* [15].

Локализованная история города в воспоминаниях старожилов показывает, что в социальной памяти существует альтернативный взгляд на советский период, в которой отдельные элементы прошлого вспоминаются в позитивном ключе. Один из респондентов заметила, что у коренного населения города часто проскальзывает народная мудрость: «Кажется, жили при коммунизме и не заметили этого» [16].

Другим важным аспектом политики памяти в Узбекистане является ресимволизация знаковых мест городского пространства или десоветизация/декоммунизация пространства. В каждом городе Узбекистана, как и в других республиках Центральной Азии, были переименованы улицы и площади, чьи названия были связаны с советской эпохой. Официальное переименование улиц произошло и в Ангрене, но носило выборочный характер.

Главный проспект города ул. Чикрызова был назван в честь доктора геолого-минералогических наук Григория Степановича Чикрызова, который в 1940 г. руководил геологоразведочной экспедицией, определившей объемы промышленных запасов угля на месте нынешнего города Ангрен. Главная улица города не подвергалась переименованию. Все опрошенные в Ангрене русскоязычные респонденты различных возрастов помнят и знают, что Г.С. Чикрызов является первооткрывателем ангренского месторождения угля.

Остальные улицы города, в основном, переименовали, но при этом жители демонстрируют безразличие к изменению названий улиц. Интересен тот факт, что в Ангрене популярен частный извоз, которым подрабатывает значительная доля мужского населения. Большая часть таксистов в качестве ориентиров использует старые советские городские символы («в доме, где был магазин ГУЛЬНОРА», «паспортный стол у Ангренторга», «квартал 5/3, в доме у Тахира» и др.) и прежние названия улиц. Данный факт указывает на то, что для обывателей Ангрена, вне зависимости от социокультурной идентичности (европейская или национальная), от языка общения и возраста наиболее «рабочими» вариантами остаются прежние советские названия.

Наиболее показательным является пример с переименованием улицы Мариничева, разделяющей кварталы 5/1а и 5/1б и огромное поле, примыкающее к парку в квартале 5/4. Эта улица была переименована еще в 1990-е годы, но все жители до сих пор используют прежнее название. При этом осталось совсем немного старожилов, кто вспомнит, что Федор Мариничев приехал в Ангрен в составе 22 донбасских шахтеров в начале 1940-х гг., возглавлял участок шахты №1. В 1946 г. Ф.И. Мариничев стал председателем исполкома городского Совета народных депутатов [17, с. 54]. Несмотря на переименование улицы, имя Ф.И. Мариничева прочно вписано в городскую среду Ангрена и не поддается «практике забывания».

Вне политики оказалось имя легендарного главного врача первой городской больницы №1 Иосифа Борисовича Флейшмахера, который заложил основы медицинского дела в Ангрене в 1960-е годы. В пост-

советский период возле входа в больницу установлена памятная доска, которая увековечила память заслуженного врача.

Памятники советской эпохи в Ангрене либо демонтируются, как это было в 2015 г. с монументом, установленным в память о героях-ангренцах, погибших в ВОВ [18, с. 197–198], либо селективно забываются, как произошло с памятником одному из первых руководителей Узбекской ССР Ю. Ахунбабаеву, который находился в одноименном парке, постепенно пришел в упадок и в 2017 г. был снесен.

Подводя итог, необходимо отметить, что спустя 29 лет после распада СССР центральноазиатские республики по-прежнему преодолевают наследие советской эпохи. В Узбекистане удалось провести символическую черту между советской эпохой и периодом Мустакиллик (Независимость), дать оценку наиболее одиозным страницам раннесоветского времени (например, репрессиям 1930-х годов). Политика памяти является важным элементом формирования национальной идеологии. При этом в каждом городе существует многоголосая социальная память, память «снизу», свидетельствующая о том, что у старожилов присутствует альтернативный взгляд на недавнее прошлое, которое не всегда совпадает с официальной трактовкой советской истории. По социально-экономическим и культурным аспектам у старожилов прослеживается ностальгия об ушедшем времени, что косвенно указывает на сложности адаптации респондентов к реалиям современной действительности. Адаптация населения к десоветизации пространства, выражающееся в переименовании улиц, происходит крайне медленно. При этом необходимо учитывать, что социальная память исчезает со сменой поколения. Насколько узбекское общество преодолело советское наследие, покажут установки и знания молодого поколения об «эпохе социализма», что требует дальнейшего изучения в рамках комплексных исследований.

Литература

1. Bartmanski D. Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia // Acta Sociologica. 2011. Vol. 10. No.3 (54). P. 71–78.

2. Топоркова О. Россия и Германия: ностальгия по социалистическому прошлому // Современная Европа. 2012. №1. С. 74–85.

3. Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

4. Абашин С.Н. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. №4 (66). С. 37–54.

5. Ушакин С. Отстраивая историю: советское сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. №6 (80). С. 10–16.

6. Абашин С.Н. Узбекистан после СССР // Звезда. 2015. №8. URL: https://magaPIzines.gorky.media/zvezda/2015/8/uzbekistan-posle-sssr.html

7. Исхаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII — начале XX в. Ташкент, 2009.

8. Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент, 2010.

9. История новых городов Узбекистана: Ташкентская область / Отв. ред. Г.Р. Рашидов. Ташкент, 1976.

10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 3096. Л. 63.

11. Полевые материалы автора 2013. Республика Узбекистан, Ангрен. Р., 64 года, татарин, пенсионер, высшее, преподаватель.

12. Полевые материалы автора 2013. Республика Узбекистан, Ангрен. А., немец, 38 лет, средне специальное образование, электрик.

13. Полевые материалы автора 2012. Республика Узбекистан, Ангрен. Г., 32, татарка, высшее, учитель.

14. Даудов А.Х., Алимжанов Б.А., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости // Этнографическое обозрение. 2018. №5. С. 146–161.

15. Полевые материалы автора 2014. Республика Узбекистан, Ангрен. И., татарин, 40 л., водитель, среднее.

16. Полевые материалы автора 2013. Республика Узбекистан, Ангрен. З., 71 год, татарка, пенсионер, средне-специальное образование, медицинский работник.

17. Костецкий В., Убайдуллаев А. Город из легенды. Ангрен, 1996.

18. Галиев А.А. Конструкция и деконструкция Великой отечественной войны в постсоветской Центральной Азии // «Прошлое»: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах. Казань, 2019. С. 194–210.

К.А. Чураков
Память об Александре Македонском: был ли Пирр продолжателем дел Александра?

Античная эпоха привлекает нас прежде всего обилием тех ярких личностей, которые во многом определяли ход истории. Личность Александра Македонского всегда привлекала внимание политиков и полководцев. Многие видные правители пытались подражать Алек-

сандру или, наоборот, принижать его достижения ради самовозвышения. В ряду этой плеяды выдающихся деятелей античного мира, которые подражали Александру, особое место принадлежит Пирру, царю Эпира, небольшого горного государства на севере Греции. Ему удалось не только подражать образу Александра, но и продолжить часть его замыслов. Как справедливо отметил нидерландский исследователь А.Б. Недерлоф, различные факторы — беспокойная юность, бурная карьера, эффектная смерть, героическая и одновременно трагическая судьба, — всё это объясняет, почему Пирр интересовал не только своих современников, но и затем продолжал интересовать потомков [1, p. 295]. За свою недолгую, но очень бурную и насыщенную битвами, войнами и походами жизнь Пирр зарекомендовал себя как блестящий, умелый и бесстрашный полководец. Он был первым и единственным правителем балканского государства, сумевшим победить неоднократно армии Рима и Карфагена. Главной причиной неудач военных кампаний Пирра стали его политическая недальновидность, неразборчивость и склонность к авантюрам.

Значительное количество имеющихся работ носит научно-популярный характер. Но даже относительно тех, которые имеют подлинно научный характер, хотелось бы сказать следующее: рассмотрение целого комплекса вопросов, связанных с деятельностью Пирра, не носит в них системного характера. Всё это не может не вызывать необходимость нового обращения к данной теме.

Цель работы состоит в поиске преемственности между деятельностью Александра и Пирра. Для этого поставлена задача выявить сходства в деятельности правителей и оценить их масштаб.

Среди различных видов исторических источников, вне всякого сомнения, приоритетное значение для нас имеют нарративные источники. Имеющаяся в нашем распоряжении античная историческая традиция представлена двумя группами источников. К первой мы относим труды греческих историков III в. до н.э. (труды Проксена, Гиеронима, Тимея, Филарха). Эта группа источников представляется наиболее правдивой и достоверной, однако, к сожалению, от работ названных историков сохранились лишь отрывочные фрагменты. Вторую группу источников мы предлагаем называть «источниками эпохи римского владычества», объясняя это тем, что некоторые авторы, будучи греками по происхождению, писали на греческом языке, но жили в эпоху римского владычества (порой и в самом Риме), испытали на себе влияние римской анналистики, стояли на проримских позициях. Сюда мы можем отнести как работы римской анналистики (Валерий Анциат, Клавдий Квадр) и следующие ей традиции (Тит Ливий, Флор, Евтро-

пий, Зонара), так и работы известных греческих авторов, писавших на греческом языке, но испытавших на себе значительное римское влияние (Аппиан, Дионисий, Плутарх). Особый интерес вызывает труд Плутарха «Сравнительные жизнеописания» [2]. В нем представлены образы обоих рассматриваемых нами правителей. Для Плутарха Пирр является примером недовольства и жадности, но не к богатству, а к завоеванию. Будучи неспособным заставить себя насладиться своей силой, богатством и успехом, Пирр живет безрассудным и ненасытным желанием большего, что ведет его к постоянной и бессмысленной войне. Александр у Плутарха — философ, он ценит Аристотеля и эллинские традиции, он обаятелен и горд. Но при всех своих положительных качествах македонский царь в силу обстоятельств совершает скверные поступки, которые, однако, по мнению автора, не снижают величия монарха и полководца, «сознательно стремящегося» распространить эллинскую культуру среди «диких и варварских народов Востока». Уже в оценках Плутарха видны различия мотивов в деятельности Александра и Пирра. Первый стремится распространить греческую культуру, а второй ведет войну ради войны.

Как личность Пирра, так и его деятельность были предметом постоянного и устойчивого интереса в зарубежной историографии. Действительно, такая яркая личность античного мира, как царь Пирр, не могла не привлекать внимание историков. В ведущих европейских странах — Франции, Германии, Великобритании, Италии, а затем и в США — на протяжении XIX–XX веков появлялись серьёзные исследования, затрагивающие отдельные аспекты деятельности эпирского царя. Так, для Германии можно назвать работы Р. Шуберта [3], Р. Скалы [4], О. Гамбургера [5], У. фон Хасселя [6]. Для Франции — это работы П. Виллемье [7], П. Левека [8]. В отечественной историографии следует отметить работы С.С. Казарова [9].

Несмотря на то что личность Пирра и в античной исторической традиции, и в современной историографии получила самые противоречивые оценки, все авторы единодушно сходятся в одном: это была одна из величайших личностей античности. По словам английской исследовательницы античности К. Ломас, «Пирр, племянник Александра Великого, был одним из самых экзотических характеров греческой истории и одним из тех, кто произвёл впечатление на многих поздних биографов и историков» [10, p. 51].

В лице Пирра мы находим не только одного из выдающихся лидеров эллинистического мира, но и типичную харизматическую личность своей эпохи.

Необходимо вспомнить, что термин «харизма» был использован М. Вебером для выяснения легитимности власти. Один из трех упоминаемых им видов легитимной власти связан с авторитетом «внеобыденного личного дара — полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство» [11, с. 67]. Стоит отметить, что и Александр, и Пирр стремились предстать сразу в нескольких ипостасях, указанных выше. Для сакрализации своей власти на Востоке Александр открыто объявлял себя богом, сначала только в Египте, а затем, все больше убеждаясь в своей избранности и непобедимости, сделал божественный титул постоянным. Но и Пирр стремился придать своей власти божественный характер. В своей биографии Пирра Плутарх, описав генеалогию и указав на знаки расположения к нему судьбы, вознесшей его не без помощи богов на престол, сделал указания на те сверхъестественные и неординарные способности и черты, которыми он был наделен от природы [2, с. 440]. «Чудотворные» способности царя имели чисто пропагандистские свойства и, по всей вероятности, были инспирированы самим Пирром с одной единственной целью — подтвердить его божественное происхождение и придать святость власти.

История жизни и деятельности Пирра открывает ряд проблем, которые носят поистине глобальный характер. Попытаемся кратко их обозначить. Во-первых, греческая и римская цивилизации длительное время развивались как бы параллельно, и Западная кампания царя Пирра была первым прямым столкновением греческого Востока с Римом, которое произошло к тому же не на греческой, а на италийской земле. Здесь можно увидеть связь с деятельностью Александра, который принес греческую культуру на «варварский» Восток.Именно Западная кампания Пирра во многом открыла римлянам Грецию, а грекам — Рим.

Во-вторых, как известно, походы Александра Македонского на Восток в конечном итоге привели к созданию системы эллинистических государств, территориальных монархий, обладавших целым набором характерных черт. С именем Пирра связана не только трансформация власти от героической басилеи в эллинистическую монархию в самом Эпире, но и, что самое важное, попытка создания территориальной монархии на Западе, где именно Сицилия стала объектом подобного эксперимента.

В-третьих, из поля зрения многих исследователей, занимающихся изучением истории Пирра, выпала ещё одна проблема: отправляясь на Запад и имея перед собой благородную задачу — защитить греков

Италии и Сицилии от варваров (италиков и карфагенян) — Пирр являл собой образ носителя панэллинской идеи, которая имела огромное значение в деятельности Александра Македонского. Пирр успешно использовал панэллинскую идею не только в борьбе с римлянами, но и вообще во всей своей деятельности. Без всякого сомнения, панэллинская идея служила Пирру прикрытием его захватнических планов. Пирр, отправляясь в поход на Запад, получил всестороннюю поддержку от эллинистических царей: Антигон предоставил ему флот для переправы в Италию, Антиох дал деньги, а Птолемей Керавн предоставил войска и слонов [12, с. 155]. Какие аргументы мог использовать Пирр, дабы убедить этих монархов оказать ему помощь? Отбросим вариант «силового давления» — заставить оказать себе помощь всех сразу Пирр не имел ни сил, ни средств. Вариант остается один: Пирр сумел воздействовать на патриотические чувства диадохов, напомнив им о той исторической миссии, которую ранее выполнял чтимый ими всеми Александр — защите греков по всему миру. Однако результаты их деятельности оказались различными. Причины этого, во-первых, кроются в том, что Македония по своим ресурсам отличалась от маленького горного Эпира. Во-вторых, армия Александра состояла из македонян, в то время как Пирр вынужден был набирать армию из наемников, опираясь на систему союзов, основанных на случайных политических комбинациях. К тому же условия, сложившиеся на Востоке, существенным образом отличались от тех, которые были на Западе. Деспотии Востока, которые зиждились на абсолютной власти и полном безразличии угнетенных к своему монарху, рушились при первом же появлении серьезного противника. На Западе Пирру пришлось столкнуться с силами намного более значительными и организованными, чем на Востоке.

Эллинистические государства, возникшие на развалинах империи Александра Македонского, остро нуждались в соответствующей легитимизации и сакрализации своей власти. Наиболее самобытно эти процессы проявились при дворе эпирского царя Пирра. Вступая на международную арену, Пирр ставил перед собой грандиозные задачи. Рассматривая себя вторым Александром, он мечтал о создании великой империи, аналогичной, а, возможно, и даже более обширной, чем та, которая была создана Александром Македонским. Такой программе было необходимо соответствующее идеологическое обоснование.

Поэтому важную роль в пропаганде Пирра играл образ Александра. Этот образ служил примером для последующих поколений правителей. Ему старались подражать буквально во всем, в числе этих подражателей был и эпирский царь, который к тому же находился в

родстве со своим знаменитым предшественником. Связь Пирра с Александром устанавливается также посредством общего родства с Гераклом, который считался богом-покровителем Александра. Выводя свое родство по материнской линии от Геракла, Пирр тем самым укреплял одновременно и ориентацию на этого героя.

Многие современники Пирра искренне считали, что в обличии эпирского царя возродился дух самого Александра Македонского. Блестящий полководец Пирр так и остался весьма неразборчивым политиком. Тем не менее, он сумел вписать своё имя в мировую и военную историю. Прославленный Ганнибал ставил себя на третье место среди выдающихся полководцев Древнего мира, отводя первое Александру Македонскому, а второе Пирру. Но Пирр так и не сумел создать свою империю. Он был племянником Александра Македонского, незаурядным полководцем и просто храбрым человеком. Среди всех подражателей Александра лишь Пирр смог взять на себя миссию по защите и распространению греческой культуры. Было время, когда он держал в своих руках судьбы величайших держав, но достичь успехов своего великого родственника в силу объективных обстоятельств он так и не сумел. Да и помнят его в основном по нелепой смерти и «пирровым» победам, которые были равны поражениям.

Литература

1. Nederlof A.B. Pyrrhus van Epiras. Amsterdam, 1976.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / пер. М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера. М., 1994.
3. Schubert R. Geschichte des Pyrrhus. Königsberg, 1894.
4. Scala R. Der pyrrische Krieg. Berlin, 1884.
5. Hamburger O. Untersuchungen über den pyrrische Krieg. Würzburg, 1927.
6. Hassel W., von. Pyrrhus. München, 1947.
7. Wuilleumier P. Tarente des origines à la conquête romaine. Paris, 1939.
8. Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.
9. Казаров С.С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону, 2004.
10. Lomas K. Rome and the Western Greeks. L., 1993.
11. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Х., 2018.
12. Юстин М. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб., 2005.

3. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ОТНОШЕНИИ СОБЫТИЙ XX ВЕКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Н.В. Дьяченко

Память о гражданской войне на Алтае

Основная цель данной работы — попытка выявить наиболее актуальные нарративы о травматическом историческом сюжете — гражданской войне на Алтае. Речь идет о событиях, способных выполнять функцию политической мобилизации. Подобный тип памяти принято называть политической памятью. Эта модель связана с дискурсом о «преступлении и травме», с «устранением причиняющей боль асимметрии памяти» жертв, с разоблачением и осуждением преступников и, в конечном счете, с поисками примиряющего нарратива, позволяющего противоборствующим сторонам «включить свое противоположное вѝдение событий в общий контекст более высокого уровня» [1, с. 130].

Следует отметить уникальность самого события — на территории Алтайского края и Республики Алтай только один раз шла настоящая война — гражданская. В этом отличие Алтая от тех регионов России, где проходили боевые действия Великой Отечественной войны или других войн, помимо гражданской.

Хронологические рамки гражданской войны на Алтае обозначены событиями с 25 мая 1918 года — выступления чехословацких легионеров — до сентября 1922 года. Несмотря на то что к концу 1919 г. партизаны и красноармейцы освободили от белогвардейцев Алтай, с мая 1920 г. начались восстания, ставшие последствиями ошибок и перегибов периода «военного коммунизма». В июне 1921 г. вспыхнуло восстание в Горном Алтае, получившее название «кайгородовщина». В числе руководителей антибольшевистских восстаний были красные партизаны, белогвардейцы и даже советские работники. Определенное напряжение в регионе вызывало и присутствие на территории соседней Монголии остатков войск Бакича, Анненкова, а также «сводного русско-инородческого отряда есаула Кайгородова» [2, с. 28].

В рамки событий гражданской войны включается история партизанского движения на Алтае, которая разбивается на два периода: первый — народные восстания до колчаковского переворота (Чернодольское, Змеиногорское) и второй — с 1919 г., который характеризуется массовостью (Зиминское восстание). Партизанский нарратив является

основным контекстом, в который вписаны основные события политической истории региона этого периода.

Выбранный нами фокус исследования — гражданская война 1918–1922 гг. — полностью исключает носителей «живой памяти», в силу хронологической удаленности. При этом острота общественно-политических дискуссий вокруг памяти о войне по-прежнему актуальна. В центре внимания исследования — политические практики коммеморации, связанные с гражданской войной на Алтае.

Зачастую инициаторами возрождения интереса к гражданской войне становятся коммунисты, в последние годы они — самые активные акторы мемориальной политики в регионе. Так, именно они становятся инициаторами реставрации советских памятников.

Всплеском внимания к мемориальным объектам стал 2017 год, на который пришлось 100-летие начала революции, а впоследствии войны. В августе 2017 г. в окрестностях небольшого села Катанда, расположенного в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, состоялась торжественная церемония открытия отреставрированного памятного знака, установленного на месте гибели отряда красноармейцев Петра Сухова [3]. Этот знак был установлен еще в советские годы, однако затем был заброшен и приобрел «неприглядный вид». На церемонии выступил лидер регионального отделения КПРФ, депутат Госсобрания В. Ромашкин. Он рассказал, что с инициативой реставрации памятника к нему обратилась местный краевед Мария Сюнюшева, и коммунисты охотно откликнулись на просьбу и собрали необходимые средства. Кроме открытия памятного знака, участники торжества посетили мемориальный комплекс в селе Тюнгур. Здесь в братской могиле похоронены 144 красногвардейца и их командир Петр Сухов.

Алтайское краевое отделение КПРФ также поднимает вопрос о возможности развития в регионе «красного туризма», по примеру Китая и проектов в Ульяновске, рассчитывая на китайских и корейских туристов [4]. В этой связи коммунисты обеспокоены тем, что в крае число памятников, которые относятся к периоду революции и гражданской войны, продолжает сокращаться. Коммунисты поддерживают инициативы местных жителей, затрагивающих проблемы сохранности памятников. Они обратили внимание на статью Виктора Бакаенко «Что же с памятью нашей стало», опубликованную в 2014 г. в газете Ключевского района «Степной маяк», в которой автор пишет о памятниках сел района, возведенных на могилах партизан. К комплексу мемориальных объектов, созданных еще в советский период, он относит братскую могилу партизан в селе Покровка, являющуюся объектом культурного наследия регионального значения Алтайского края. Па-

мятник восстановлен, и он существует, но стоит весь заросший полынью. С другой стороны, коммунисты отмечают примеры бережного отношения к памяти об участниках гражданской войны. В 2015 г. волонтерский отряд «Единство» под руководством О.Ю. Мармазинских в Каменском районе привел в порядок место гибели партизанского разведчика Кирилла Баева.

В ноябре 2019 года исполнилось 100 лет со времени Солоновской битвы — крупнейшего сражения на территории Алтайской губернии. Ныне в Музее истории с. Солоновка Волчихинского района находится экспозиция «Партизанская слава Солоновки». С 1972 по 1975 год на месте боя проводились раскопки, и все, что было найдено, теперь хранится в музее. В основном это гильзы патронов, штыки, различные фрагменты оружия. Кроме этого в экспозиции представлены фотографии, документы, личные вещи партизан [5].

В советский период трагедия в селе Солоновка была важной частью исторической травмы Гражданской войны, как и другие подобные драматические события периода утверждения советской власти в периферийных регионах, удаленных от так называемой «большой истории» [6].

Другим явлением исторической памяти о гражданской войне остается ее увековечение в топонимике Алтая. В частности, именем Петра Сухова названы улицы в Барнауле, Солонешном, Горно-Алтайске, Усть-Коксе, Салаире. Имя руководителя партизан Алтая и Западной Сибири Ефима Мамонтова присвоено селу в Алтайском крае, переименованному из Больших Бутырок в Мамонтово, улицам в Томске, Барнауле, Бийске.

К сохранившимся мемориальным объектам Барнаула относятся: бюст К. Баева на площади Текстильщиков, бюст Е. Мамонтова на пересечении улицы Льва Толстого с проспектом Ленина, памятный обелиск на месте расстрелов красноармейцев во время гражданской войны в Нагорном парке, а также мемориальный комплекс – сквер павших борцов за социализм – на аллее проспекта Ленина.

Вопрос о памятнике жертвам гражданской войны на Алтае долго муссировался учеными и общественностью. Доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета Ю.Г. Чернышов отметил, что «…у нас до сих пор все памятники посвящены только одной стороне, погибшим с одной стороны» [7]. Журналист и публицист К. Сомов, написавший документальную книгу про гражданскую войну в 2008 г., также считает, что нужно увековечить память всех, кто погиб в этой кровопролитной войне.

Однако такой памятник установлен не был. В 2010 г. в день народного единства в Барнауле был открыт памятник жертвам политический репрессий периода «красного террора» «Прощание».

Не обошла Алтай общероссийская проблема отношения к Колчаку. Если в Иркутске спор разрешился установкой памятника, то в Омске не выдается разрешение на его установление и, более того, судом несколько раз отклонялась попытка его реабилитации.

Событие, которое можно отнести к конфликтам памяти, произошло в 2016 г. в алтайском райцентре Шипуново [8]. На стене местной гостиницы собственник этого заведения Владимир Локтионов разместил мраморную мемориальную табличку в память об адмирале Колчаке и гражданской войне в Шипуново. Под портретом Колчака располагается изображение красноармейца и белогвардейца, скрестивших винтовки, и подпись: «Одинешенек — белый, а другой — красный. Два брата-близнеца».

В селе к этой акции отнеслись по-разному. Одни, в том числе местный священник, согласились с логикой Локтионова, другие говорят, что это «неоднозначная история, в какой сердце спорит с разумом», а третьи, в особенности пенсионеры, обрушились на предпринимателя с критикой. Недовольные заявили даже, что доска «позорит» все село. А один из жителей вовсе пригрозил поджечь гостиницу.

При этом в Шипуново есть обелиск в честь освобождения Шипуновского района от колчаковских банд, установленный на улице Мамонтова. Обелиск с барельефным изображением организатора и руководителя партизанского движения на Алтае в годы гражданской войны Е. М. Мамонтова.

Журналисты обратились за комментарием ситуации к историкам. Доктор исторических наук, профессор В.А. Скубневский так ответил на эту спорную проблему: «Обычно мемориальные доски устанавливают там, где была та или иная историческая личность. Верховный правитель в Шипуново не заезжал. А сибиряки не позабыли о казнях, которые устраивали колчаковцы. К тому же Локтионов выбрал не очень удачное время — недовольных в нашем обществе сейчас хватает — им только дай повод» [8].

Травматические воспоминания о гражданской войне являются одним из основных сюжетов в региональных исторических нарративах. В 2017 г. агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай подготовило и выпустило в свет сборник «Памятники истории, отражающие события времен Гражданской войны в Горном Алтае». Издание сборника приурочено к 100-летию революции 1917 года в России. В издании дается краткая история исследований и обеспечения

государственной охраны памятников истории и культуры, отражающих события времен гражданской войны в России XX века, расположенных на территории Республики Алтай. Указано местонахождение, время создания, категория историко-культурного значения, данные о нормативно-правовом акте о регистрации в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, описание конструктивных особенностей.

В 2019 г. был опубликован сборник документов «Сибирская трагедия: идеологический аспект» подготовленный Управлением государственной архивной службы Новосибирской области. Издание вводит в научный оборот значительный комплекс хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области агитационных материалов периода революций и гражданской войны в Сибири. Представлены листовки различных политических партий и групп, отражающие основные лозунги противоборствующих сторон. Впервые публикуются плакаты, которые в изобразительной форме отражают различные аспекты общественных настроений в Сибири, а также многочисленные фотографии [9].

Память о гражданской войне на Алтае относится к тем категориям, которые, по мнению А. Ассман, необходимо помнить, чтобы преодолеть: «Упрочение национальной жертвенной идентичности затрудняет сближение, коммуникативный обмен, примирение с совершившими преступление и препятствует признанию возможной чередующейся смены ролей во взаимоотношениях между жертвами и преступниками» [10, с. 159]. Категория «преодоление прошлого», свободная от прежних негативных ассоциаций, используется ею в качестве нейтрального термина для социально-терапевтических форм памяти, ориентированных на примирение, социальную и национальную интеграцию. Эту форму мемориальной политики характеризует не стремление скрыть и замолчать тяжелые факты прошлого, а желание предать их гласности в обновляющемся социальном пространстве, обеспечить им признание и общественное внимание.

Литература

1. Миллер А.И., Малинова О.Ю. и др. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. №5.

2. Денчик С.В., Модоров Н.С. К вопросу о гражданском противостоянии в Горном Алтае в 1921–1922 гг. и его участниках // Мир Евразии. 2009. №6.

3. Отголоски гражданской. На Алтае открыли памятник красному командиру // Регнум. Информационное агентство. 16.08.2017. URL: https://regnum.ru/news/society/2310815.html

4. Регион — один, но память о прошлом — разная // КПРФ. Алтайское краевое отделение [офиц. сайт]. 14.03.2017. URL: http://www.altkprf.ru/index.php/news/news-mneniya/1872-region-odin-no-pamyat-o-proshlom-raznaya

5. Память партизанского края // КПРФ. Алтайское краевое отделение [офиц. сайт]. 21.06.2019. URL: http://www.altkprf.ru/index.php/3833-pamyat-partizanskogo-kraya

6. Михалев А.В. Память о японской интервенции на Дальнем Востоке России: три постсоветских нарратива // Алтайская школа политических исследований. 7.04.2020. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17987

7. Чернышов Ю.Г. Гражданская война на юге Сибири [интервью в радиопередаче «Цена революции» на «Эхе Москвы»] // Эхо Москвы. 16.03.2014. URL: https://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1279082-echo

8. На Алтае произошел дебош из-за мемориальной доски в память о Колчаке // Историческое сообщество ImperHans. 13.12.2016. URL: https://imperhans.ru/na-altae-proizoshel-skandal-iz-za-memorialnoj-doski-v-pamyat-o-kolchake

9. Сибирская трагедия: идеологический аспект: Сборник документов к 100-летию Гражданской войны в Сибири. Новосибирск, 2019.

10. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016.

М.А. Казаков, М.С. Лысцев, М.С. Северова
Политика памяти в современной РФ: особенности реализации городскими и региональными элитами в Нижнем Новгороде

Введение

В восприятии профессионального политологического сообщества *политика памяти* (ПП) — самостоятельная многосоставная часть внешне- и внутриполитической стратегии РФ. ПП — структура динамичная, включающая в качестве константных элементов параметры эволюции и способная к саморазвитию. Помимо социальных и политических целей она отвечает «коллективным эмоциональным силам, которые затрагивают сердца и души людей, а эти силы как раз и включают в себя религию и национализм» [1, с. 356]. Идентичность и обес-

печение преемственности, почему те же поправки в Конституцию РФ снимают главную неопределенность в отношении характера современной российской государственности — *социальное государство* и устанавливают нормы его уважительного и продуктивного взаимодействия со всей сетью институтов гражданского общества.

Во многом этому содействовала актуализированная память исторических традиций, «духовных скреп» как основ многонациональных территорий, *толерантности* населения ряда регионов [2, с. 254–255]. Столь же важный наряду с формированием патриотизма в молодежной среде фактор и для развития межнациональных, межконфессиональных отношений [3, с. 22], и как принцип для соотнесения разных уровней политического процесса для моделирования вектора трансформации ПП. Наблюдая данную взаимосвязь на примере Нижегородской области, нельзя обойти вниманием и другие *изменения, проблемы, тенденции*, возникающие по ходу реализации политики памяти перед местной властью и гражданским обществом, что в совокупности и составляют предмет статьи. В связи с чем следует определиться с теоретико-методологической базой исследования.

Методология

Политика памяти — многомерное явление. В качестве методологии ее изучения как вида активности социальных субъектов и типа отношений между ними используется акторный подход и проблемный метод. Главной целью первого является анализ стратегий и действий акторов данного поля. В качестве них выступают как индивиды (мэры, губернаторы), так и группы интересов, партии, общественность. Проблемный метод определяет ключевые вопросы развития, в решении которых по-разному принимают участие акторы городского и регионального уровней. Значимость темы возрастает в контексте властных отношений города и *городской политики* как сформированного из цепи трансформаций *пространства взаимодействия их носителей*. Из анализа того, кто и как участвует в работе коалиции роста как разновидности городских режимов [4, с. 14], выделяются позиции элит города и сообществ.

Исследование политики памяти как предмета гуманитарных наук заметно расширилось в *истоках*. П. Хаттон различает в спектре «memory studies» векторы, сформировавшие в первой половине XX в.: исторический, социологический, психологический, культурологический, герменевтический [5]. Российские исследования той поры были смещены к философии, позже — культурологии. Большинство советских авторов оперировало понятиями «исторического познания»,

«классового (само)сознания», «политического» и т.п., с 1970-х гг. в рамках социалистической *политической культуры*.

Во многом именно она стала переходно-объясняющим феноменом в смене научной парадигмы в изучении общественных процессов конца 1980-х — начала 1990-х гг. В том числе и должного внимания ученых к памяти (и шире — роли прошлого) в них. В «вернувшейся» (1990 г.) политической науке это наиболее полновесно нашло отражение в трудах А.И. Соловьева [6], (аспирантом которого в те годы был М.А. Казаков [7]). К началу 2000-х гг. политику памяти серьезно изучали В.А. Ачкасов, Н.Е. Копосов, О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, С.П. Поцелуев и др. К получившим распространение инструменталистскому и неоинституциональному подходам добавились концепция структуралистского конструктивизма П. Бурдье [8], где детально разработаны понятия «символическая власть» и «символическая борьба», положения социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [9]. Они стали частью методологической базы и нашего исследования.

И, наконец, ПП как элемент официального политического курса. В виде свода целей и предписаний по их достижению он выступает многогранной основой и ее реализации всеми уровнями власти (во взаимодействии с институтами гражданского общества), их легитимности и совместного формирования национальной идентичности. Для понимания общих закономерностей ее становления интерес представляют работы, посвященные особенностям российской идентичности пермской научной школы, национальной политики памяти — Уральского отделения РАН, ее аспектам в символическом пространстве современной РФ — ИНИОН РАН и др. Лишь в условиях включения результатов междисциплинарного диалога в требования к власти каждый из процессов обретает надлежащую социальному государству соорганизованность, отвечающую потребностям людей в безопасности [10] и самоактуализации.

Тема регионального и локального измерения политики памяти в таком ракурсе имеет в субъектах РФ определенный задел исследований. Применительно к элитам вне конкретики обстоятельств он схематично выглядит так: в центре парадигмы коллективной памяти — исторический опыт народа, страны, государства. В его основании лежит *культура памяти* или «…цивилизационный, культурный код, закладывающий основу общей российской матрицы. У нас свой менталитет, свои нравы, свое понимание добра и зла, свои порядки, …политические институты» [11, с. 5]. У каждого элемента — собственный набор пересекающихся во взаимовлиянии символических форм. Теория П. Бурдье говорит о них как о *практиках*. Они отражают

прошлый опыт индивидов, групп в настоящем, обладают изменчивостью, подчеркивают активную роль акторов в их производстве.

Далее — вычленение и сравнение *случаев* на базе общепринятой системы категорий. По ряду из них региональные практики и нарративы совпадают с метанарративом. В других случаях «локальные (или групповые) нарративы находятся в очевидном противоречии с большим государственным нарративом. …Вопрос о том, как регулируется напряжение между общегосударственными и групповыми нарративами имеет весьма актуальное политическое значение» [12, с. 10]. Такая метаморфоза в виде методологической операции «открывает несомненные перспективы и новые горизонты исследования памяти, но, к сожалению, уводит от выстраивания той концептуальной решетки, что оказалась бы применима к решению прикладных «кейсов», которые щедро поставляет современная социальная реальность» [13, с. 191–192].

Одним из таких кейсов является Нижегородская область и Нижний Новгород. Их конкретные реалии дают основания для теоретического и политико-прикладного анализа. Регион привлекает внимание ученых и СМИ по ряду причин. Это, конечно, *исторические события*, ставшие брендовыми компонентами региональной (национальной) идентичности: Нижегородское ополчение 1612 г. и г. Горький как Город трудовой доблести; события, ставшие звеньями региональной символики: связи с фигурой Александра Невского (г. Городец), Серафимом Саровским (г. Саров), Петром I (г. Н. Новгород), нижегородский кремль и ярмарка. Одновременно это и элементы имиджевой составляющей города.

Борьба за его «столичность» в Поволжье, с одной стороны, социально-коммерческий бренд, с другой, — факт конкуренции идей, лозунгов с соседями, в мае 2000 г. объединенных Указом Президента РФ в Приволжский федеральный округ (ПФО). Столицей определен *Нижний Новгород* — родная вотчина наместника. Весь округ занимает территорию в 1038 тыс. кв. км с населением более 30 млн чел. Вкупе с экономическими показателями это тот масштаб, в границах которого недавно открытый город сначала лидировал в процессе демократических реформ, затем уступил это место Перми, сосредотачиваясь на модернизационном рывке. В нем не без сбоев из-за субъективного фактора власти [14, с. 13], но он и сегодня конкурирует за первенство с другими российскими мегаполисами, прежде всего с Казанью. Узнаваемый, таким образом, Нижний Новгород — исторический, индустриальный, многонациональный — приобретает совсем иной облик в продуманной политике памяти страны как условия: а) развития ее бога-

тейшей культуры; б) формирования национальной идентичности молодежи; в) поддержания преемственности поколений; г) достижения взаимовыгодного сотрудничества уровней власти и социума… Стимулируя «саморефлексию общества» (*А. Соловьев*), регионов, переживающих свои конкретные конфликты и проблемы, она дает науке возможность создавать адекватные модели отношений «государство-бизнес-общество», «центр-регионы», «регион-город» и наоборот, где Казань, Нижний Новгород, Пермь и другие города уже как партнеры выступают акторами этой политики.

Соответствующий принципам взаимопомощи, добрососедства, толерантности, общественно-политический климат продуцирует характер функционирования политической и более широкой гражданской элиты. С законным правом каждого сегмента на участие в борьбе за интерпретацию смыслов тех или иных явлений и практик их использования. Они отслеживаются наукой на примерах исторических традиций, государственных праздников, «юбилеев» и т.п., лишний раз подчеркивающих необходимость разработок указанных форм деятельности во взаимосвязи с национальной идентичностью, *коммеморацией* как наборе способов «поклонения», с помощью которых в социуме закрепляется и передается память о трагическом и славном в прошлом [15, с. 34].

Закономерными в этом отношении выглядят направления политики субъектов РФ и местной власти, связанные с участием элит и масс в таких практиках. Они находят отражение в феноменах «интернационалистского» и гражданского активизма, социального партнерства, где пересекаются идеи, ценности, механизмы памяти и поведения. Следовательно, перспектива политики памяти в российских регионах основывается, прежде всего, на учете объективных изменений, сопряженных с развитием коммуникаций и механизмов, качественно поднимающих уровень стратегического мышления элит и влияния на них участников междисциплинарного дискурса о ПП.

Результаты и их обсуждение

Исходя из задач реализации ПП в Нижегородской области, могут быть выделены уровни (критерии) ее восприятия внутрицелевой аудиторией с акцентом на Нижнем Новгороде, его сообществах; оценках деятельности муниципальных и региональных властей в данном спектре населением и экспертами. В силу особого значения персоналистского фактора в отечественной политии они часто преломляются на характере взаимодействия лидеров, элит при опоре на объективные показатели качества жизни и проблемы, ограничивающие эффективность осуществления политики памяти на местах. Применительно к ее спе-

цифике *лидеры* как наиболее активная и влиятельная часть политической элиты области и города – лица с правом и ответственностью оценки ситуации и мобилизации сил, ресурсов поддержки. Это ярко проявляется и в период пандемии COVID-19.

Но действенность реализации политики памяти в мегаполисе во многом зависит от эффективности взаимодействия местных и региональных *элит*. За ними — принятие и контроль решений в сфере власти и управления. Основная причина разницы воздействия данных акторов лежит в ресурсной несоразмерности между муниципальным и региональным уровнями. Она отчасти снимается характером их сотрудничества при помощи технологий софинансирования последним местных программ, в том числе тех, что входят в план реализации политики памяти и мероприятий в г. Нижнем Новгороде. В нем это стало возможным в рамках смены глав местного самоуправления и региона в 2017 г. Она претворила его *новую модель развития*, предполагающей их *партнерство* для привлечения и сведения финансовых средств центра и возможностей специализации региона в результат нацпроектов.

Отвечая политическим интересам руководителей города и области, новая модель совпадает и с тем, что одним из приоритетов развития страны выступает усиление роли субъектов РФ. И именно управленческим командам в них предстоит взять на себя главную нагрузку в решении конкретных практических вопросов на базе идеологии центра, но путем достижения большей выгоды от совместной работы по стратегическим проектам. Стратегия развития Нижегородской области до 2035 г. является адекватной дорожной картой по выполнению планов федерального уровня, а возможности региона при оперативной и инновационной их реализации приумножаются активным софинансированием центра его стратегических проектов [16, с. 68].

В дискурсе о них, разгоревшимся вместе с темой возвращения прямых выборов губернаторов в конце 2011 г., остро проступил интерес к исследованиям «memory studies». В обстоятельствах проявления коллективной памяти в процессах трансформации и традициях культуры ее *механизмы* (М. Хальбвакс, Н. Луман, Н. Нора, Ц. Тодоров и др.) предстали социально актуальными и востребованными для программ и стратегий «устойчивого будущего» субъектов РФ. ПП, включая в себя такие ее свойства как отбор, комплексность, сохранение и стабилизацию того, что выбрано, важнейшее условие такого развития. Тем более в сочетании с элементами религиозного почитания и поклонения героям истории. И именно ее *образы*, что явно напоминают об объекте памятования — жизнеспособности народа, значении его свершений и подвигов, стали обозначать удобные для элиты практики.

Так, за период с празднования 60-летия Победы (2005 г.) до 2015 г. День Победы окончательно стал центральным событием страны. Работая на образ «сильного государства» (сквозная идея В.В. Путина), он является фактически единственным праздником, который обладает сплавом коллективных ценностных представлений, позволяющих задавать способ интерпретации прошлого и настоящего в масштабах нации.

Каждому этапу новейшей истории России свойственны изменения в русле политики памяти. С 2012 г. это связано с консервативным поворотом в дискурсе власти, во многом обусловленным геополитикой. В 2014 г. — влияние на локальные экономики политических и экономических санкций Запада. Обладает ПП и мощным потенциалом для реализации нацпроектов текущего периода. В части из них Нижегородской области удалось получить статус одного из пилотных регионов с созданием центров мирового уровня. В логике исследования «Искусство памяти» Ф. Йейтса (1997 г.) территории с подобными комплексами, природными и культурными ландшафтами — это «места», важные для запоминания образов «в нужном порядке». Будущее Нижнего Новгорода неразрывно с развитием области. Но зависит и от результатов градостроительных, политических преобразований, изменения социально-экономических условий жизни и среды деятельности миллионов людей.

В муниципальной политике сравнительно большее значение придается повышению эстетики и качества городской среды. Но до преображения города целиком ни рук, ни средств не хватает. Неудивительно, что в администрации Нижнего Новгорода, претендующей на роль локомотива в создании на базе городской политики «режима роста», уделяется внимание материально-экономическому измерению имиджа города. Оба эти направления, как и в других российских городах, заметно политизируются и выходят на первый план в информационно-коммуникационном взаимодействии лидеров.

ПП как процесс памятования об образах событий истории и её героев от такой интеракции только выигрывает, если помимо персонально событийной составляющей в нее вовлечен главный субъект — люди. С их историями, легендами, портретами, рассказами о войне, ее участниках в их духовной ауре, что ассоциируется с различными памятниками, символами города, которые живут в памяти победителей, ветеранах войны и тыла, потомков. Их нерешенные проблемы с городскими бедами сказываются на репутации иных субъектов — органах власти МСУ. Чей уровень является в целом удовлетворительным, судя по оценкам граждан и экспертов [17].

Структурно в это субъектное пространство входит целая сеть «мозговых центров». Это научно-технологические и научно-образовательные центры, Центр развития компетенций руководителей научных проектов и лабораторий, Центр Управления и др., связанные с профильными федеральными структурами. Здесь же — экспертные подразделения на базе вузов (АНИИ «Лобачевский», «Минин-центр», НИЦ СЭНЭКС и т.д.), участвующие в разработке проектов социальной и политической направленности во взаимодействии с бизнесом, властными институтами, партиями, СМИ. Профессиональные и университетские сообщества, вовлеченные в формирование повестки дня развития Нижнего Новгорода и области.

Ограничениями на этом пути при вполне равноправно-инициативном характере партнерства сторон, что наблюдается далеко не во всех регионах, являются и идущая в экспертных кругах переконфигурация и дефицит инновационных подходов, решений, технологий, которые по своей природе были бы альтернативными властно-распорядительным методам органов управления. В совокупности это часть дилеммы самой экспертизы [18, с. 300]. Но есть и общие проблемы, прежде всего, это противоправные особенности российской власти, управления и качество обратной связи, дисбаланс бюджетного федерализма, ресурсный диспаритет между уровнями власти, уязвимость статуса глав городов, запросы на социальную справедливость…

При реализации ПП, к примеру, вместо живого общения в ряде случаев вероятно место манипуляции, продвижение со стороны власти и обслуживающих ее структур нужных им идей, установок, моделей поведения. Всё это факты того, что может ограничить выбор методов работы и средств действия/взаимодействия городской коалиции роста, поиск ее акторами столь необходимых упрочению положения ресурсов для совместной и успешной деятельности с властями региона. Но не должно снижать их адаптивности, мобильности, адекватности реагирования по отношению к любым изменениям и через учет этической оценки.

Восприятие правильности событийного развития мегаполиса гражданским обществом и принятие населением соответствующей повестки дня, реализуемой взаимными усилиями городских и региональных властей, находит выражение в функционировании единой управленческой команды. Она влияет на динамику перемен, вовлекая в них не только молодежь (что принципиально), но и разновозрастные социальные группы, которые активны в конструировании/обустройстве собственного видения мира, общественных пространств. В этом, во многом оперативном, но вполне слаженном ре-

жиме деятельности, раскрывают себя сегодня и черты мышления, культуры элит и лидеров, особенности их *командной работы* (как национальный тренд) в реализации общего стратегического видения области и Нижнего Новгорода.

Она нуждается в перманентном подкреплении проводимой линии не столько ресурсами и событиями, сколько результатами, ощутимыми большинством. Именно оно обеспечивает ей поддержку. Успешность стратегии «выковывается» в разнообразии сфер и векторов партнерства с каждой из групп, а определяться будет степенью исполнения, достижением целей нацпроектов в масштабах РФ. В таком контексте Нижний Новгород в характерные черты национальной модели политики памяти, акцентирующей внимание на идентичности и ее угрозах, вносит свои универсальные отличия.

Как форпост безопасности и конфессионального мира это самобытная и толерантная территориальная общность людей с признаками лояльной политической активности, определяемой «столичным типом электоральной культуры» (Р. Туровский). Как столица мощной индустриальной и научной области — лицо пилотного региона с центрами мирового уровня, имеющего лидерский опыт и навыки командной работы в реализации стратегического видения города, области, страны.

Литература

1. Грибанова Г.И. «Голос крови» становится громче (эволюция этнических и религиозных отношений в России с 1980-х гг.) // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Сост.: П. Дуткевич, Р. Саква, В.И. Куликов; под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М., 2015.

2. Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь, 2006.

3. Телякаева А.Ф. Толерантная политическая культура как фактор противодействия этническому и религиозному экстремизму в современной России (на примере Оренбургской области). Автореф. дис.… канд. полит. наук. Саратов, 2015.

4. Фадеев А.П. Политический процесс на уровне города: формирование коалиций роста в современной России / А.П. Фадеева. Автореф. дис… канд. полит. наук. Н. Новгород, 2013.

5. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

6. Соловьев А.И. Культура власти современного российского общества. М., 1992.

7. Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции. Автореф. дис.… канд. полит. наук. М., 1993.

8. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994. С. 181–207.

9. Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

10. Беспалов Д.Н., Казаков М.А. Информационная война и обеспечение безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №6 (39). С. 82–87.

11. Никонов В.А. Слово главного редактора // Стратегия России. 2017. №10 (166). С. 3–6.

12. Миллер А.И. Методологические проблемы изучения памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб., 2018.

13. Аникин Д.А. Память как символический капитал: перспективы применения в условиях социального многообразия // Диалог мировоззрений: Человек в мире современной экономики: Материалы XII Международного симпозиума 28–30 мая 2013 г. / Под общ. ред. А.В. Дахина. Н. Новгород, 2013.

14. Казаков М.А., Балуева И.В. Анализ практик местного самоуправления в рамках современной региональной политики // Регионология/Regionology. 2017. №1 (98). С. 6–22.

15. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.

16. Казаков М.А. Региональные управленческие команды и публичная экспертиза в решении актуальных внутриполитических задач // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3. С. 68–73.

17. Владимир Панов получил оценку «удовлетворительно» за исполнение нацпроектов в Нижнем Новгороде // Нижегородская правда. 11 декабря 2019 г. URL: https://pravda-nn.ru/news/otsenku-udovletvoritelno-postavili-deputaty-nizhnego-novgoroda-meru-panovu-za-ispolnenie-bolshinstva-natsproektov

18. Казаков М.А. Публичная экспертиза в стратегии гуманизма // Наследие В.Г. Короленко. Стратегия гуманизма: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24–26 апреля 2018 г.) / Под ред. А.Н. Фортунатова. Н. Новгород, 2018. С. 290–302.

В.Н. Козулин
«Белые пятна» исторической памяти: образ последнего царя в отечественной исторической литературе

Неисповедимы пути формирования исторической памяти народов. Почему одних героев она возносит на пьедестал, и их имена неустанно звучат в памяти народной на протяжении веков, затмевая других, иной раз и более выдающихся героев? Нередко это бывает волею случая. Так, например, превращение Александра Невского в абсолютного героя исторической памяти случилось в значительной степени благодаря фильму Сергея Эйзенштейна 1938 года и специфике складывавшейся в конце 1930-х годов международной обстановки (см.: [1]). И, конечно, благодаря воздействию пропаганды, которая стала играть едва ли не определяющую роль в формировании исторической памяти в XX веке. Тут мы уже сталкиваемся как раз с политикой памяти, с искусственным формированием или манипулированием историческим сознанием народа, в лучшем случае направлением его в нужное, как представляется власти, русло.

Не всегда, впрочем, и в отношении далеко не всех событий такая политика памяти имеет место. Хотя историческая память все больше подвергается манипуляциям со стороны политики, но все же в ней в известной мере действуют и некие внутренние законы, по которым одни люди или явления быстро стираются из нее, как будто их и не было, тогда как другие имена упорно хранятся.

В этой статье мы хотим обратить внимание на одного из деятелей русской истории XX века, который, на наш взгляд, был незаслуженно забыт, словно вымаран из нее. Речь пойдет ни много ни мало о последнем русском царе. И, даже при одном упоминании этого словосочетания, наше историческое сознание сразу рисует в памяти образ милого и интеллигентного на вид человека с проникновенным взглядом, с картин Репина, Липгарта, Серова и многочисленных фотографий, или — в негативном варианте — образ кровавого и бездарного тирана-подкаблучника, на руках у Распутина, с карикатур тех же времен. Очевидно, что сразу встает в памяти именно он — Николай II. Однако речь пойдет вовсе не о нем, а действительно о последнем — юридически — русском царе, Михаиле II, родном брате Николая, которому тот официально передал власть после отречения. Это как раз тот герой одной из ключевых эпох в истории России XX века, который, казалось бы, почти совершенно забыт и словно вычеркнут из исторической памяти. Хотя, нам представляется, зря: если бы ему удалось оказаться на

вершине российской власти, возможно, история России пошла бы совсем иным путем.

Идею этой статьи подсказал известный журналист Евгений Киселев в передаче «Экслибрис» на его Youtube-канале, в которой он знакомит зрителей с интересными книгами из своей библиотеки. В одном из недавних выпусков [2] Евгений Алексеевич увлеченно рассказал о книге современного британского историка Дональда Кроуфорда, пока не переведенной на русский язык, под названием «Последний царь. Император Михаил II. Человек, которого Советская Россия сокрыла от истории» [3]. И не только советская, как будет показано в дальнейшем. Задачами статьи являются, во-первых, привлечение внимания к этой небезынтересной исторической личности, во-вторых, попытка объективно рассмотреть ее роль в российской истории, оценки в тогдашнем общественном мнении и, наконец, показать, как она представлялась и сейчас представляется в отечественной исторической литературе, в частности в учебниках по истории. Помимо этого, одна из главных задач — попытка понять, почему о брате последнего царя, который все же играл немалую роль в истории поздней романовской империи и формально сам являлся последним русским царем, историческое сознание почти совершенно забыло, почему возникло и во многом продолжает существовать в нем это «белое пятно».

Сперва несколько слов из биографии Михаила Александровича Романова. Стоит заметить, что ей практически не уделялось места даже в больших энциклопедических изданиях по отечественной истории. Между тем, Михаил после смерти в 1899 г. Георгия Александровича остался единственным братом Николая II, и даже императрица Александра Федоровна, которая, похоже, не очень его любила, поначалу советовала Николаю больше опираться на поддержку брата [4, с. 245]. Михаил родился в 1878 г. и был таким образом на 10 лет младше Николая II. Долгое время, до рождения у Николая сына Алексея, Михаил официально считался наследником престола, а после рождения, до совершеннолетия наследника, Михаил особым манифестом был назначен, на случай смерти царя, «правителем государства». В 1912 г. он был лишен этого звания, за морганатический брак с Натальей Вульферт (в будущем кн. Брасовой), которую он отбил у своего подчиненного офицера. Этому роману всей жизни Михаила посвящена отдельная книга Д. Кроуфорда [5; 6].

Михаил Александрович и Наталья Шереметьевская-Вульферт,
будущая княгиня Романовская-Брасова

Во время Первой мировой войны Михаил командовал Кавказской «дикой дивизией» и за свои заслуги был во многом прощен, хотя к государственным делам отношения не имел: по воспоминаниях В.П. Зубова, Михаил якобы «давно решил не вступать на престол ни при каких условиях» (цит. по: [7, с. 59]). Это, вероятно, не совсем так, поскольку, например, 9 февраля 1916 г. Николай II совершил свой первый и последний визит в Государственную думу (по случаю назначения нового председателя совета министров Б.В. Штюрмера) именно в сопровождении великого князя Михаила Александровича. Любопытно, что царь, расписавшись в «золотой книге» и поговорив с чинами канцелярии, сразу же покинул Думу, отправившись в Государственный совет, и уговаривал Михаила также не оставаться в Думе на заседании, потому что «может выслушать очень много неприятных вещей». Однако Михаил не послушался и после заседания, по слухам, заявил царю, что ничего подобного не произошло, что «Государственная Дума в ее целом оказала себя патриотичной, а вот твой Штюрмер, так никуда не годится» [8, с. 181–182, 185].

Михаил Александрович на этюде к картине И.Е. Репина
«Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года
в честь столетнего юбилея со дня его учреждения»

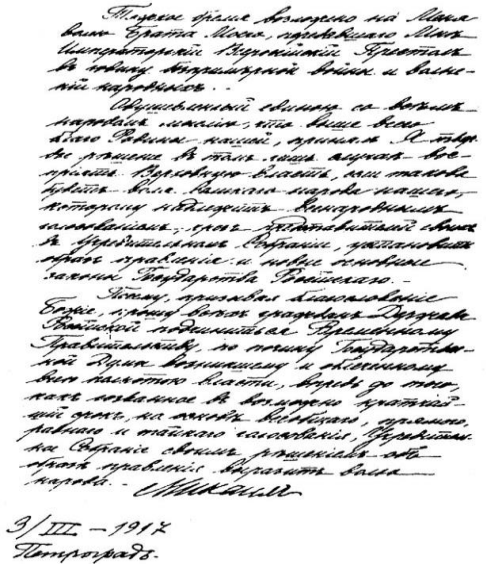
Интересно, что Александр III больше других любил именно своего младшего сына Михаила. Известный государственный деятель С.Ю. Витте, преподававший ему три года экономику, видел в нем «ясный ум, твердые убеждения и кристальную нравственную чистоту». Витте утверждал, что если бы Михаил наследовал Александру, «многое могло бы измениться для России в лучшую сторону, и ее международное положение укрепилось бы» [3, p. 8].

В жизни великий князь Михаил Александрович был простым, легким, веселым человеком, увлеченным музыкой. Хотя он и славился силой, характер имел добродушный и по своей природе был даже более слабым человеком, чем его брат Николай II [9, с. 359]. По мнению некоторых, например, П.Н. Милюкова (несмотря на то, что тот во время революции всячески продвигал Михаила сначала в регенты, а потом в императоры), выдающимся умом он не отличался. Витте, как помним, был другого мнения. Великий князь имел тягу к искусству, хорошо играл на пианино, флейте, гитаре и балалайке, сам сочинял музыкальные пьесы, много читал, в том числе серьезную историческую литературу. Например, в одном из писем он писал, что в настоящий момент читает «Историю французской революции», биографию Робеспьера и «Преступление и наказание» Достоевского [3, p. 8].

Современное российское общество относилось к великому князю Михаилу с симпатией, он зачастую противопоставлялся царю как положительный герой. Широкое распространение получила в России книга В.П. Обнинского «Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора Николая II», анонимно изданная в Берлине в 1912 году. В ней, в частности, говорилось: «Великий князь Михаил не скрывает своего насмешливого и слегка брезгливого отношения к неспособному, запутавшемуся в дрянных делах брату…» [8, с. 206]. В 1916 г. в Саратовской губернии появилась некая странница, которая «внедряла в головы темной народной массы», что Николай II «не есть государь природный, а отпрыск жидовской крови, узурпировавший будто бы престол у великого князя Михаила Александровича», чему «масса верит, передает об этом друг другу, и пропаганда под секретом разрастается» [8, с. 225]. Подобных полицейских данных немало. В январе 1915 г. 43-летний мещанин г. Стерлитамака заявил на постоялом дворе: «Какой у нас царь! Не может он править… Не ему царствовать, как он… (брань) царь, а Михаилу Александровичу». В декабре того же года 29-летний извозчик говорил в московской чайной, что ему приснилось, будто в России должен царствовать великий князь Михаил Александрович, что «ныне царствующий государь император завел у себя во дворе сорок девок», и что «наследник Алексей рожден от Пуришкевича» [8, с. 255–256].

Судьба Михаила, как и большинства членов Романовского дома, была трагичной. После отречения Николая II в его пользу (которое, по мнению юристов, было незаконным [10, с. 18–19]), посоветовавшись с членами Временного комитета Государственной думы, Михаил, по одним свидетельствам «твердым голосом», по другим, «со слезами на глазах», принял точку зрения большинства, которое считало нереалистичным в настоящее время его вступление на престол. Вызванные на квартиру кн. Путятиной на Миллионной, 12, куда был тайно переселен из Зимнего новоиспеченный император, юристы В.Д. Набоков и Б.Э. Нольде составили такой манифест об отречении, даже, точнее сказать, о временном отказе от власти, который давал определенную надежду на восстановление монархии. В манифесте говорилось, что Михаил «принял твердое решение в том лишь случае восприять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского» (цит. по: [7, с. 75]). Узнав об этом, бывший царь Николай II записал в своем дневнике: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» и составил другой

вариант своего манифеста об отречении, в котором все-таки вручал престол сыну, и который генерал М.В. Алексеев, от греха подальше, решил не сообщать правительству, а передал на хранение А.И. Деникину [11, с. 124; 12].



Фотокопия манифеста Михаила 3 марта 1917 года
об «отказе восприять верховную власть»

До ноября 1917 г. Михаил жил то в Гатчине, то в Петрограде. По некоторым сведениям, его друг и секретарь Н.Н. Жонсон (великий князь называл его Джонсон) получил для него визу на въезд в Англию, но Михаил не принял ее. «Я не хочу покидать Россию, — якобы заявил он. — Я верю в русских людей… Они не причинят мне вреда» [7, с. 240]. В середине марта 1918 г. Михаил был выслан из Гатчины в Пермь, как говорилось в предписании, «до особого распоряжения». Хотя постановление предписывало, чтобы высылавшийся вместе с Михаилом Александровичем его секретарь Джонсон не проживал с ним в одном городе, тот его не покинул. С пути он телеграфировал Ленину, прося оставить его при великом князе, у которого расстроено здоровье. Об этом же ходатайствовал и сам Михаил: просил управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича не разделять их с Джонсоном. По дневнику Михаила можно судить, что он жил в Перми совершенно свободно, к нему приезжала жена [13].

Великий князь Михаил Александрович в 1917 году

Но в середине года, как следует из воспоминаний одного из убийц, пермского чекиста А.В. Маркова, «бушевание буржуазии и попов» навело небольшую группу большевиков на мысль «изъять из обращения Михаила Романова» (цит. по: [7, с. 240]). Инициаторами убийства были начальник пермской милиции В.А. Иванченко и зам. председателя пермской ГубЧК Г.И. Мясников. Михаил Александрович был похищен из гостиницы, вывезен в лес и расстрелян вместе с верным ему до конца Джонсоном 13 июня, первым из всех Романовых — на месяц раньше, чем семья Николая II в Екатеринбурге и большая часть других членов дома Романовых (в Алапаевске). Мясников оказался прав, полагая, что «если все сойдет гладко, то это послужит сигналом к уничтожению всех Романовых, которые еще живы и находятся в руках Советской власти» [14]. После того как на глазах Михаила Марков застрелил Джонсона, а Михаил был только ранен, он, по словам Маркова, «с растопыренными руками… просил» дать ему «проститься с секретарем». Но убийца не дал этого сделать, убив его насмерть следующим выстрелом в голову [13, с. 155]. Трупы убитых до сих пор не найдены.

Михаил Александрович Романов и его друг и секретарь
Николай Николаевич Джонсон в Перми

В следующей части статьи мы рассмотрим на конкретных примерах особенности освещения личности Михаила, его роли в русской истории и вопроса об отречении в советской и постсоветской исторической литературе и учебниках истории.

В советских школьных учебниках вопрос о 3 марте (дне «отречения» Михаила) практически не освещался. В университетских учебниках он освещался относительно подробно, но личности Михаила Александровича и его дальнейшей судьбе, конечно, не уделялось никакого внимания (ср. [15, с. 383–384]). В «Книге для чтения по истории СССР», являвшейся дополнением к школьным учебникам, с более подробными рассказами по отечественной истории, Михаил упоминается только один раз, когда говорится о том, что он тоже отказался от притязаний на престол, будучи «испуган событиями в Петрограде» [16, с. 197]. Эта «формула», в общем, сохранилась и в большинстве современных (постсоветских) учебников по истории. Например, в учебнике под редакцией известного историка И.Я. Фроянова говорится: «Возмущение, которое вызвала у рабочих и солдат столицы перспектива восшествия на трон Михаила, вынудило последнего 3 марта 1917 г. отказаться от притязаний на престол» [17]. Более обтекаемо, но по сути то же — в учебном пособии Н.С. Борисова: «Михаил, осознав по-

ложение, отказался принять корону и верховную власть» [18, с. 194]. В некоторых учебниках содержатся явные неточности или искажения фактов, например, в учебнике А.С. Барсенкова, А.И. Вдовина и др. говорится, что великий князь Михаил Александрович «также предпочел отказаться от прав на престол, в чем с ним была согласна и либеральная оппозиция» [19, с. 225]. Хотя это не совсем так, что явствовало даже из советских учебников [15, с. 383]. Среди либеральной оппозиции единого мнения не было, часть ее, а именно Гучков и Милюков, до последнего оставались сторонниками сохранения монархии во главе с Михаилом. Милюков утверждал, что Временное правительство без монарха является «утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений» [20, с. 272].

Более достоверно и детально биография великого князя Михаила Александровича, а также события начала марта 1917 года излагаются только в научных монографиях [7; 21] и в некоторых научно-популярных или крупных (многотомных) учебных изданиях [22; 23].

Единственным встретившимся нам пособием по отечественной истории, в котором личности Михаила Александровича уделено сколько-нибудь подробное внимание, и она освещается позитивно и даже с некой симпатией, является книга «История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты», принадлежащая перу известного российского историка Е.В. Анисимова [9]. Следует заметить, что это пособие в целом отличается объективностью изложения, в том числе современного этапа истории, отсутствием конъюнктурного освещения, как это часто бывает.

В заключение попытаемся ответить на вопрос, почему же Михаил Александрович был так недооценен и остается недооцененным в отечественной истории и политике. Причины, на наш взгляд, как минимум две. Во-первых, Михаил все-таки представлялся скорее положительным героем, в отличие от Николая II, на которого можно было, как говорится, повесить всех собак, и во многом было за что. Про положительных героев Романовского дома не принято было вспоминать, особенно в советское время, чтобы ненароком не внести лишних красок в черно-белую (точнее, красно-белую) картину истории революции. Много ли вспоминали, скажем, про известного поэта великого князя Константина Константиновича Романова, талантливого полководца великого князя Николая Николаевича, двоюродного дядю Николая II, или про знаменитую благотворительницу великую княгиню Елизавету Федоровну, родную сестру царицы?

Во-вторых, — и это касается уже не только советской, но и постсоветской традиции — фигура Михаила представлялась неудобной с

точки зрения ощущения легитимности всей последующей власти в России. Ведь фактически, согласно манифесту 3 марта, Михаил не отрекся от престола, а передал вопрос на решение Учредительного собрания, которое, как известно, было разогнано большевиками. Со строго юридической точки зрения, после этого акта, все последующие власти оказываются нелегитимными. По этому поводу часто встречаются возражения такого рода, что и в других странах были революции, которые сокрушали монархии, и после которых учреждались новые формы правления. Однако, в большинстве случаев (французская, английская революции) эти новые формы (республики) именно *учреждались*. Проводились Учредительные (Конституционные) собрания, Национальные конвенты. Кстати, и монархи там были казнены по решению каких ни каких, но судов, а не просто расстреливались, без суда и следствия. Поскольку современная Российская Федерация провозгласила свою юридическую преемственность по отношению к СССР, она отчасти приняла на себя эту печать нелегитимности предыдущей власти. Ведь Советский Союз, по словам А.И. Солженицына, соотносился с исторической Россией как убийца с убитым ([24, с. 334]; ср.: [25]). Про современную же постсоветскую Россию можно сказать, что она соотносится с дореволюционной Россией, пожалуй, примерно так же, как современная Греция с Древней Грецией. По сути, это уже во многом разные цивилизации. Личность Михаила Романова в этой новой цивилизации и ее исторической памяти, как нам кажется, совершенно не ко двору. По крайней мере, гораздо меньше, чем личность не юридически, а фактически последнего царя Николая II.

Литература

1. Козулин В.Н. Образ Александра Невского в отечественной исторической литературе // Дневник Алтайской школы политических исследований № 35. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны): сборник научных статей. Барнаул, 2019. С. 49–55.

2. Экслибрис. Выпуск 11. Пролог к великой эпидемии «испанки»: уход последнего русского царя. Отрекся ли он на самом деле? // Кисельные Берега. 2.04.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UCwSrImcamI

3. Crawford D. The Last Tsar: Emperor Michael II. The Man Soviet Russia Hid from History. Scotts Valley, 2012.

4. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1998.

5. Crawford D., Crawford R. Michael and Natasha: The Life and Love of Michael II, the Last of the Romanov Tsars. N.Y., 1997.

6. Кроуфорд Д., Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь. М., 2008.

7. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992.

8. Колоницкий Б. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

9. Анисимов Е.В. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. 4-е изд., доп. СПб., 2013.

10. Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. I. М., 1991.

11. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. I. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917. Репринт. воспр. издания. Париж, 1921. М., 1991.

12. Пайпс Р. Русская революция. Книга I. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. URL: http://yakov.works/libr_min/16_p/ay/ps_21.htm

13. Судьба Михаила Романова // Вопросы истории. 1990. №9. С. 149–163.

14. Мясников Г.И. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 7–191.

15. История СССР (XIX — начало XX в.): Учебник для студ. вузов, обучающихся по специальности «История» / Под ред. И.А. Федосова. М., 1981.

16. Книга для чтения по истории СССР. Период империализма: Пособие для учащихся / Под ред. К.Ф. Шацилло. М., 1979.

17. История России от древнейших времен до наших дней до начала XX в. / Под ред. И.Я. Фроянова. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_f/froyan11_21.php

18. Борисов Н.С. История России. Краткий курс: пособие для поступающих в вузы. М., 2018.

19. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Воронкова С.В. История России XX — начала XXI века. Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «История» / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006.

20. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. II. М., 1990.

21. Хрусталев В.М. Великий князь Михаил Александрович. М., 2008.

22. История России. XX век. Т. I. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922) / Под ред. А.Б. Зубова. М., 2016.

23. Спицын Е.Ю. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. В 4-х кн. Книга III. Россия — Советский Союз 1917–1945 гг. М., 2015.

24. Солженицын А.И. Чем грозит Америке плохое понимание России. Статья для журнала “Foreign Affairs” (1980) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. I. Статьи и речи. Ярославль, 1995. С. 336–381.

25. «Салют, Исаич!» // «Грани времени» В.А. Кара-Мурзы на «Радио Свобода». 11.12.2015. URL: https://www.svoboda.org/a/27421197.html

А.В. Михалев

Память о японской интервенции на Дальнем Востоке России: три постсоветских нарратива[*]

Память о почти полувековом российско-японском противостоянии на Дальнем Востоке на протяжении всего советского периода была в центре внимания дальневосточной литературы, живописи, кинематографа, мемориальной скульптуры. Композиция официального советского исторического нарратива состояла из трех основных блоков: русско-японская война, японская интервенция, разгром квантунской армии. Тема интервенции являлась одной из ключевых, так как была связана с утверждением на Дальнем Востоке советской власти [1]. Однако в контексте обсуждения вопроса северных территорий и мирного договора с Японией в 2000-е годы проблематика японской интервенции в регионе оказалась на периферии внимания как крупных федеральных масс-медиа, так и региональных властей. При этом острота общественно-политических дискуссий вокруг памяти об интервенции по-прежнему актуальна [2].

Обострение исторических споров фиксируется не только в пространстве Восточной Европы [3], но и Северо-Восточной Азии, где вопросы коллективной памяти имеют гораздо больший конфликтный потенциал. Большинство востребованных здесь национальными историографиями травматических исторических сюжетов имеют отношение к японской оккупации, поэтому особое внимание уделяется и Дальнему Востоку России, на территории которого в первой половине XX века происходили события, сформировавшие основу регионального исторического нарратива, связанного с освобождением от японской оккупации.

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда содействия развитию политической науки.

С распадом советской системы коммеморации на Дальнем Востоке сформировался новый набор мнемонических акторов, претендующих на свое видение памяти о событиях почти столетней давности. Одним из таких акторов стали корейские национально-культурные центры ДФО РФ, так или иначе связанные с МИД Южной Кореи. После распада СССР и относительного смягчения режима семьи Ким представители МИД Южной Кореи совместно с МИД КНДР и корейской диаспорой дальневосточных регионов принимают непосредственное участие в торжественных мероприятиях, приуроченных к памятным датам. В числе акторов, заинтересованных в поддержании данного сегмента мемориальной культуры, также необходимо упомянуть РПЦ, региональные отделения КПРФ, Ассоциацию японских военнопленных, а также местных краеведов.

Данное исследование проводилось в Дальневосточном федеральном округе в 2019 году на территории трех столиц субъектов Российской Федерации. Их выбор обусловлен тем, что в период Гражданской войны в России здесь располагались крупные военные соединения японских и американских интервентов, а на уровне повседневности у местных жителей сохраняются устойчивые представления о Японии как агрессоре и о партизанской борьбе с интервентами. Партизанский нарратив является основным контекстом, в который вписаны основные события политической истории региона. В каждой из изучаемых столиц субъектов Дальнего Востока по сей день существуют Партизанские улицы, а во Владивостоке — Партизанский проспект. В Приморском крае расположен город Партизанск. Наряду с этим существует целый комплекс мемориальных объектов, посвященных борьбе с японской интервенцией, созданных еще в советский период, за ритуальное использование которых конкурируют представители КПРФ и Министерства обороны РФ.

Итак, в центре внимания исследования — политические практики коммеморации 2000-х годов, связанные с японской интервенцией. Условно их можно разделить на три группы, вокруг которых формируются политически значимые смыслы, получающие отклик в массмедиа всего региона. Первый сюжет — это так называемая «Амурская Хатынь», второй — корейское восстание, третий — «День победы над Японией». В целом все три относительно разрозненных в современных условиях сюжета коллективной памяти в советский период были вписаны в советский метанарратив [4] как борьба угнетенных народов Азии с японским колониализмом и милитаризмом.

Сюжет 1. «Амурская Хатынь»

Травматические воспоминания о японской интервенции являются основной канвой краеведческого нарратива на Дальнем Востоке России. Именно краеведение в силу его периферийности и удаленности от так называемой «большой истории» в значительной степени поддерживает локальную дальневосточную идентичность и связанные с ней сюжеты памяти. С другой стороны, именно периферийность усугубляет драматичность воспоминаний, делая Дальний Восток еще более дальним. Наглядной иллюстрацией этому служит память о так называемой «Амурской Хатыни» [5]. Важно отметить особенность дальневосточной исторической хронологии, в которой противостояние с Японией выступает как перманентный процесс, занимающий почти полвека, поэтому нарратив об интервенции заканчивается победой во Второй мировой войне. Это определяет специфику акторов мемориальной политики, таких как японские ветеранские организации.

В 2019 году исполнилось 100 лет со времени трагедии в селе Ивановка Амурской области. 22 марта 1919 года японские отряды вошли в село, расстреляли и сожгли заживо 257 человек, среди которых были старики, женщины и дети. Поводом для карательной экспедиции послужила активная поддержка жителями села партизанского движения. Только село Ивановка отправило 10 рот на подавление белоказачьего мятежа атамана И.М. Гамова в Благовещенске [5]. По мнению дальневосточных СМИ подобная жестокость в исторической памяти постсоветского пространства сравнима только с белорусской Хатынью. С подачи амурских журналистов данная аналогия закрепилась в публичном пространстве Дальнего Востока. Эта номинация позволила включить отдельно взятый дальневосточный кейс в масштабные «ландшафты террора», что открыло возможность для преодоления локальности трагедии. В свою очередь, все это является ключевым для дальневосточного исторического нарратива, являющегося депривированным по отношению к большой «отечественной истории». Сопоставление с белорусской Хатынью в корне меняет общепринятое историческое масштабирование и позволяет преодолеть как географическую, так и политическую удаленность мемориального нарратива Дальнего Востока России.

На месте драматических событий того времени поставлено три памятника, два из которых установлены в советское время, а третий, получивший название «Покаяние», при поддержке Ассоциации японских военнопленных в 1994 году. Он представляет собой высокую белую стелу с православным крестом и чеканкой с изображением скорбящей японской женщины. На монументе установлена табличка с надписью: «С чувством глубокого покаяния и глубокой скорби жителям Иванов-

ки от народа Японии». С 1995 года представители Японии ежегодно 22 марта участвуют здесь в памятном молебне [5]. В советский период трагедия в селе Ивановка была важной частью исторической травмы гражданской войны и интервенции в Приамурье. В поддержании памяти, наряду с профессиональными историками, участвовала и местная пресса. Под влиянием идеологических установок сформировался канон интерпретации событий — нападение интервентов на мирных крестьян, поддерживающих Советскую власть.

В 1990-е годы вместе с новыми памятниками сложилась и новая модель коммеморации. В советский период ритуальные действия предполагали участие пионеров с факелами у памятника с советской символикой. Начиная с 1990-х годов от данной традиции отказались, перейдя к православному богослужению. Происходит коренная трансформация практик коммеморации, равно как и содержания воспоминаний. В современных условиях постулируется тезис о том, что именно благодаря местной церкви удалось сохранить имена всех погибших. Травматические воспоминания о событиях в селе Ивановка вошли в фазу рутинизации еще в 1990-е годы [6]. Память о карательной экспедиции японцев воспроизводится со слов детей и внуков очевидцев событий. С другой стороны, актором выступают японские организации, занимающиеся преодолением и переосмыслением опыта японского империализма. Постоянные контакты местного сообщества с представителями Японии и региональная изоляция способствовали смещению дискуссии о трагедии в материальную плоскость цены за покаяние. На данном этапе РПЦ, наряду с местными краеведами, монополизировали память о трагедии в селе Ивановка, локализовав ее в пределах одного региона.

Газета «Амурская правда» от 2019 года отмечает: «Жаль только, что, когда Великая Отечественная война прошла, про Хатынь все знали, а про нас — нет. Почему-то все замалчивалось. Но самое главное — эту трагедию помнят наши дети, внуки и правнуки» [5]. Культурная травма японской карательной экспедиции, систематически воспроизводящаяся на протяжении ста лет в местном сообществе, тесно связана с травмой депривации и локальности. Воспроизводство травматического нарратива в отдельно взятом селе обусловлено как высокой плотностью социальных связей, так и советским наследием, а также постсоветским опытом построение диалога с японскими ветеранами. В этой связи важно обратить внимание на японскую политику памяти, в рамках которой на протяжении второй половины 1990-х годов предпринимались попытки найти пути к примирению.

Сюжет 2. Диаспоральная память

Травматическая память о японской интервенции является консолидирующим историческим сюжетом для корейской диаспоры ДФО. Необходимо отметить, что японская оккупация является основной причиной для большинства войн памяти в странах Восточной Азии. Вопрос об извинениях Японии за принудительную сексуальную эксплуатацию корейских женщин («женщин для комфорта») в период оккупации по сей день обсуждается на международном уровне [7]. Сюжет борьбы с Японией для корейцев российского Дальнего Востока стал основой идентичности. Нужно отметить, что советская историография уделяла большое внимание проблеме участия корейского пролетариата в борьбе с японским империализмом [8]. Первые работы по данной тематике вышли в СССР еще в 1920-е годы, а ее освещение продолжается по сей день в рамках российско-корейского научного сотрудничества. С самого начала был сформирован основной мемориальный канон, который в постсоветский период был дополнен сюжетами из южнокорейского исторического нарратива о борьбе за национальный суверенитет.

Основными памятными датами стали 4 и 5 апреля — дни массовых репрессий против корейского населения. В 1917 году корейцы Дальнего Востока создали «Всероссийское общество корейцев» и приняли «Декларацию независимости Кореи». Это вызвало негативную реакцию со стороны Японии, установившей тогда оккупационный режим в Корее. В 1919 году японские войска подавили восстание в Корее, лидеры которого были связаны с диаспорой в России. В апреле 1920 года в городе Никольск-Уссурийске частями японских интервентов были расстреляны лидеры корейской диаспоры. Это послужило толчком к вооруженному сопротивлению корейского населения на Дальнем Востоке. Корейские партизанские отряды участвовали в боевых действиях на местных фронтах гражданской войны. Поэтому диаспоральная память помимо травматических воспоминаний содержит еще и весомый героический контент. Это память о командирах корейских отрядов, сражавшихся против японцев на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и в Корее [9]. В этой связи министерство обороны РФ оказывает поддержку национально-культурной автономии корейцев Приморья при проведении мемориальных мероприятий. На уровне ритуалов российские военные выставляют почетный караул в момент возложения венков представителями диаспоры к памятникам корейцам, погибшим во время боев за освобождение Дальнего Востока.

Сюжет 3. И снова 3 сентября?

На Дальнем Востоке России на протяжении длительного советского периода сформировалась череда мемориальных дат, имеющих зна-

чение не только в России, но и в сопредельных странах Азии. Многие из них связаны с сопротивлением японской экспансии или с памятью жертв, пострадавших от нее. В этом контексте важно разделить такие символические даты на две группы. Первая группа посвящена военным победам: на озере Хасан, Халхин-Голе, Дню победы над Японией. Вторая группа связана с днями, омраченными травмой репрессий и этнических чисток. Однако несмотря на данное многообразие, ключевой датой является — 3 сентября.

3 сентября является знаковой датой для целого ряда стран Восточной Азии: Китая, Южной Кореи, Филиппин. Этот памятный день отмечался и в СССР, однако не был включен в Федеральный закон №32 от 13 марта 1995 года «О днях воинской славы и памятных датах России». На уровне субъектов Российской Федерации 3 сентября является праздничным лишь на Сахалине — как региональный праздник [10]. В 2018 году парламентарии и представители общественности Сахалина составили обращение в Государственную Думу РФ с просьбой восстановить праздник на федеральном уровне. Данная инициатива нашла поддержку в Приморском крае и Хабаровской области, а также у региональных иерархов РПЦ. Ее обосновывают два основных аргумента: мировой опыт (США, Великобритании, Монголии, Кореи) и необходимость памяти об интервенции и возмездии за нее в ходе Второй мировой войны.

Восстановление праздника вписано и в политический контекст, связанный с вопросом о возвращении так называемых северных территорий Японии. День победы над Японией в РФ является в том числе и ответом на учреждение в 1982 году в Японии праздника «День северных территорий» (8 февраля). Запрос Дальнего Востока России на особый праздник — это результат противостояния двух моделей исторической политики: российской и японской. В каждой из стран сформирована своя модель памяти и опирающейся на нее идентичности. В России эта мемориальная дата выступает, по мнению политических активистов, символом дальневосточной идентичности. Сюжеты войны с Японией находят отражение в региональной поэзии, музыке и литературе, на которые часто ссылаются представители антияпонских политических групп. При этом антияпонская риторика находит отклик и в сопредельных азиатских странах: КНР, КНДР, Республике Корея. Борьба с Японией, например в китайской историографии, интерпретируется как непрерывный процесс на протяжении всей первой половины XX века [11]. Схожая модель начала формироваться и на территории российского Дальнего Востока. В этой связи День победы над

Японией становится пунктом, определяющим мемориальную солидарность с регионом Восточной Азии.

3 сентября является праздничной датой в КНР, РФ и на Филиппинах. В США Victory over Japan Day отмечается 2 сентября, а в Корее и Великобритании — 15 августа. Каждая из дат связана с различными этапами капитуляции Японии. Предлагаемый сахалинскими парламентариями проект в плане выбора даты апеллирует к советской традиции, отмечавшей этот день 3 сентября. На наш взгляд, причиной сложной дискуссии, способной перерасти в войну памяти, стала недостаточная изученность проблемы, а также отсутствие ее публичного обсуждения.

***

Японская интервенция на Дальнем Востоке — один из ключевых сюжетов, воспроизводящихся на протяжении последних ста лет в региональных исторических нарративах. Сегодня уже на уровне постпамяти памяти в различных субъектах РФ, относящихся к Дальнему Востоку, фигурируют локальные, зачастую плохо связанные друг с другом повествования либо травматического характера, либо окутанные ореолом романтизма повествования о партизанской борьбе. Подобные локальные нарративы в советский период воспроизводились в историко-литературных произведениях писателей Дальнего Востока (романы «Красная осень», «На восходе солнца»). Повести и романы о борьбе за советскую власть, написанные в то время, по сей день оказывают непосредственное влияние на память о японской интервенции.

Особого внимания заслуживает краеведение, способствующее поддержанию коммеморации. Городские, поселковые и школьные музеи обеспечивают воспроизводство советской модели мемориальной культуры. Однако появление в 1990-е годы корейских и японских мемориальных организаций все же внесло некоторые изменения в сложившуюся систему повествования. Прежде всего, это участившиеся попытки построения диалога вокруг травматических сюжетов, а также поиски возможностей для примирения.

При этом обсуждение проблем исторического прошлого на уровне региональной политики (законодательных собраний, партий, масс-медиа) связаны с проблемой примирения по итогам гражданской войны. Политики, представляющие коммунистов и традиционалистов, дискутируют друг с другом о памятных датах и об отношении к лидерам белого движения, тесно сотрудничавшим с интервентами. В этой связи наиболее знаковым событием становится дата 3 сентября, символизирующая не только победу над Японией и окончание Второй

мировой войны, но и конец противостояния между советской властью и белой эмиграцией на Дальнем Востоке.

Память о противостоянии с Японии в политическом плане является частью масштабного восточноазиатского исторического нарратива. Южная Корея и Китай, которые сегодня стали важнейшими экономическими партнерами России на Дальнем Востоке, также выделяют данный сюжет как важную и травматическую часть национальной истории XX века. В этом контексте значим процесс коллективной проработки прошлого, начавшийся в XXI веке на уровне взаимоотношений между КНР, Южной Кореей и отдельными субъектами РФ. Общие ритуальные практики, мемориальные события, представление истории в популярной культуре (особенно на волне популярности азиатских сериалов) — все это формирует контуры того, каким образом будет строиться взаимодействие по вопросам исторической политики в современной Восточной Азии.

Литература

1. Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918−1922 гг. М., 1957.

2. Коммунисты ЕАО дали свою оценку Волочаевской битве. URL: https://nabat.news/2018/02/14/kommunisty-eao-dali-svoyu-otsenku-volochaevskoj-bitve

3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016.

4. Gill G.J. Symbolism and Regime Change in Russia. Cambridge, 2013.

5. Амурская Хатынь // Амурская правда. 22 марта 2019. URL: https://www.ampravda.ru/2019/03/22/087554.html

6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

7. Токио заявил протест Сеулу из-за слов президента о проблеме «женщин для утешения» // ТАСС. 14 января 2018. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4857365

8. Ким М.Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке, 1918–1922. М., 1979.

9. Гайкин В.А. Советизация Дальнего Востока России (1918–1922) и корейские партизаны Маньчжурии // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. №3.

10. Жители Дальнего Востока просят восстановить День Победы над Японией // Newizv.ru. 13 августа 2018. URL:

https://newizv.ru/news/society/31-08-2018/zhiteli-dalnego-vostoka-prosyat-vosstanovit-den-pobedy-nad-yaponiey

11. Jin Qiu. The Politics of History and Historical Memory in China-Japan Relations // Journal of Chinese Political Science. 2006. №1. Vol. 11.

В.А. Смирнова

Воспоминания о вспышке холеры в СССР в 1970 году: свидетельства советской эпохи и нарративы эры COVID-19

Пандемия COVID-19 актуализировала историю эпидемий прошлого. Источники формирования памяти о них включают научную литературу и учебники, художественные и документальные фильмы, песни. Важную роль играют также СМИ. В последние месяцы публиковалось много рассказов про смертоносный испанский грипп начала XX века, которые вопреки поверхностной логике несут заряд оптимизма. Читатель понимает, что в мировой истории бывали эпидемии и похуже. И человечество не только продолжило существовать, но и извлекло уроки: многие страны инвестировали ресурсы в создание национальных систем здравоохранения. Наиболее популярным в России нам показался нарратив эффективного преодоления эпидемий в советское время. Это вполне объяснимо — ведь истории достижений позволяют легче справляться с нынешней тревогой, обусловленной неопределенностью и рисками.

Успехи в борьбе с инфекционными болезнями были одним из предметов гордости за СССР: в учебниках по истории медицины можно прочесть, что в 1923 году в стране была ликвидирована холера, в 1936 г. оспа и чума, в послевоенный период тифы, к 1960 году — малярия [1, с. 506–507].

Учебники едва ли многие читают, а вот СМИ в последние месяцы активно рисуют картины возможности победы над опасным врагом — рассказы об успешной ликвидации в СССР вспышек черной оспы в 1959 году и холеры в 1970-м. Нас особенно заинтересовала последняя, так как она осталась в памяти ныне живущих людей, которые через СМИ и социальные сети делились своими воспоминаниями о холерном лете 1970 года. Мы воспользовались этими дискуссиями, а также сами инициировали некоторые из них (для последующего анализа) в соответствующих региональных группах в соцсетях. Медицинские аспекты и статистика содержатся в исследовательских трудах по холере в СССР, как части седьмой пандемии этого заболевания, длившейся с 1961 по 1989 год. Нам показалось интересным дополнить знание о

вспышке холеры в СССР данными о бытовом измерении и индивидуальном восприятии этого события из истории СССР.

Пиком вспышки стал 1970 год, когда было зарегистрировано 3989 случаев в СССР. Затронутыми оказались Астрахань, Одесса, Волгоград, Батуми, населенные пункты в Крыму и Дагестане. Государство полностью взяло на себя ответственность за ликвидацию холеры. Всем лицам, попавшим в очаги инфекции, выдавались оплачиваемые больничные листы. Города с очагами инфекции были окружены армией, дороги перекрыты [2].

Читая сетевые воспоминания об эпидемии холеры, поражаешься обилию параллелей с нынешней эпидемией. Первое, с чем ассоциируются эпидемии, это карантин. В случае с холерой его накладывали на очаги инфекции, перекрывая въезд и выезд из соответствующих населенных пунктов.

Как и сейчас, установленные государством правила довольно массово нарушались. Люди пользовались лодками (в том числе украденными для этой цели), машинами, услугами пеших проводников, чтобы покинуть закрытые на карантин населенные пункты [3]. Есть рассказы о машинистах, приостанавливавших поезда в закрытых на выезд городах, чтобы жители города могли спрыгнуть, так как их билет дальше не действовал [4].

Самоизоляции в квартирах не было, однако действовал запрет на массовые мероприятия. Но чтобы выехать из города, надо было пройти через обсервацию. Обсерваторы организовали в детских садах, судах, ПТУ [5].

Попасть в обсерватор было трудно (в ход шли взятки и связи), возникали чуть ли не митинги из тех, кто не мог уехать из города. 20 августа в Керчи три сотни людей собрались в здании Орджоникидзевского райисполкома, а 24 августа там же собралось уже более тысячи иногородних [3].

Некоторые ухитрялись покинуть закрытые города в обход обсерваторов: «мы решили выехать товарняком (из Астрахани) в Махачкалу, на станции Трусово нас ссадили, день продержали в милиции и отпустили, дальше решили идти пешком, дошли до Гудермеса, там после расспросов у местного железнодорожника, который нас тут же сдал, нас повязали, и в обсерватор» [4]. Кто-то рассказал, что соседи сообщили в милицию о семье, тайком вернувшейся из Одессы в Ленинград, которую тут же отправили в обсерватор [6]. Нарушение свободы передвижения мешало работе и учебе: «один наш студент ходил пешком из Каспийска в Махачкалу какими-то тайным тропами, чтобы попасть на занятия» [4]. Нарушали правила и люди, в силу службы,

надолго разлучавшиеся со своими семьями: «друг работал на корабле, они пришли с плавания и их долго на берег не выпускали. Но они переплыли, сошли, сходили к семьям, а потом вернулись на корабль» [7].

Одним из карантинных правил был запрет на купания и рыбалку, поскольку холера передается через воду. Но и это правило тоже нарушалось, так как эпидемия пришлась на пик южного лета. Государство реагировало на нарушения способом, хорошо знакомым наблюдателям сейчас — наказывало рублем: «милиционеры на моторках Волгу патрулировали. Нарушителей штрафовали [5, комментарии]. Дети и подростки были первыми нарушителями: «родители что-то говорили про холеру, а нам было все равно! Мы купались на своей Царевке» [7]. Взрослые порой тоже не отставали: «увидев милицию, люди неохотно выходят из воды, чтобы минуты через две снова бултыхнуться в Волгу» [8]. Даже граждане, добившиеся разрешения на выезд и размещенные перед выездом на карантин в обсерваторы, нарушали правила, рискуя лишиться права отъезда: «купаться официально не рекомендовано, но заключённых в обсервации — средний возраст лет 20 — не удержать» [9].

Одной из категорий нарушителей были верующие. Как и сейчас, попытки убедить священников соблюдать санитарные нормы в условиях эпидемии натолкнулись на сопротивление. Материалистическая картина мира столкнулась с религиозным мировоззрением, согласно которому религиозные действия, даже антисанитарные, — направлены против эпидемии.

В дни пандемии COVID-19 Иверский кафедральный собор Воркуты разметил на своей странице в соцсети «Вконтакте» страницы из дневника Иоанна, епископа Сызранского и Куйбышевского, об эпидемии холеры 1970 года. В них рассказывается, что поступило распоряжение не причащать, не давать верующим прикладываться к иконам, кресту. Епископ пишет, что «в Петропавловской церкви успели ограничить причастников, а в Покровской, слава Богу, успели всех причастить из чаши». Сообщает, что священник И. Савин лишен регистрации за то, что не подчинялся решению комиссии по предупреждению холеры. На самого автора дневника наложили штраф за целование икон [10, с. 210–218].

Если сейчас мы повсюду видим жидкие санитайзеры, то в 1970 г. царицей дезинфекции была хлорка: ею посыпали дороги, пороги домов, ее раствором ополаскивали руки, и пропитывали бинты, которыми оборачивали ручки дверей. На входе в учреждения были поддоны с влажной ветошью в хлорном растворе для вытирания обуви [6]. Те, кто вспоминает о той эпидемии, говорят об экологической цене профилак-

тики с помощью химических веществ: «в речки и озера сбрасывали бочки с кислотой, убивали не только холеру, но и всю живность» [11].

Государство вовсю задействовало в борьбе не только химическую, но и фармацевтическую промышленности: для профилактики населению предлагалось принимать тетрациклин (его раздали более 1 млн человек) [2, с. 38] и соляную кислоту. Некоторые астраханцы особо отмечают, что тетрациклин надо было выпить непременно при медработнике, который его выдал, что лишний раз напоминает нам о проблеме недоверия государства гражданину [7]. Более ста тысяч человек были привиты от холеры, впрочем, вакцина была недостаточно эффективной [2, с. 38]. Ну и конечно, в ход шло мытье рук и профилактические беседы.

На предприятиях, судах, школах люди сдавали анализы — пресловутую форму-30 (пробы из прямой кишки с помощью петли из алюминиевой проволоки), ставшую объектом многочисленных шуток.

Население предпочитало менее жесткий отпор холерному вибриону: чеснок, вино, грецкие орехи, водка [5]. Народная мудрость порой предлагала довольно экзотические способы обеззараживания продуктов питания: «мама покупала хлеб и обжаривала его над газом» [12]. «Бублики обжаривали над газовой горелкой, фрукты и овощи обдавали горячей водой или кипятком» [6]. Люди особенно опасались за детей: «мама в мае родила сестренку, стирала пеленки и купала ее только в кипяченой воде» [7].

Работа на эпидемии всегда требовала мобилизации системы здравоохранения. Все медработники были отозваны из отпусков. Некоторые жили на рабочих местах, опасаясь занести инфекцию домой [6]. Студенты-медики делали подворовые обходы, брали мазки на анализ, разносили тетрациклин по квартирам. Власти перепрофилировали больницы под работу с больными и контактными [5]. В Крыму были быстро возведены строения на случай роста числа заболевших [13]. Несмотря на комплекс мер, предпринимаемых властями, в Одессе, например, не хватало транспорта для госпитализации и коек для больных [3]. Государство позаботилось о вознаграждении медиков, работавших во время вспышки: «у медиков двойная зарплата была, но тоже с задержкой» [6].

Результаты бактериологического анализа не всегда совпадали с клинической картиной заболевания, что знакомо нам по пандемии коронавирусной инфекции. К примеру, из 305 заболевших за август в Украинской ССР лишь у 221 человека диагноз «холера» был подтвержден бактериологически [3].

Кризисные ситуации часто способствуют дискуссиям об эффективности управления страной. Большинство комментаторов позитивно оценивают действия государства: «грамотно и оперативно сработано было; на высоте были все: врачи-эпидемиологи, авиация ВВС и государство» [14]. Они с ностальгией говорят об атмосфере стабильности и уверенности, якобы царивших в 1970 году. Меньшее число комментаторов признают, что нервозность все же присутствовала: «Честно? Страшно было!», «вызвала дома ужас и скандал от мужа и моей мамы» согласием работать в больнице [6; 7]. Да и источники времен холеры указывают, что, как минимум, нервозность и недоверие власти присутствовали. Так, КГБ цитировало в сводках мнения, что «местное руководство только и беспокоится, как бы удержаться на должности, и поэтому делает глупости», что «санитарно-эпидемиологические службы к эпидемиям не готовы, бороться действенно с ними не могут» [3].

Власть при этом подавляла малейшие попытки активности и проявления недовольства со стороны общества. Чиновники из администрации Керчи провели беседу с учительницей из Москвы, посмевшей собирать подписи за создание возможности выехать из закрытого на карантин города. После беседы учительница «осудила свой поступок и заверила, что впредь не допустит подобных действий» [3].

Среди причин недоверия и нервозности — нехватка информации. Даже само слово «холера» появилось в печати ближе ко времени победы над инфекцией. До этого использовались эвфемизмы вроде «острая желудочно-кишечная инфекция». СМИ ограничивались публикацией рекомендаций о мерах профилактики этого рода инфекций [15, с. 165].

Закрытость информации и нервозность, естественно, порождали самые невероятные слухи, которые сейчас назвали бы фейками: «как человек заболел, через три часа умирает, зарывают где-то в степи», «из десяти заболевших умирает пять», «в Одессе лишь за три дня скончалось 600 человек», «Одесса окружена колючей проволокой, и штабелями лежат трупы по улицам, а здоровые люди ходят в комбинезонах с масками» [2], «из Астрахани трупы вывозили эшелонами» [16], «по Волге трупы плывут»[7].

На этом фоне удивительным кажется, что советская цензура кажется кому-то примером правильной политики. Так, председатель Общественной палаты Крыма Г. Иоффе заявил в 2020 году, что «при тоталитарном режиме победить эпидемию было проще», так как «по счастью не было блогеров и соцсетей» [17]. Многие респонденты разделяют мнение Г. Иоффе, с ностальгией вспоминая государственный патернализм, утверждая, что СССР победил инфекцию «без шума и паники».

Если нынешняя пандемия приписывается испытателям биологического оружия и мифическим злодеям, задумавшим чипировать население, то в 1970 году были предположения про «акт агрессии со стороны империалистических государств», про завоз холеры из бедных стран Азии и Африки, которым помогал СССР. КГБ даже изучал контакты советских граждан с иностранцами, проверялся интерес последних к источникам водоснабжения, канализационным системам [3]. Были и гораздо более реалистичные объяснения. В своих сводках КГБ цитирует инженера О., утверждавшего что происходящее — результат плохой организации систем очистки воды [3].

Шутки о тяжелых событиях помогают людям переключить свои эмоции со страха на веселье. Недаром во время эпидемии созданы шуточные песни (в том числе В. Высоцким), стихи и даже листовки, подписанные якобы Л. Брежневым: «если у вас появится признак холеры, ложитесь, товарищи, на кровать и спокойно умирайте, потому что холера неизлечима». Люди и сейчас со смехом вспоминают про способ взятия анализов на холеру, шутки над друзьями на тему количества сданного биоматериала.

Эпидемии, войны и другие катастрофы в истории человечества всегда использовались для извлечения уроков. Главным уроком вспышки холеры стало напоминание о необходимости заботиться о чистоте воды в водоемах, из которых осуществлялся водозабор. В 1972 году вышло постановление, которое обязывало сливать канализационные воды от пассажирских и грузовых судов в специальные пункты приема [2]. Были внесены изменения в практику торговли: если верить воспоминаниям, с 1970 года в Астрахани ввели обязательные целлофановые пакеты под хлеб [18], появились металлические вилки в хлебных отделах (чтобы продавцы не брали хлеб руками для передачи покупателю). Был перекрыт доступ к водопроводной воде в общественных местах: «в Астрахани исчезли „холерники“ — питьевые „бюветы“» [7]. Последний пример демонстрирует, что коммеморация может проявляться не только через возведение объектов, но и через их демонтаж. Зато в школах появились «бачки с кипяченой водой» [12]. Некоторые астраханцы отмечают, что с тех пор не пьют сырую воду [7]. Курортников обеспечили новыми туалетами: «мы были в Крыму в июле 1971 года… Все кусты, которые прежде использовались отдыхающими в качестве сортира, были вычищены. Везде были построены туалеты, в которых регулярно проводили уборку» [13].

Итак, что же люди, живущие во время пандемии COVID-19 помнят о холерном лете 1970 года? В первую очередь карантин и его нарушителей. Власти создавали карантинные правила, а граждане их наруша-

ли (в частности, запреты на перемещение в пространстве и купание). Одной из категорий нарушителей были верующие, как носители нематериалистического мировоззрения.

Исследователи исторической памяти говорят о ее детерминированности интересами индивидов и общества. Это положение подтверждается нашим кейсом. Несвобода эпохи коронавирусной самоизоляции предопределяет особый упор респондентов на то, что карантин в 1970 году был легче — выходить из квартир было можно. Нам показалось интересным абсолютное отсутствие осуждения нарушителей карантина. Мало того, нарушители рассказывают о нарушении, как о некоей удали — сумели обойти посты, придумали надеть платки, чтобы сойти за местных колхозниц, выдержали многодневное пешее путешествие. Если же нарушителя ловили, то акцент смещается на предательство, пагубную законопослушность государственных служащих или предательство соседей. Государство по-прежнему не считается зазорным обмануть. Респонденты не говорят о потенциальных негативных последствиях нарушения карантина в виде заболевших и умерших.

Опять-таки актуальный интерес — потеря большим числом людей доходов во время эпидемии COVID-19, предопределяет акцент нарративов на богатство и силу советского государства. Людям, которые не могли своевременно покинуть очаг холеры, государство оплачивало больничные; прививки, лекарства, хлорка, питание и проживание в обсерваторах (иногда в хороших санаториях и дорогих теплоходах) были бесплатными, в магазинах стало больше продуктов. То есть, согласно воспоминаниям, в материальном отношении люди от вспышки холеры не проиграли.

Еще один интерес, влияющий на акценты воспоминания — усталость от интенсивного информационного потока по поводу коронавируса, детерминирует существование мифа о том, что в холерное лето 1970 года не было паники и страха. Судя по описываемым малым числом респондентов слухам, страх и нервозность все же были. Обилие шуток и страшных слухов на тему холеры также указывает на значительное эмоциональное воздействие вспышки на психологическое состояние общества.

Важная часть нарратива о холере задана ситуацией выхода из обыденности — массовым применением дезинфицирующих веществ для обработки поверхностей (хлорка) и антибиотиков внутрь (тетрациклин).

Коммеморация холеры на бытовом уровне все еще с нами, как на уровне организации водоснабжения, так и в быту: некоторые до сих

пор пьют только кипяченую воду, а некоторые респонденты упоминают, что прожаривали хлеб над газовой конфоркой спустя десятилетия после вспышки холеры.

Рассказы о холере наложились на идентичность региона: одесситы вспомнили анекдоты, юмореску М. Жванецкого, шуточные песни и стихи о холере; астраханцы — запрет на рыбалку и арбузы; волгоградцы — жаркое лето и купания несмотря на запреты; жители Дагестана рассказывали про тайные горные тропы, которыми пользовались нарушители карантина и запрет выезда из карантинных городов даже на похороны в родовые села.

Нам показалось интересным, что среди воспоминаний было много однотипных рассказов. Респонденты видели, что до них тот или иной факт уже был упомянут, но считали нужным повторить какие-то нарративы, возможно, желая обрести чувство единства и общности с другими участниками акта коммеморации.

Литература

1. Сорокина Т.С. История медицины. М., 2007.

2. Попов Ф. Эпидемия холеры в СССР // Исторический архив. Апрель–июнь 2011 г. С. 36–39.

3. Андрющенко Э. Бунты курортников и крестный ход. Эпидемия холеры в Одессе 1970 года в документах из архива КГБ // Настоящее время. 11.02.2020. URL: https://www.currenttime.tv/a/odessa-cholera-kgb/30427283.html

4. Был такой город. URL: https://www.facebook.com/groups/sanaeva.polinka/permalink/2738714979588403

5. Степнова А. Как полвека назад Волгоград победил эпидемию холеры // В1. URL: https://v1.ru/text/health/69099883

6. Моя Одесса. URL: https://www.facebook.com/groups/myodessa/permalink/2964864680249451

7. Астрахань. URL: https://www.facebook.com/groups/gorod30/permalink/2488361058142317

8. Волгоград. URL: https://www.facebook.com/groups/1031271506940790/permlink/2995514643849790

9. Холера в Крыму-1970 // Живой журнал. 24.08.2015. URL: https://drontophile.livejournal.com/75411.html

10. Снычев И. Симфония жизни и служения. Дневниковые заметки. С. 210–218 // Страница Иверского кафедрального собора Воркуты Вконтакте. 18.05.2020. URL: https://vk.com/iversky_hram?w=wall-10143199_1552

11. Новороссийск однажды уже победил эпидемию холеры. Мы верим, что победим и сейчас // Новороссийский рабочий. 28.03.2020. URL: https://novorab.ru/2020/03/28/novorossijsk-odnazhdy-uzhe-pobedil-epidemiyu-holery-my-verim-chto-pobedim-i-sejchas

12. Синявская Н. Как кишиневцы переносят эпидемию вспоминая о похожих // КП-Молдова. 17.03.2020. URL: https://www.kp.md/daily/27104.5/4178822

13. Крымоустройство. URL: https://www.facebook.com/groups/crimealife/?post_id=772819412808472

14. Холера 1970. Мемуары в комментариях // Живой журнал. 18.04.2020. URL: https://galinam.livejournal.com/241620.html

15. Попов А. «Не конец ли Крыму?»: интерпретации катастроф XX в. в фольклоре и медиа // Newslore вчера и сегодня. С. 155–179. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/031/popov.pdf

16. Томская Е. Холерное лето 70-го // Волжская правда. 26.04.2020. URL: https://gazeta-vp.ru/holernoe-leto-70-go-rovno-polveka-nazad-strashnuyu-epidemiyu-v-volzhskij-privezli-na-teplohodah

17. Ампелонская А. Глава ОП Крыма пожаловался на права человека, которые мешают бороться с коронавирусом // Znak.com. 16.05.2020. URL: https://www.znak.com/2020-05-16/glava_op_kryma_pozhalovalsya_na_prava_cheloveka_kotorye_meshayut_borotsya_s_koronavirusom

18. Долиев М. Эпидемия холеры в Астрахани 1970–1973 // Живой журнал. 2.04.2020. URL: https://mikhail-doliev.livejournal.com/479988.html

Д.С. Филатов, В.Н. Козулин
Формирование образа США в российском историческом сознании в XIX веке

В начале XIX века начинается сближение между Россией и США. Этому сближению способствовала как мировая политическая обстановка — войны России с наполеоновской Францией и война США с Великобританией, так и расширение культурных связей, горизонтов взаимопознания. В это время многие представители русской культурной и дипломатической элиты знакомят американцев с Россией и сами составляют очерки об Америке.

Официально дипломатические отношения между США и Россией были установлены в 1807 году посредством личной переписки императора Александра I и американского президента Томаса Джефферсона. На основе этой переписки было решено отправить из России первую

дипломатическую миссию. Первым генеральным консулом России в США стал Андрей Яковлевич Дашков (1775–1831), который прибыл в Америку в июле 1809 года.

Первое, что отметил Дашков по прибытии в Америку — это свобода прессы. В те времена в России пресса подвергалась жесткой цензуре и была не так многочисленна как в «Новом свете». В столице молодого государства — Вашингтоне, отмечал А.Я. Дашков, «каждый ремесленник и вольный гражданин читает газету, рассуждает о политике по-своему и считает себя пригодным для любой должности в правительстве. Ремесленники, владельцы гостиниц и даже палачи требуют быть депутатами, генералами, полковниками и т. д.» [1, p. 1092]. Также Дашков отмечал огромное влияние прессы и общественного мнения в США. Например, во время противостояния федералистской партии, которая симпатизировала России, и республиканской партии, которая отдавала свое предпочтение Франции. «Лица Американской Администрации боятся высказываться против политики России, так как не осмеливаются противоречить в этом вопросе общественному мнению, боясь повредить своей популярности, которую они поддерживают с таким трудом и с помощью стольких интриг», — говорил Дашков [2, с. 567]. Чаще всего в период своего пребывания в США генеральный консул отмечал «лицемерие американских властей» и несовершенство американской системы правления.

Участником дипломатической миссии был также Алексей Григорьевич Евстафьев (1783–1857) — дипломат, публицист, драматург, переводчик. Переоценить вклад данного дипломата в формирование образа США в России невозможно. Евстафьев прослужил на месте консула, а также генерального консула России в США в Нью-Йорке суммарно пятьдесят лет, что делает его опыт незаменимым для формирования образа Северо-Американских Соединенных Штатов (как их тогда называли) в российском историческом сознании. Начало дипломатической карьеры Евстафьева связано с одним его публицистическим выступлением в защиту международной позиции России. Тильзитский мир вызвал рост антирусских настроений в Англии. Чтобы точнее донести позицию России, Евстафьев, пользуясь тем, что он хорошо знал английский язык и вообще был очень образованным человеком, опубликовал брошюру, которую заметили как в Англии, так и на родине. Сразу же после этого его, как говорится, заметили, и он был назначен на должность «актуариуса» и в 1808 году был отправлен за океан в составе первой «команды» русских дипломатов. На протяжении всей своей карьеры Евстафьев отстаивал позиции России, публикуя различные произведения, которые знакомили американскую обще-

ственность с русской самобытной культурой. Вот только неполный список произведений, который он опубликовал: “Reflections, Notes and Anecdotes, Illustrating the Character of Peter the Great” (Boston, 1812; 2-е изд. — 1814); “The Resources of Russia in the Event of a War with France” (3 изд. — London, 1813 и Boston, 1813); «Demetrius, the Hero of the Don» (эпическая поэма в 7 песнях, Boston, 1818).

Но наиболее интересным для нас его произведением является исследование о Соединенных Штатах Америки, которое, к сожалению, не было опубликовано. Эта монография явилась важным фактором, необходимым для понимания того, как формировался образ США в России уже в середине XIX века. Поводом к написанию этой книги стал кризис Венской системы международных отношений, в частности «Весна народов» 1848–1849 гг. В 1852 году происходит заметное охлаждение отношений США с Россией. Именно в этот момент Алексей Григорьевич написал свою книгу, под названием «Великая республика, проверяемая прикосновением истины». В самом начале Евстафьев заявляет о противоречивости, которая характеризует весь «демократический американский мир»: одни «изображают ее как истинный свет», а другие «проклинают ее, как… сирену со змеиным глазом… сеющую везде, где она может, драконьи зубы революции». Он говорит о том, что, несмотря на огромные достижения, за такой небольшой, на тот момент, период американской истории, в самой основе государственности нарушен баланс.

Автор критикует и взаимоотношения американцев с внешним миром. Можно сказать, что Евстафьев впервые использует термин, который в будущем будет называться «американской исключительностью»: «Ни один другой народ так не любит порицать других, и ни один так не чувствителен к порицаниям сам» [3]. Также американцы, по мнению русского дипломата, «нетерпимы к свободному мнению, противоречащему их собственному. Грубы, если их независимость недооценена; судят о людях и вещах по своим собственным стандартам и осуждают всё, что, в их оценке, стоит ниже них». Евстафьев высказывает и схожую с А.Я. Дашковым мысль о лицемерии и эгоизме американского народа [3, с. 31–34]. Дипломат говорит о нетерпимости американцев к «иному» во всех сферах общества. Можно сказать, что этот некий американский консерватизм в будущем еще сыграет свою роль. На страницах своей книги Евстафьев говорит о проблемах не только американского общества, но и демократии в целом, он «объявляет войну» вовсе не американскому народу, которым он, наоборот, восхищается, а «американской змее».

Все это «работает» на формирование противоречивого образа США. С одной стороны, для русской аристократии Америка становится страной свободы, технологий, высококлассного образования, прекрасных людей и культуры, но с другой — это страна рабства, лицемерия, эгоизма и вечной войны между республиканцами и федератами. В следующих абзацах своей книги Алексей Григорьевич говорит о некоторых неоспоримых преимуществах России перед США. Он всячески старается показать, что «русский мир» ничем не хуже, он просто другой. Удивительно, что А.Г. Евстафьев еще во время кризиса Венской системы, одним из первых, осознал будущую биполярность мира: «У Европы теперь только два пути развития — это американский и русский. И революционеры предпочитают выбирать путь Америки, нежели России». Можно сказать, что своими мыслями, изложенными в этой книге, он во многом предвосхитил развитие международных отношений в XX и XXI веках. Из двухсот с небольшим лет истории русско-американских отношений, Алексей Григорьевич Евстафьев являлся их участником на протяжении пятидесяти лет, что делает его опыт уникальным.

В 1811 г. на дипломатическую службу в США был послан Павел Петрович Свиньин (1787–1839) — дипломат, художник и литератор. Он находился в Америке до 1813 года в качестве секретаря генерального консула в США Н.Я. Козлова. Во время своего пребывания в США Свиньин начал сотрудничать с Филадельфийским журналом и выпустил сборник «Очерк о Москве и Петербурге» на английском языке. В нем он высказал важные идеи о близости России и США, которые в дальнейшем получат свое развитие у многих деятелей политики и культуры, таких как, например, П.А. Чихачев, А. де Токвиль и др.

Также Свиньину удалось попутешествовать по США в период своей миссии. В 1815 г., после возвращения в Россию, он выпустил книгу «Опыт живописного путешествия по северной Америке» в которой подробно описал быт американцев. Любопытны некоторые его замечания: «Мне весьма нравится, что на каждом перекрестке прибита доска с надписью: „Закон повелевает держаться правой стороны“. И от того никогда не бывает споров на дорогах» [4]. Свиньин вообще постоянно подчеркивает верховенство закона в американском обществе, а также «истинное равенство» (среди белокожего населения): «Не надобно искать здесь глубокомысленных профессоров и искусных артистов — но вы удивитесь справедливому понятию о вещах последнего гражданина, что относится и ко всей Америке. Сын первого банкира идет в одну школу с сыном беднейшего поденщика. Каждый учит географию земли своей, первые правила арифметики и некоторые поня-

тия о других науках; от того всякой здешний мужик не только не удивляется лунному затмению или комете, но рассуждает о них довольно правильно» [4].

Свиньин не обошел вниманием и немаловажную тему, что, несмотря на равноправие среди белокожего населения, у черных по отношению к белым нет никакого равенства и прав. Впоследствии эта проблема станет красной нитью в описаниях и размышлениях о США русской аристократии (в середине и в конце XIX века). Вот что писал, в частности, Свиньин: «Из числа попутчиков наших был мулат, но ему не позволено было сесть с нами в карету, а поместили его с кучером, также и обедал он особенно, а не с белыми. Черные в большом здесь пренебрежении. А, вероятно, он заплатил такие же деньги, как и другие пассажиры. Привычка все поправляет, и они не чувствуют своего унижения, но бедный наш Глод [негр, служивший при русском дворе, вернувшийся в это время в США за семьей], бывши в России в таком изобилии и почести, приехал сюда, и ни один белый не хотел с ним садиться вместе по обыкновению, не допускали его ни до какой компании белых, тогда-то он, бедный, почувствовал тяжесть своего положения, и если бы должен был остаться, был бы самый несчастливейший человек» [4].

В плеяде тех, кто глубоко порицал рабовладельческую систему в США, был А.С. Пушкин. В своей статье «Джон Теннер» поэт дает противоречивую характеристику Америки. Он осуждает не только рабство, но и положение индейцев, цинизм и тиранство демократии, эгоизм и алчность. Пушкин чрезвычайно точно изображает главные плюсы и минусы американской демократии, а также с гневом обличает систему рабства. Вот, что писал Пушкин об Америке: «Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавлено неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов…» [5, с. 165]. По мнению исследователя В.П. Шестакова, высказывания Пушкина связаны еще и с тем, что, отталкиваясь от образа Америки, он завуалированно критиковал крепостное право в России. Такой риторический прием (критиковать проблемы своей страны, проецируя на

другие государства) в будущем станет достаточно популярной практикой [6, с. 74–78].

Но среди представителей русской культуры было много симпатизантов американской культуры. Одним из таких симпатизантов был Лев Толстой. Так, в письме к Эдуарду Гарнету от 21 июня 1900 г. Толстой писал: «Если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я бы постарался бы выразить ему мою благодарность за ту помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гарисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо, не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди них назову: Ченнинга, Уинтера, Доуэло, Уитмена — блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти в мировой литературе» [7, с. 392].

Другим безусловным симпатизантом США, американской культуры и образа жизни был, например, известный русский юрист, специалист по международному праву Федор Федорович Мартенс, представивший в своих «Американских впечатлениях» (очерке, опубликованном в журнале «Вестник Европы» в 1902 г.) восхищенный взгляд на Америку русского либерала [8].

Подводя итог, можно сказать, что формировавшийся на протяжении всего XIX века в российском историческом сознании образ США был неоднозначным. Эта неоднозначность, многослойность образа, который формировался на протяжении веков, говорит не только о демократичности и широте русской культуры, но и о неоднозначности мирового порядка, а также положения США в нем. Важно также отметить, что многие стереотипы восприятия США, американского общества и государства сохраняются до сих пор и часто используются в публицистике и в пропаганде. Таким образом, в какой-то мере они оказывают влияние и на формирование политики памяти в отношении США в современной России.

Литература

1. Despatch from Andrei Ia. Dashkov to Nikolai P. Rumiantsev, September 1/13, 1814 // Bashkina et al., United States and Russia. Washington, 1980.

2. Болховитинов Н.Н. Россия и США: Становление отношений 1765–1815. М., 1980.

3. Курилла И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М., 2018.

4. Свиньин П.П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1818. URL: https://elib.rgo.ru/safe-

view/123456789/217485/1/b3BpdF9qaXZvcGlzbm9nb19wdXRlc2hlc3R2aXlhLnBkZg==

5. Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. VI. Критика и публицистика. М., 1962.

6. Шестаков В.П. Русское открытие Америки // Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей / Отв. ред. А.В. Павловская. Вып. 1. М., 1994.

7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1933. Т. 72.

8. Козулин В.Н. Либеральный взгляд на Америку в России начала XX в. URL: http://ashpi.asu.ru/talks/ths_2007/ths01/kzln.html

Список литературы по теме «Политика памяти и формирование международного имиджа страны»

Составитель — А.Н. Левкович, главный библиотекарь читального зала общественно-научной литературы Алтайской краевой научной универсальной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Книги из фондов АКУНБ им. В. Я. Шишкова

Актуальные вопросы Содружества Независимых Государств и связей России с соотечественниками за рубежом : материалы парламентских слушаний / Рос. Федерация, Гос. Дума; [сост.: М. И. Кротов и др. ; под общ. ред. Л. И. Калашникова]. – Москва : Изд. Гос. Думы, 2017. – 238, [1] с.: ил.

Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке / [В. А. Аватков и др.] ; под ред. Т. В. Кашириной и В. А. Аваткова ; Дипломат. акад. М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – 2-е изд. – Москва : Дашков и К°, 2018. – 410 с.

Алексеева, И. Ю. Философия исторической памяти / И. Ю. Алексеева, А. П. Алексеев // Вопросы философии. – 2018. – № 10. – С. 67-76.

Амин, С. Дискуссия о марксизме в Поднебесной / Самир Амин, Массимо Д' Алема ; беседовал Г. Цаголов // Наш современник. – 2018. – № 7. – С. 286-288.

Аникин, Д. А. Символическая борьба с советским прошлым: парад в контексте политики памяти / Д. А. Аникин // Власть. – 2014. – № 2. – С. 139-142.

Арабский кризис : угрозы большой войны / [Б. В. Долгов и др.] ; под общ. ред. акад. А. М. Васильева ; отв. ред. А. Д. Саватеев, А. Р. Шишкина ; Ин-т Африки РАН, Центр цивилизац. и регион. исслед., Нац. исслед. ун-т Высш. шк. экономики, Науч.-учеб. лаб. мониторинга рисков социал.-полит. дестабилизации. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2016. – 337 с.: ил.

Ассман, А. Длинная тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – Москва : Новое лит. обозрение, 2014. – 323, [1] с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас»). -Пер.изд.: Assmann, Aleida Der Lange Schatten der Vergangenheit. – Munchen, 2006.

Ахременко, А. С. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира?: опыт эмпирического

исследования / А. С. Ахременко, И. Е. Горельский, А. Ю. Мельвиль // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 49-68.

Багдасарян, В. Э. Россия – Запад : цивилизационная война / В. Э. Багдасарян. – Москва : Форум: ИНФРА-М, 2018. – 408, [1] с. – (Научная мысль).

Бартош, А. А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция / А. А. Бартош. – Москва : Горячая линия-Телеком, 2018. – 281, [1] с.

Басов, Ф. А. Антироссийские санкции как тест для общей внешней политики Евросоюза / Ф. А. Басов // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 10. – С. 55-63.

Белов, С. И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» / С. И. Белов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25 «Международные отношения и мировая политика». – 2018. – Том 10. – № 1. – С. 165-184.

Беляков, А. В. Россия и Китай. Две твердыни : прошлое, настоящее, перспективы / Анатолий Беляков, Олег Матвейчев. – Москва : Книжный мир, 2017. – 378, [1] с.: ил.

Биткова, Т. Г. Внешнеполитические ориентиры Румынии: аналит. обзор / Т. Г. Биткова ; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, [Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. проблем, Отд. Европы и Америки, Сектор Вост. Европы]. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 96 с. – (Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России).

Биттнер, В. США завоевывают Европу : стратегия дестабилизации, эскалации и милитаризации на примере событий на Украине / Вольфганг Биттнер ; [пер. с нем. С. Ромашко]. – Москва : РОССПЭН, 2016. – 166, [1] с.: ил., портр. – Пер. изд.: Bittner, Wolfgang Die Eroberung Europas durch die USA. – Frankfurt, 2015.

Бобров, А. Дипломатия публичная или общественная – вот в чем вопрос / А. Бобров // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С. 188-197.

Богатуров, А. Д. История международных отношений, 1945–2017: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Междунар. отношения» и «Зарубеж. регионоведение» / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 559, [1] с.

Бордюгов, Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Геннадий Бордюгов ; предисл. Алана Касаева. – Москва : АИРО-XXI, 2011. – 255 с.: ил. – (Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ).

Браун, Дж. Антибрендинг России в американских медиа / Д. Браун // Международные процессы. – 2018. – Т. 16, № 2 (53): Апрель-июнь. – С. 91-121: 3 табл.

Василенко, И. А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И. А. Василенко // Власть. – 2013. – № 7. – С. 24-28: 2 табл.

Василенко, И. А. Имиджевая стратегия России: основные направления и приоритеты / Ирина Василенко // Государственная служба. – 2012. – № 4. – С. 22-27.

Василенко, И. А. Имиджевая стратегия современной Бразилии: слагаемые успеха, проблемы и перспективы / И. Василенко // Государственная служба. – 2013. – № 3. – С. 91-94: 3 табл.

Василенко, И. А. Создавая образ России : социокультурные основы имиджевой стратегии России / И. А. Василенко //Свободная мысль. – 2014. – № 1 (1643). – С. 87-94.

Васильев, В. И. Стратегические императивы Германии / В. И. Васильев //Обозреватель. – 2018. – № 3 (338). – С. 6-25.

Васильева, О. А. Национальный брендинг России / О. А. Васильева // Маркетинг. – 2014. – № 1 (134). – С. 54-59: табл.

Великая, А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке / А. Великая // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С. 169-187.

Внешнеполитический процесс на Востоке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Междунар. отношения» и «Зарубеж. регионоведение» / [В. А. Аватков и др.] ; под ред. Д. В. Стрельцова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 349, [1] с.

Внешняя политика России, 1991–2016 / [Т. А. Шаклеина и др.] ; под общ. ред. и с предисл. акад. А. В. Торкунова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – Москва : МГИМО-Университет, 2017. – 538, [1] с.

Воробьёв, С. В. Историческая память как фактор «мягкой силы» / С. В. Воробьёв, Т. В. Каширина // Вопросы истории. – 2018. – № 1. – С. 111-114.

Воронов, К. В. «Полтавский синдром» Швеции: тяжкое политическое наследие / К. В. Воронов // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 12. – С. 75-82.

Восточная Европа: межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в. : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук , Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, [Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. про-

блем, Отд. Вост. Европы; редкол.: Ю. И. Игрицкий (отв. ред.) и др.]. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 167 с. – (Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России).

Гасымлы, М. Внешняя политика Азербайджанской Республики (1991–2003) : [в 2 ч.] / Муса Гасымлы ; М-во иностр. дел. Азерб. Респ. – Москва : ИНСАН, 2016. – Ч. 2. – 2016. – 688 с., [16] л. ил., табл., карт.

Герасимов, Г. Исторический суверенитет и историческая политика / Григорий Герасимов // Эксперт. – 2018. – № 11. – С. 54-56.

Глобальные элиты в схватке с Россией / Александр Проханов [и др.]. – Москва : Кн. мир: Изборский клуб, 2017. – 509, [1] с.: ил. – (Коллекция Изборского клуба).

Государственная политика и управление : учеб. пособие для вузов / [Н. С. Григорьева и др.] ; под. ред. проф. А. И. Соловьева. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 478, [2] с.: ил.

Грачиков, Е. Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей / Е. Н. Грачиков. – Москва : Русайнс, 2017. – 233 с.: ил.

Гущин, В. И. В Елгаве славят Сметону / Виктор Гущин // Стратегия России. – 2018. – № 11. – С. 17-18.

Дробот, Г. А. Лидерский потенциал России в глобальной политике / Г. А. Дробот // Вестник Московского университета. Сер. 27 «Глобалистика и геополитика». – 2018.– № 2. – С. 28-40.

Забара, Л. И. Геополитический имидж России в современном медийном пространстве / Л. И. Забара // Социум и власть. – 2018. – № 6. – С. 117-121.

Завгаев, Д. Мемориальная работа за рубежом как эффективный механизм укрепления взаимопонимания между народами / Д. Завгаев // Международная жизнь. – 2018. – № 8. – С. 85-90: фот. цв.

Загорский, А. В. Россия в системе европейской безопасности / А. В. Загорский ; Нац. исслед. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е. М. Примакова Рос. акад. наук. – Москва : ИМЭМО РАН, 2017. – 139 с.: ил.

Зайдениц, Ш. Эти странные немцы : пер. с англ. / Штефан Зайдениц, Бен Баркоу. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 136, [1] с.: ил. – Пер. изд.: Zeidenitz, Stefan Xenophobe’s guide to the germans/ Stefan Zeidenitz, Ben Barkow.

Звягельская, И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия : глобальные тренды в региональном исполнении / Ирина Звягельская ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Ин-т востоковедения РАН. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 217, [3] с.

Зыгарь, М. В. Война и миф / Михаил Зыгарь. – Расш. и доп. изд. – Москва : АСТ, 2017. – 315, [3] с. – (Ангедония. Проект Данишевского).

Иванюк, С. «Швед, русский – колет, рубит, режет…» : как в современной Полтаве глумятся над памятниками нашим предкам и их великой победой / С. Иванюк // Родина. – 2018. – № 7. – С. 109-112: 8 фото.

Ивашенцов, Г. А. Корейский тигр : впечатления и размышления посла России в Южной Корее / Глеб Ивашенцов. – Москва: Алгоритм, 2017. – 206, [1] с., [8] л. цв. ил.

Ильин, И. В. Теория и практика политической глобалистики / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, А. С. Розанов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. глобальных процессов, Каф. глобалистики. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2013. – 294, [1] с., [4] л. ил.: ил. – (Основы глобалистики. Политическое измерение).

Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / [И. А. Василенко и др.] ; под ред. И. А. Василенко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. политологии, Каф. рос. политики. – Москва : Междунар. отношения, 2013. – 358, [1] с.: ил.

Ислам в мировой политике в начале XXI века : учебное пособие / [А. М. Ахунов и др.] ; под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Каф. востоковедения. – Москва : МГИМО-Университет, 2016. – 344, [2] с.

Историческая политика в XXI веке : [сборник статей] / науч. ред.: А. Миллер, М. Липман. – Москва : Новое лит. обозрение, 2012. – 646, [1] с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас». Антропология, философия, политология, история).

История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени : [сборник] / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Гос. ун-т гуманитар. наук; под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2006. – 767 с. – (Образы истории).

Кайзер, Н. Ю. Трансформация образов России в общественном мнении населения провинциального региона РФ: (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук / Кайзер Наталья Юрьевна ; [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2010. – 18 с.: ил.

Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям «Междунар. отношения» и «Регионоведение» / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – Москва : Междунар. отношения, 2016. – 838, [1] с.: ил., портр. – (История внешней политики зарубежных стран).

Карпов, С. П. Размышления о понимании истории / С. П. Карпов // Вестник Московского университета. Сер. 9 «История». – 2018. – № 1. – С. 3-17.

Кирьянов, О. В. Южная Корея / Олег Кирьянов. – Москва : Рипол Классик, 2017. – 350, [1] с., [16] л. цв. ил.

Ковальчук, Ю. С. О чем думают японцы? : 1639 фактов : от сегуна до Toyota / Ю. Ковальчук. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 287 с. – (Глазами иностранцев).

Кознова, И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России / Ирина Кознова. – Москва: РОССПЭН, 2016. – 463 с., [8] л. ил. – (История сталинизма / Совет При Президенте Рос. Федерации по развитию гражд. о-ва и правам человека и др.).

Коленько, С. Г. Менеджмент в социально-культурной сфере : учебник и практикум для СПО / С. Г. Коленько. – Москва : Юрайт, 2017. – 369, [1] с.: ил.

Копосов, Н. Е. Память строгого режима : история и политика в России / Николай Копосов. – Москва : Новое лит. обозрение, 2011. – 315, [1] с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас». Антропология, философия, политология, история).

Коровин, В. М. Геополитика и предчувствие войны. Удар по России / Валерий Коровин. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 286, [1] с.

Коростелев, С. В. Основы теории легитимации актов применения силы для защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях становления новой геополитической модели мира / С. В. Коростелев. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2018. – 287 с.

Кошкин, А. А. Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова / Анатолий Кошкин ; с предисл. Николая Старикова. – Санкт-Петербург : Питер, 2018. – 445, [1] с. – (Николай Стариков рекомендует прочитать).

Красильникова, Е. И. Коммеморативное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 71-75.

Красильникова, Е. И. Октябрьские торжества в западносибирских городах 1930-х гг. : коммеморативный аспект / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 49-52.

Красильникова, Е. И. Прощание с В. И. Лениным и дни памяти вождя в административных центрах Западной Сибири (1924–1941): коммеморативные практики / Е. И. Красильникова // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2014. – Т. 13, вып. 1. – С. 67-75.

Кузьминков, В. В. Россия и Япония : японский взгляд на территориальное размежевание / В. В. Кузьминков. – Москва : Квадрига: РИПОЛ классик, 2018. – 300, [3] с. – (Историко-географические исследования).

Кулиш, В. В. Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России: (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук / Кулиш Виталий Валерьевич ; [Алт. гос. пед. акад.]. – Барнаул, 2011. – 22 с.

Кьеза, Д. Русофобия 2.0 : болезнь или оружие Запада? / Джульетто Кьеза. – Москва: Э, 2016. – 283, [1] с. – (Актуальная тема).

Лавицкая, М. И. Отражение революционных событий 1917 года в российском общественном сознании / М. И. Лавицкая, А. А. Буреев // История государства и права. – 2018. – № 3. – С. 53-57.

Лазутин, Л. А. Меры укрепления доверия и безопасности : (политико-правовое исследование) / Л. А. Лазутин. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 161, [1] с. – (Научная мысль. Право).

Латов, Ю. В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времён Л. И. Брежнева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина / Ю. В. Латов // Полис: Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 116-133: ил.

Лебедева, О. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» / О. Лебедева // Международная жизнь. – 2019. –№ 5. – С. 102-111.

Левинсон, А. Три мировые войны / А. Левинсон // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 4 (96) (июль-август). – С. 123-128.

Лезина, Е. Преодоление непреодолимого / Е. Лезина; беседу вела И. Прусс // Знание-сила. – 2013. – № 7. – С. 73-79.

Лезина, Е. Преодоление непреодолимого: [беседа с политологом] / Е. Лезина; записала И. Прусс // Знание-сила. – 2013. – № 8. – С. 69-75. – Окончание. Начало: № 7.

Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века / [Т. Б. Аничкина и др.] ; под ред. В. И. Батюка ; Ин-т Соединенных Штатов Америки и Канады Рос. акад. наук. – Москва : Весь мир, 2017. – 326 с.: ил.

Лузянин, С. Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира / С. Г. Лузянин ; Ин-т Дальнего Востока Рос. акад. наук. – Москва : Весь Мир, 2018. – 323 с.

Макаркин, А. В. Память о забытой войне : политические аспекты / А. В. Макаркин // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 4 (96) (июль-август). – С. 75-85.

Малинова, О. Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов / О. Ю. Малинова // Полис: Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 37-56: ил.

Малкин, С. Г. Лаборатория империи : мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения / С. Г. Малкин. – Москва : Новое лит. обозрение, 2016. – 646, [2] с. – (История науки).

Мартынова, А. В. О чем думают непальцы? : 1768 фактов : от Катманду до дал-бата / А. Мартынова. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 303 с. – (Глазами иностранцев).

Матвеева, Н. А. Формирование социального здоровья учащейся молодежи : практ. рекомендации / Н. А. Матвеева ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Алт. гос. пед. ун-т. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 27 с.

Мерзлякова, И. Л. Историческое сознание российского общества в условиях социально-политической модернизации в конце XX – начале XXI в. / И. Л. Мерзлякова ; отв. ред. д-р полит. наук, проф. А. М. Старостин. – Москва : Русайнс, 2016. – 183 с.

Миллер, А. И. Политика памяти и историческая наука / А. И. Миллер, О. Ю. Малинова, Д. В. Ефременко // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128-140.

Мироненко, В. И. Заглянуть за нарратив. Историческая экспертиза текста Дж. Верча / Виктор Мироненко // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 144-151.

Настоящее прошлого : как обходиться с историей и памятью? : [материалы российско-немецкого коллоквиума, Москва, 19-20 июня 2008 г.] / сост. Фальк Бомсдорф, Галина Козлова. – Москва : Фонд Фридриха Науманна, Моск. бюро, 2009. – 183, [1] с. – (Библиотека либерального чтения; 22).

Национальная безопасность России в условиях глобализации: геополитический подход / [Л. В. Воронцова и др.] ; под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. – Москва : ЮНИТИ, 2018. – 231 с.

Неверов, А. Я. Формирование исторической памяти как способ манипулирования общественным сознанием / А. Я. Неверов // Социум и власть. – 2018. – № 1. – С. 134-139.

Никифоров, А. Л. Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений /

А. Л. Никифоров, Т. Д. Соколова // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 81-85.

Окороков, А. В. Советский Союз и войны в Латинской Америке / А. В. Окороков. – Москва : Вече, 2018 [т.е. 2017]. – 237, [2] с., [8] л. ил., портр. – (Локальные войны России).

От биполярного к многополярному миру : латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / [В. Л. Хейфец и др.] ; отв. ред. В. Л. Хейфец. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 493, [1] с.

Перепелкин, Л. С. Проблема «Иного» в российской жизни : феномен социальных границ и объект национально-культурной политики / Л. С. Перепелкин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. – 110, [1] с.: ил., портр.

Полицентричный ядерный мир : вызовы и новые возможности / [А. Арбатов и др.] ; под ред. Алексея Арбатова и Владимира Дворкина ; Моск. центр Карнеги. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 220, [1] с.: ил.

Руцинская, И. И. Генезис мемориального пейзажа в советской живописи сталинской эпохи / И. И. Руцинская // Вестник Московского университета. Сер. 9 «История». – 2018. – № 4. – С. 129-138.

Санаи, М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы / Мехди Санаи ; [перевод: М. Махшулов]. – Санкт-Петербург : Петерб. Востоковедение; Москва: Садра, 2017. – 313, [4] с., [1] л. портр.: табл., карты.

Святославский, А. В. История ничему не учит? / рец. А. В. Святославский // Вопросы культурологии. – 2013. – № 5 (май). – С. 82-86: порт. – Рец. на кн.: Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева ; Российский институт культурологии. – Москва : Совпадение, 2012. – 168 с.

Селентьева, Д. О. Политическая имиджелогия: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры : для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. Направлениям / Д. О. Селентьева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – 191, [2] с.

Семененко, И. С. Прошлое на переднем крае политики идентичности / И. С. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 65-76.

Серяков, М. Л. Русь: имя, образы и смыслы / М. Л. Серяков. – Москва : Вече, 2017. – 351 с.: ил. – (Неведомая Русь).

Синельников, В. В. Хранители древних знаний: тайна переписки Даррунга / Валерий Синельников и Андрей Ивашко. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 478, [1] с.: ил. – (Популярная история).

Синельникова, Е. С. Историческая память о 90-х годах XX века в России : психологические аспекты/ Е. С. Синельникова, Е. В. Зиновьева // Вестник Московского университета. Сер. 9 «История». – 2018. – № 4. – С. 74-88.

Слуцкий, Л. Чем больше американские притязания на мировое господство, тем больше шельмуется Россия / Л. Слуцкий; беседовал А. Оганесян // Международная жизнь. – 2018. – № 9. – С. 37-46: фот.

Современная мировая политика: учеб. для использования в учеб. процессе образоват. учреждений, реализующих программы высш. образования по направлениям подготовки «Междунар. отношения» (уровень магистратуры) и «Полит. науки и регионоведение» (уровень аспирантуры) / [А. В. Атаев и др.] ; под ред. д-ра ист. наук, проф. Е. П. Бажанова ; Дипломат. акад. М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – 2-е изд. – Москва : Дашков и К°, 2019. – 449 с.

Сондерс, Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения / Гарольд Г. Сондерс ; пер. с англ. Ирины Поляничевой ; под науч. ред. Александра Аксененка и Ирины Звягельской. – Москва : Аспект-пресс, 2019. – 380, [1] с., [2] л. ил.: портр.

Союзное государство Беларуси и России : от Сообщества к построению единого государства / [Р. А. Курбанов и др.] ; под ред. Г. А. Рапоты, Р. А. Курбанова ; Постоян. ком. Союз. государства Беларуси и России, Ин-т правовых исслед. и регион. интеграции РЭУ им. Г. В. Плеханова. – Москва : ЮНИТИ, 2017. – 591 с., [34] л. ил.

СССР и США в XX веке: восприятие «другого» : [сб. ст. по результатам одной из междунар. конференций] / Германский ист. ин-т в Москве, Дюссельдорфский ун-т им. Генриха Гейне, Орхусский ун-т ; отв. сост.: Беате Физелер и Роза Магнусдоттир. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 255, [1] с., [8] л. ил.

Стрелова О. Ю. Год российской истории и историческое образование / О. Ю. Стрелова, авт. Е. Е. Вяземский // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2012. – № 2. – С. 25-35.

Строганова, Е. Д. США и левые режимы Латинской Америки, вторая половина XX – начало XXI в. / Е. Д. Строганова ; Федер. агентство науч. орг., Ин-т социологии РАН. – Москва : Весь Мир, 2017. – 287 с.: портр., карты.

Сухнев, В. Ю. Неблагодарная Европа: заметки на полях санкционных списков / В. Ю. Сухнев // Стратегия России. – 2018. – № 5. – С. 31-40.

Талыбов, Р. Страны Азии в системе международных отношений : учеб. для вузов / Рза Талыбов. – Москва : ИНСАН, 2016. – 300 с.

Тиханкина, С. А. Проект «Освободители Аушвица» : опыт и проблемы / С. А. Тиханкина / Светлана Анатольевна Тиханкина // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2018. – № 1. – С. 30-34.

Тихвинский, С. Л. Восприятие в Китае образа России / С. Л. Тихвинский ; Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – Москва : Наука, 2008. – 244, [2] с.

Тюкаркина, О. М. Роль коммуникационной стратегии в формировании имиджа современной России / Ольга Тюкаркина // Власть. – 2012. – № 3. – С. 143-145.

Фарис, В. Г. Память об участии ассирийцев в Великой Отечественной войне как фактор поддержания этнической идентичности московской ассирийской общины / В. Г. Фарис // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 5. – С. 81-83.

Федорченко, Л. Политика патриотического воспитания студентов в США и Китае : сравнительный анализ / Л. Федорченко // Обозреватель=Observer. – 2019. – № 3. – С. 82-60.

Хауер-Тюкаркина, О. М. Аспекты формирования внешнеполитической имиджевой стратегии современной ФРГ / Ольга Хауер-Тюкаркина. – Владимир : Транзит-Икс, 2013. – 178, [1] с.: ил.

Шаклеина, Т. А. Россия и США в мировой политике : для магистрантов и аспирантов, обучающихся по специальностям «Политология», «Зарубежное регионоведение», «Междунар. отношения» / Т. А. Шаклеина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 332, [4] с.

Шамшева, Т. Н. Увидеть Париж – и умереть: беседа с хранителями исторической памяти на погосте русской эмиграции в Сент-Женевьев-де-Буа / Татьяна Шамшева, Николай Лопухин; беседовал В. Нордвик // Родина. – 2018. – № 9. – С. 59-69: 34 фото.

Шешунова, С. В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И. С. Шмелева / С. В. Шешунова. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2017. – 194 с.

Энтин, М. Л. В поисках партнерских отношений / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Н. И. Тнэлм ; [Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД России, Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», Ин-т Европы РАН, Балт. федер. ун-т]. – Москва: Зебра Е, 2009. – 6: Россия и Европейский Союз в 2015–2016 годах. – 2017. – 810, [3] с..

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла в 1996 г., статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — ***проведение международных научно-практических конференций, издание сборников*** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность).

20–21 сентября 2012 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях).

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения).

25–27 сентября 2014 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия).

28–30 сентября 2015 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии).

29–30 сентября 2016 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе).

28–29 сентября 2017 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях).

27–28 сентября 2018 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственными и негосударственными акторами).

26–27 сентября 2019 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны).

24-25 сентября 2020 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти).

Кроме этого, Школа постоянно занимается ***просветительской работой*** — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Госу-

дарственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО (У) МИД РФ и т.д.

Еще одно направление деятельности — ***консультирование, проведение прикладных политологических исследований.*** Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, серийному изданию «Дневник АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ стала лауреатом IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» и была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджелогической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке)».

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
🗁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
🖳 http://ashpi.asu.ru/ic/

Информация об авторах

Аршинцева Ольга Алексеевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бикетова Екатерина Андреевна
Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук с курсом клинической психологии Алтайского государственного медицинского университета, г. Барнаул

Григорян Григор Паруйрович
Магистр международных отношений, соискатель, Ереванский государственный университет, факультет международных отношений, г. Ереван, Армения

Дергачева Влада Евгеньевна
Магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дерендяева Анна Дмитриевна
Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дьяченко Наталья Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Казаков Михаил Анатольевич
Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Прикладного политического анализа и моделирования» ННГУ им Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Кленова Софья Дмитриевна
Студентка Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Коваленко Людмила Георгиевна
Кандидат философских наук, доцент, г. Барнаул

Козулин Вячеслав Николаевич
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Коровникова Наталья Александровна
Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доцент, г. Москва

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лебаев Фархат Рашидулы

Научный сотрудник отдела Всемирной истории Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, PhD докторант, Республика Казахстан

Лысцев Михаил Сергеевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры «Методология, история и философия науки» НГТУ им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород

Малышева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Михалев Алексей Викторович

Доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ

Нелюбин Павел Геннадьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государсвтенного университета, г. Барнаул

Савоськин Алексей Максимович

Магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Самойлов Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Северова Мария Сергеевна

Кандидат политических наук, консультант Министерства экономического развития и инвестиций Нижегородской области, г. Нижний Новгород

Семененко Ирина Станиславовна

Доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН, г. Москва

Смирнова Вера Александровна

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук РНИМУ им. Н. Пирогова, г. Москва

Турьинская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт Африки РАН, г. Москва

Ульянов Павел Владимирович

Старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Филатов Даниил Сергеевич

Студент Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Цыряпкина Юлия Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Содержание

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ XX ВЕКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ 3

Чернышов Ю.Г. История XX века в политике памяти: итоги двух конференций.....4

1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ..... 11

Коваленко Л.Г. Некоторые особенности политики памяти в свете глобальных событий современности 11

Коровникова Н.А. Политика памяти в (пост)пандемическом контексте.....18

Семененко И.С. Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры 23

2. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ 32

Аршинцева О.А. Как изучать историю Первой мировой войны: образовательный проект Национального Архива Великобритании «Пропаганда, 1914–1918 гг.».....32

Бетмакаев А.М. Трианон, Хорти, Холокост: «спор историков» в контексте политики памяти в Венгрии 40

Бикетова Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса.....49

Григорян Г.П. Память о Великой Отечественной войне в системе коллективной памяти постсоветского общества Армении.....59

Дерендяева А.Д. Политика памяти: опыт Республики Казахстан68

Кленова С.Д., Чернышов Ю.Г. Позиция Турции в отношении признания геноцида армян.....76

Курныкин О.Ю. Коллаборационизм и историческая память о Второй мировой войне в Индии 83

Малышева Н.С. Режим Виши (1940–1944 гг.) в политике памяти Франции 90

Нелюбин П.Г. «Свои» и «чужие» в эпоху Мэйдзи: антихристианская общественно-политическая мысль в Японии.....94

Савоськин А.М. Косовский миф в исторической памяти сербов и албанцев 102

Самойлов Н.Ю. Колониальный дискурс, распад и наследие Британской империи в документальных фильмах Великобритании (2000–2012 гг.).....108

Ульянов П.В., Лебаев Ф.Р. «Великая война»: образ Первой мировой войны в британском документальном кино....122

Цыряпкина Ю.Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения в контексте идей нациестроительства в постсоветском Узбекистане.....129

Чураков К.А. Память об Александре Македонском: был ли Пирр продолжателем дел Александра?.....137

3. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ОТНОШЕНИИ СОБЫТИЙ XX ВЕКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ..... 143

Дьяченко Н.В. Память о гражданской войне на Алтае 143

Казаков М.А., Лысцев М.С., Северова М.С. Политика памяти в современной РФ: особенности реализации городскими и региональными элитами в Нижнем Новгороде 148

Козулин В.Н. «Белые пятна» исторической памяти: образ последнего царя в отечественной исторической литературе.....158

Михалев А.В. Память о японской интервенции на Дальнем Востоке России: три постсоветских нарратива 169

Смирнова В.А. Воспоминания о вспышке холеры в СССР в 1970 году: свидетельства советской эпохи и нарративы эры COVID-19 177

Филатов Д.С., Козулин В.Н. Формирование образа США в российском историческом сознании в XIX веке 185

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ «ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИМИДЖА СТРАНЫ»192

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 203

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 208

СОДЕРЖАНИЕ.....211

Серийное научное издание

Дневник Алтайской школы политических исследований №36. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти)

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997

Подписано в печать 27.10.2020.
Выход в свет 03.11.2020
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 50 экз. Заказ 308.

Типография Алтайского государственного университета
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66